

902.7(5163)

A 47

3274221

И. П. АБЕРЦЕВА

ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
САРМАТОВ И РАТШИХ АЛАВ
С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА

ЧЕРКЕССК
1976

**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

Е. П. АЛЕКСЕЕВА

ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
САРМАТОВ И РАННИХ АЛАН
С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА

(III в. до н. э.—IV в. н. э.)

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК—1976

902.7 (С163)
А 47

327422 - 1

Карачаево-Черкесская
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе рассматриваются вопросы этнической истории местного населения Северо-Западного Кавказа и сармато-алан в III в. до н. э. — IV в. н. э. В центре внимания — вопрос о проникновении сарматов и ранних алан в местную среду и дальнейшие этнические контакты, в частности, вопрос о слиянии местных и пришлых племен.

Памятники местного населения и сармато-алан лучше всего изучены в Прикубанье, поэтому основной территорией, которая будет нас интересовать, является Прикубанье, Нижнее и Среднее, а также Верхняя Кубань, нынешняя Карачаево-Черкесия. Территории Восточного Причерноморья, Тамани¹ и Восточного Приазовья мы будем касаться лишь тогда, когда это будет нужно для освещения какого-либо вопроса нашей темы.

Говоря о местных племенах, мы имеем в виду, прежде всего, меотов, которые в изучаемое нами время были основным населением Северо-Западного Кавказа. В верховьях Кубани, на территории Карачаево-Черкесии, кроме меотов, обитали древние предки карачаевцев, потомки носителей кобанской культуры. Меоты, как известно, являются предками адыгов-черкесов. Считаю необходимым здесь же оговорить, что в данной работе термин «меоты» употребляется в широком смысле, то есть имеются в виду не только те древнеадыгские племена, которые населяли Приазовье, но вообще все древние адыги, обитавшие на Северо-Западном Кавказе, в частности — в Прикубанье. Ранними аланами мы называем алан, живших в I—IV вв., до гуннского нашествия.

Вопросы темы раскрываются автором на археологическом материале. Кроме изданных работ отчетного и исследовательского характера автором использованы рукописные отчеты (Н. И. Веселовского и П. Н. Шишкина), хранящиеся в архиве

¹ О Тамани см. обстоятельную статью Ю. М. Десятчикова «Сарматы на Таманском полуострове». СА, 1973, № 4, стр. 69—80. Исходные позиции Ю. М. Десятчикова и наши совпадают.

Ленинградского отделения ИА АН СССР, а также некоторые материалы архива ИА АН СССР.

Инвентарь погребений и поселений изучался в Адыгейском, Карачаево-Черкесском, Ставропольском музеях, экспозиционные материалы — в государственном Историческом музее, государственном Эрмитаже и Краснодарском музее. Используются материалы раскопок и исследований автора памятников меото-сарматского времени на территории Карачаево-Черкесии.

Проблемы этнических связей местного населения Северо-Западного Кавказа с сарматами ставились в советской археологической литературе. Более всего в этом отношении сделано К. Ф. Смирновым. Занимаются этими вопросами также Н. В. Анфимов и И. С. Каменецкий.

К. Ф. Смирнов в своей статье «Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья»¹ прослеживает непрерывное тысячелетнее развитие культуры местных племен (меотов — в широком понимании этого слова), испытавшей воздействие культур Боспора и сарматов, обитавших в течение многих столетий по соседству с меотами и постепенно проникавших в местную среду. Автор высказывает предположение, что еще в V — IV вв. до н. э. в Прикубанье в местную среду проникали отдельные савроматские (сиракские) группы. Курганы у ст. Воронежской IV — III вв. до н. э., по мнению К. Ф. Смирнова, принадлежали верхушке меотского, а возможно, частично и савроматского (сиракского) населения. К. Ф. Смирнов поддерживает предположение Н. В. Анфимова о том, что восточной границей распространения меотских племен в Закубанье была река Лаба. Усть-Лабинский 2-ой могильник расположен в пограничном восточном районе расселения меотских племен. В погребениях этого могильника, относящихся к III — II вв. до н. э., появляются черты, характерные для сарматского обряда, — перекрещивание голеней, разбитые зеркала, катакомбы и др. С III в. до н. э. в закубанских степях, особенно между Лабой и Кубанью, появляется новый тип впускных погребений с широтной, чаще всего западной ориентировкой. Таким образом, заключает К. Ф. Смирнов, в восточных районах Среднего Закубанья (от Лобы и Армавира) с III в. до н. э. можно проследить уве-

¹ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК 46, М., 1952, стр. 3 — 18. Высказывания по интересующим нас вопросам имеются и в других работах К. Ф. Смирнова, на которые имеются ссылки в главах I—III нашей монографии.

личение новых элементов культуры, характерных для сарматского быта. Сарматы движутся в богатые земли Прикубанья с целью захватить перевальные пути на Северном Кавказе. Этим движением вызвано строительство сильных укреплений вокруг поселений правобережной Кубани. Далее К. Ф. Смирнов высказывает весьма справедливое положение о том, что военные столкновения меотов и сарматов не исключали возможности их слияния. Ко II в. до н. э. в восточных районах Прикубанья (по правобережью Лабы и в Закубанье), вероятно, господствующее положение заняли сираки. Усть-Лабинский 2-й могильник является образцом слияния меотской и сарматской культур, хотя преобладает местная культура. В курганных погребениях III — II вв. до н. э. в Закубанье сарматские черты в культуре выступают значительно ярче. С проникновением сарматов в Прикубанье и на Боспор появляется катакомбная форма захоронения (с IV — III вв. до н. э.).

К I в. до н. э. Восточное Прикубанье становится центром сиракского объединения, возможно, включавшего в свой состав часть меотского населения. Очевидно, сиракам принадлежали курганы зубовско-воздвиженской группы (см. ниже).

Археологические материалы свидетельствуют о проникновении в Прикубанье с I в. до н. э. приволжских сарматских племен (роксоланов, аорсов, алан).

Материальная культура Прикубанья с I в. до н. э. подверглась сарматизации: это сказывается, главным образом, на формах предметов вооружения и конского снаряжения, а также в появлении таких предметов, как зеркала сарматского типа. Прослеживаются тесные связи с Поволжьем. Однако, древняя меотская культура сохранила свои специфические черты.

В I — II вв. н. э. на правобережье Кубани существовал могильник «Золотое кладбище» с подкурганными катакомбными погребениями. Как указывает К. Ф. Смирнов, формы катакомб тождественны сарматским и нижеволжским. Оставлен этот могильник различными сарматскими племенами, в том числе, возможно, и аланами. Некоторые погребения (в грунтовой прямоугольной яме) принадлежат сиракам. Прослеживается сильное меотское влияние.

После гуннского нашествия потомки меотов, сираков и северокаспийских аланов, проникавших в Прикубанье с I в. н. э., приняли участие в создании средневековой культуры Северного Кавказа.

Таковы главные положения очень содержательной статьи К. Ф. Смирнова «Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья».

Второй работой К. Ф. Смирнова, в которой рассматриваются интересующие нас вопросы, является статья «Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа»¹.

Автор отмечает, что в Поволжье и в Приуралье катакомбы чаще всего встречались у сарматских племен, которые более всего могут соответствовать аорсам и верхним аорсам Страбона последних столетий до н. э.

В статье рассматриваются формы катакомб Южного Приуралья — Поволжья и Северного Кавказа. «Поволжско-уральские катакомбы, — пишет К. Ф. Смирнов, — по своим конструктивным особенностям разделяются на три основных типа: I — камера, вырытая в узкой части дромоса, по своей длине иногда равна, а чаще всего шире дромоса; II — камера расположена по продольной оси входной ямы или дромоса, иногда она отделена от дромоса суженным устьем; III — камера, вырытая в узкой части входной ямы, находится под тупым или прямым углом по отношению к ней»².

На Северном Кавказе имеются катакомбы всех трех типов: катакомбы первого типа — курганы у ст. Казанской №№ 1, 19, 43; катакомбы второго типа — а. Учкеекен, курган № 1 и ст. Тифлисская, курган № 52; катакомбы третьего типа — ст. Казанская, курганы №№ 16, 17, 18; между Казанской и Тифлисской — курган № 40; Учкеекен — курганы №№ 2 и 3.

Говоря о катакомбах I типа, К. Ф. Смирнов отмечает следующее: «Катакомбы первого типа получили на Северном Кавказе наибольшее развитие и стали особенно характерными для могильников Северного Кавказа. Племена, оставившие эти могильники, справедливо связываются с аланами раннего средневековья.

Я не могу полностью разделить мнение Л. Г. Нечаевой, поддержанное рядом исследователей, о среднеазиатском происхождении всех северо-кавказских катакомб первых веков н. э. Од-

¹ К. Ф. Смирнов. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья—Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1972, № 1, стр. 73—81.

² К. Ф. Смирнов. Сарматские катакомбные погребения..., стр. 74.

нако пока только эта гипотеза кажется наиболее аргументированной, так как господствующая форма этих катакомб (I тип), представленная особенно четко алхакалинскими катакомбами, находит большие соответствия с хорошо известными катакомбами Средней Азии, в частности, бассейна Сыр-Дарьи¹.

Катакомбы II и III типа, по К. Ф. Смирнову, — поволжско-приуральского сарматского происхождения. «В настоящее время нельзя сбрасывать со счетов, — замечает К. Ф. Смирнов, — и сарматские поволжско-уральские степи, особенно в вопросе о происхождении прикубанских и учкекенских катакомб II и III типов»².

Мы не можем согласиться со всеми положениями данной статьи, в частности, не можем считать северокавказские катакомбы вообще сарматскими. Мы считаем их раннеаланскими. Однако, бесспорна очень большая ценность данной статьи в изучении вопросов нашей темы и сармато-аланской проблемы в целом.

Огромная заслуга в деле изучения археологических памятников меото-сарматского времени Северо-Западного Кавказа принадлежит Н. В. Анфимову. Количество раскопанных исследователем памятников — городищ и могильников — исчисляется сотнями. В работах Н. В. Анфимова мы находим детальное описание памятников, датировку и историческую их интерпретацию. В основном памятники меото-сарматского времени Северо-Западного Кавказа автор считает меотскими, хотя не отрицает и проникновения сарматов в эти места и сарматского влияния. Так, например, курганный могильник рубежа н. э. между ст. Воронежской и Казанской, так называемое «Золотое кладбище», Н. В. Анфимов в какой-то степени связывает с появлением сарматов, хотя в конечном счете этот могильник рассматривается не как сарматский памятник, а как «погребения богатых слоев оседлого и полукочевого населения Прикубанья»³.

Влияние сарматов на местное население, по Н. В. Анфимову, в общем было невелико. «Новые сарматские племена оказывали влияние на меотское население. В результате этого влияния появились некоторые типы оружия, одежды, обрядов.

¹ К. Ф. Смирнов. Сарматские катакомбные погребения., стр. 80.

² Там же.

³ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, стр. 45; его же. Курганы рассказывают. Краснодар, 1972, стр. 89.

Этим процессы сарматизации в Прикубанье и в Восточном Причерноморье в основном и ограничались. Господствующим осталась меотская культура, меотский язык. Часть сарматов, перешедших к оседлости и слившихся с меотами, была последними ассимилирована»¹.

В других работах Н. В. Анфимова имеются отдельные высказывания по интересующим нас вопросам. Однако специального подробного исследования вопросов нашей темы в работах Н. В. Анфимова мы не находим.

И. С. Каменецкий в своей работе, касающейся Нижнего Дона, затрагивает и ряд вопросов нашей темы. Так, автор пишет о расселении сарматов на Северо-Западном Кавказе и о проникновении их в Прикубанье, в меотскую среду. В частности, по И. С. Каменецкому, сарматы-сираки могли жить в Прикубанье восточнее Лабы. Автор намечает ряд признаков, по которым определяются сарматские и меотские погребения, а также отвергает некоторые признаки сарматской принадлежности погребенных, принятые в археологической сарматоведческой литературе². В другой работе—«Ахардей и сираки»—И. С. Каменецкий выдвигает положение, что Ахардей, на котором локализуется сираки, не Маныч, а Кубань³.

Отдельные высказывания, так или иначе связанные с нашей темой, имеются в работах В. Б. Виноградова, М. П. Абрамовой, Т. М. Минаевой и некоторых других исследователей (см. ниже, гл. I — III).

Специального сводного исследования, посвященного вопросам нашей темы, касающегося Прикубанья, за исключением указанной статьи К. Ф. Смирнова, в литературе не имеется.

Изучая вопросы данной темы, автор столкнулся с большими трудностями. Дискуссионным является вопрос о признаках, определяющих меотскую или сарматскую принадлежность памятника (погребения). Очень спорен вопрос о сираках и аорсах.

¹ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 25; его же. Курганы рассказывают, стр. 88.

² И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Автореферат кандидатской диссертации. ИА АН СССР. М., 1965, стр. 5, 11, 14—15 и др.

³ И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. СССР. (Тезисы докладов.) Отделение истории АН СССР. Отделение общественных наук АН Азербайджанской ССР. Баку, 1965, стр. 99.

Выявление археологических признаков, характеризующих сараков или аорсов, еще только начинается. Поэтому в данной работе в основном вопрос ставится так — местный ли это памятник или сармато-аланский. Как будет видно из изложенного ниже, существует много и других трудностей, связанных с дискуссионностью и неизученностью проблем, а иногда — с недостаточностью материала.

Поэтому в настоящей работе мы не ставим себе задачей полностью решить все вопросы нашей темы — это дело будущих исследований. В данное же время состояние изучения вопроса таково, что об этнических связях местного и сармато-аланского населения можно говорить только в общих чертах.

Настоящую монографию автор расценивает как один из первых шагов в деле изучения поставленной перед нами проблемы этнических связей местного населения Северо-Западного Кавказа и сармато-алан¹.

¹ При написании данной работы автор получил консультации от М. П. Абрамовой и И. С. Каменецкого. Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Майе Павловне и Игорю Сергеевичу. Приношу благодарность также Константину Федоровичу Смирнову, прорецензировавшему мою работу в рукописи.

МЕОТСКИЕ И САРМАТО-АЛАНСКИЕ МОГИЛЬНИКИ ПРИКУБАНЬЯ

Настоящая глава посвящена погребальным памятникам местного, главным образом, меотского населения, а также захоронениям сарматов и ранних алан. Но прежде чем перейти к описанию и анализу этих памятников, необходимо рассмотреть вопрос, какие же признаки являются характерными для меотских и сармато-аланских погребений Прикубанья.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПРИЗНАКИ МЕОТСКИХ, САРМАТСКИХ И РАННЕАЛАНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ПРИКУБАНЬЯ

Вопросом, поставленным в данном разделе, занимались К. Ф. Смирнов, Н. В. Анфимов, Л. Г. Нечаева, В. Б. Виноградов, М. П. Абрамова, Ю. С. Каменецкий, Ю. П. Ефанов и некоторые другие исследователи.

Установлено, что для местного, меотского, населения характерны как бескурганные, так и подкурганные захоронения. В бескурганых могильниках покойники лежали в грунтовых могилах, имевших, как правило, форму прямоугольника. Изредка попадались погребения в каменных гробницах, в могилах, выложенных сырцовым кирпичом. Скелеты лежали вытянуто, на спине, но иногда встречались скорченные костяки, лежащие на боку. В меотских захоронениях рано появляется галька¹.

¹ Галька иногда встречается и в сарматских захоронениях, но в более поздние периоды, чем у меотов, и значительно реже, чем в меотских могилах, поэтому обряд положения гальки в погребение вряд ли можно считать характерным для сарматов (см., напр.: В. Е. Максименко. Сарматские погребения в дельте Дона. СА, 1970, № 2, стр. 230).

Именно для меотов характерен обычай класть под голову покойного миску, который практиковался в последние столетия до н. э., особенно в III—II вв. до н. э. Во II—III вв. наблюдается обычай ставить горшок в миску¹.

Под курганами местное население хоронило своих покойников, главным образом, в каменных гробницах — обычай, наблюдающийся в этих местах с глубокой древности².

Какие же признаки отмечаются для сарматских и раннеаланских погребений?

В советской исторической науке принято положение о том, что катакомба³, как сарматского времени, так и раннесредневекового, принадлежит аланам⁴.

¹ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 45—46 и другие работы этого автора, указанные ниже; Ю. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона..., стр. 16—17; Ю. С. Ефанов. Кобяковский грунтовой могильник и вопрос об его этнической принадлежности. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 139.

² К. Ф. Смирнов. Северский курган. ТГИМ, Памятники культуры, вып. XI, 1953, стр. 7—9.

³ Кроме названия «катакомба», существуют еще два термина для обозначения этого вида погребального сооружения — «земляной склеп», «камера». Мы считаем, что термин «катакомба» наиболее точный и универсальный, поэтому употребляем именно это название. Конечно, следует здесь же оговорить, что формы катакомбных сооружений были самые разнообразные.

⁴ А. А. Спицын. Исконные обитатели Дона и Донца. Журнал Министерства народного просвещения, новая серия, часть XIX, 1909, январь, стр. 72; Ю. А. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова. ИГАИМК, V. Л., 1927, стр. 65; М. И. Артамонов. К вопросу о карпато-дунайской культуре. Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. Кишинев, 1967, стр. 31; Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореферат кандидатской диссертации. ИИМК АН СССР. Л., 1956, стр. 18; ее же. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 151—159; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА 106. М., 1962, стр. 14; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. ТЧИНИИ, VI. Грозный, 1963, стр. 105—106; Б. Н. Граков. Рецензия на книгу В. Б. Виноградова в СА, 1964, № 4, стр. 239; Т. М. Минаева. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, стр. 137, 178—181 и другие.

По отношению к подбою высказывались различные точки зрения: подбой считались гуннскими¹, местными меотскими² и, наконец, сарматскими. В. Б. Виноградов считает подбой аорской формой погребального сооружения³, М. П. Абрамова оспаривает это мнение⁴. Но большинство исследователей считают подбой сарматской могилой. К этому мнению присоединяется и автор настоящей работы.

Сарматскими (сиракскими) К. Ф. Смирнов считает впускные подкуранные погребения, представляющие собой могильные ямы с деревянными конструкциями, с преимущественно западной ориентировкой костяков⁵. К этому определению К. Ф. Смирнова присоединяется и В. Б. Виноградов⁶.

Наконец, сарматскими считаются ямы с заплечиками⁷ и диагональные погребения в квадратных ямах. Эти последние связываются с роксоланами⁸.

Характерным признаком сармато-аланской принадлежности погребенного является обычай деформации головы⁹. Сармат-

¹ Это мнение высказала Л. Ф. Нечаева вслед за В. В. Гольмстен. Л. Ф. Нечаева. Об этнической принадлежности..., стр. 151—159.

² Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 46.

³ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 101.

⁴ М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии, СА, 1968, № 3, стр. 127.

⁵ К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 14—15.

⁶ В. Б. Виноградов. Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.—I в. н. э. СА, 1968, № 1, стр. 51.

⁷ К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 15; Ю. П. Ефанов. Кобяковский грунтовой могильник..., стр. 142.

⁸ К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213—219; его же. Основные пути..., стр. 15.

Впоследствии К. Ф. Смирнов отказался от своей точки зрения о роксоланской принадлежности диагональных погребений. По мнению К. Ф. Смирнова, диагональность погребений является не этническим, а социальным и религиозным признаком, свойственным и аорсам, и роксоланам, и аланам. (К. Ф. Смирнов. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.—II в. н. э. Историко-археологический очерк. СА, 1974, № 3, стр. 38, 41—43.)

⁹ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА 60. М., 1959, стр. 492—494; В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья. (По материалам Калиновского могильника.) МИА 60. М., 1959, стр. 556—560, 570—572; Ю. П. Ефанов. Кобяковский грунтовой могильник..., стр. 138.

ской чертой является также наличие мела в погребении — в кусках или в меловой посыпке дна могилы¹.

Иногда в сармато-аланских погребениях на дне лежал толстый слой глины².

Большинство исследователей считают сарматским обычаем положение одной или обеих кистей на таз или под таз покойника, а также обычаем перекрещивать ноги покойника³.

Как полагает И. С. Каменецкий, обычай положения рук на таз, вероятно, не может служить признаком сарматской принадлежности, так как в рассматриваемое время он столь же широко распространен и у меотов. По мнению И. С. Каменецкого, нельзя считать специфически сарматским обычаем хоронить со скрещенными голенями. По подсчетам И. С. Каменецкого, этот обычай на Волге заметное место (7,8%) занимает только во II—III вв. н. э., тогда как на Кубани наибольшее его распространение (11,1%) приходится на I в. до н. э.—I в. н. э. Следовательно, заключает И. С. Каменецкий, обычай перекрещивания ног, как отличительный признак сарматов, может рассматриваться только со второго века и только в районах, удаленных от территории расселения меотов⁴.

Мы не можем согласиться с доводами И. С. Каменецкого. Что касается положения руки на таз, то скифо-сарматское происхождение этого обычая, как правильно отмечает В. Б. Виноградов, подтверждается данными письменных источников⁵.

Обычай же хоронить со скрещенными голенями вряд ли можно считать меотским. В обряде погребения более ранних меотских могильников этот обычай корней не имеет. То обстоятельство, что наибольшее распространение его на реке Кубани приходится на период более ранний, чем на Волге, еще

¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964, стр. 95—96.

² Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК 60. М., 1955, стр. 77; И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. МИА 57. М., 1956, стр. 105—123.

³ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 92.

⁴ И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона..., стр. 14.

⁵ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 92; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 64, примечание 81. Отметим, кстати, что погребенные с рукой на тазу были обнаружены и в Кепях — все в подбойных могилах III—II вв. до н. э. (Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. КСИА 95, М., 1963, стр. 64.)

не говорит о меотской принадлежности этого обычая, а скорее свидетельствует о том, что он был более широко распространен у прикубанских сарматов, нежели у сарматов поволжских. Скорее всего, обычай перекрещивать голени существовал на Северо-Западном Кавказе у сарматов. Позднее, в эпоху раннего средневековья, перекрещивание голени в погребениях наблюдалось у потомков сарматов — алан¹.

Итак, характерными чертами сармато-аланского погребального обряда можно считать следующие:

1. Катакомба (характерна для алан).
2. Подбой (характерен для сарматов, может быть, — для аорсов, если прав В. Б. Виноградов).
3. Ямы, частично впускные в курганы, с деревянными конструкциями, с преимущественно западной ориентировкой костяков. Может быть, характерны для сираков, как полагают К. Ф. Смирнов и В. Б. Виноградов.
4. Яма с заплечиками.
5. Прямоугольная, почти квадратная яма с диагональным положением покойника.
6. Деформированный череп.
7. Куски мела или меловая посыпка на дне могилы.
8. Слой глины на дне могилы.
9. Положение одной или обеих кистей рук на таз или под таз.
10. Перекрещивание голени.

Перечисленные признаки являются ведущими. Есть и более второстепенные признаки, например, наличие войлочного покрытия в могиле². Можно также упомянуть об обычае класть в женское погребение оружие, в частности, наконечники стрел. Однако следует учитывать, что женщины-сарматки участвовали в войнах, главным образом, в IV — II вв. до н. э. В I в. до

¹ Обычай перекрещивания голени существовал не только у савроматов, сарматов и алан, но и у киммерийцев и скифов. (В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко. Киммерийские погребения высокой могилы. СА, 1974, № 1, стр. 148—149; Д. С. Раевский. Скифы и сарматы в Неаполе. Проблемы скифской археологии. М., 1967, стр. 148.) Не значит ли это, что обычай перекрещивать покойнику голени был свойствен именно для ираноязычных племен древности?

² См., например: В. Е. Максименко. Сарматские погребения в дельте Дона, стр. 225.

н. э. — I в. н. э. женщины, как правило, в войнах участия не принимали. Во II — IV вв. женщины совсем не воевали. Соответственно оружие в сарматских женских могилах клал, как правило, только на раннем этапе сарматской истории, для более поздних периодов этот обычай не характерен¹.

Иногда в качестве признака сарматской или меотской принадлежности отмечается определенная ориентировка костяков. Но ориентировка у сарматов в разные периоды была различная. И у меотов не во все периоды их истории ориентировка была устойчивой. Поэтому такой признак, как ориентировка погребенного, может быть критерием лишь в совокупности с другими признаками.

Наконец, воздержимся от определения сарматской принадлежности каких-либо предметов в инвентаре погребенных. Дело в том, что вообще по инвентарю не всегда возможно установить этническую принадлежность погребенного. Оружие, украшения, принадлежности конского снаряжения при совместном проживании разных этнических групп очень скоро становятся одинаковыми для всего населения данной местности². Керамика, конечно, значительно дольше сохраняет свои особенности. Но и в погребениях и на поселениях меото-сарматского времени Прикубанья керамика местная, меотская — сарматские формы исследователями не выделяются. Очевидно, поселившиеся в Прикубанье прикаспийские кочевники-сарматы заимствовали у местного населения формы глиняной посуды. Это не удивительно, если учесть, что прикубанская керамика проникала в сарматские северокаспийские районы еще со II в. до н. э.³

В настоящем разделе мы смогли только очень кратко остановиться на характерных особенностях сармато-аланского погребального обряда. О некоторых из этих особенностей более подробно мы скажем ниже, в главе III.

Переходим к краткой характеристике могильников Прикубанья. Памятники рассмотрим по группам — вначале могильники Нижнего и Среднего Прикубанья (бескурганные и курганные), а затем — Верхней Кубани (Карачаево-Черкесия).

¹ Л. М. Хазанов. Характерные черты сарматского военного искусства. СА, 1970, № 2, стр. 53, 57, 60.

² А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 10, 18, 21, 71.

³ М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. СА, 1959, № 1, стр. 57, 58; К. Ф. Смирнов. Сарматы..., стр. 35, 37.

А. Бескурганные погребения

Владимировская¹

В 1938 году при добыче гравия у ст. Владимировской, находящейся на правой террасе р. Лабы, на берегу р. Кукусы, были обнаружены земляные склепы (катакомбы). Два склепа сохранились частично, третий был совершенно уничтожен. В склепах имелись ниши. В двух склепах человеческих костей и вещей найдено не было. В третьем, по словам рабочих, был найден человеческий скелет и при нем сероглиняный кувшин. Дата погребения — I — II вв. н. э.

Кроме того, была обнаружена подбойная могила. В ней находились костяки и глиняные сосуды. Дата захоронения — I в. до н. э. — I в. н. э.

В 1958 г. в ст. Владимировской при добыче гравия был открыт двухкамерный земляной склеп. В одной из камер лежали четыре скелета, в другой — один. Найдено много вещей: бронзовая, серебряная и глиняная посуда, предметы вооружения, псални в виде колесиков и др. Глиняные сосуды — местные. Дата — I в. н. э.

В других могилах у ст. Владимировской найдены предметы, относящиеся ко II в. до н. э. — II — нач. III вв. н. э.

Даховская²

В 1936 г. в окрестностях ст. Даховской было случайно раскопано богатое погребение с инвентарем II — III вв.

¹ Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК 16. М.—Л., 1947, стр. 148—149; его же. Глиняные курительницы сарматского времени с Северного Кавказа. КСИИМК 58. М., 1955, стр. 31—36; его же. Могильники Закубанья эпохи раннего железа (по материалам экспедиции 1958 г.), Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1958 г. М., 1959; И. И. Гущина. Находки в Краснодарском крае. СА, 1962, № 2, стр. 205—210.

² Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. Под общей редакцией В. П. Потемкина. На правах рукописи. М., 1945, стр. 86; Б. В. Луни. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станций Тульской и Даховской близ Майкопа. ВДИ, 1939, № 3, стр. 210—223.

Елизаветинская

Могильник № 1¹

У северо-западной окраины Елизаветинского городища находится грунтовой могильник.

В 1931 г. М. В. Покровский и Н. В. Анфимов доследовали 14 могил. В 1934—1935 гг. этот могильник раскапывала археологическая экспедиция Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР (В. А. Городцов). В 1952 г. Краснодарским отрядом доследованы 4 погребения.

Всего вскрыты 95 погребений, из них 38 — в 1934 г., 57 — в 1935 г. Определены 45 мужских, 22 женских погребений. В 55 случаях покойники вытянуты, в 5 скорчены, одно погребение сидячее. Ориентировка 50% — на В, есть на С (5), на СВ (11), на В (31), на Ю (8), на ЮЗ (1). На 3 и СЗ нет совсем. 30 костяков — череп на краю или в середине миски. Иногда миски были опрокинуты и покрывали лицо покойника. Встречен костяк с перекрещенными голенями. Могилы — мелкие грунтовые ямы. Иногда над ними, очевидно, были маленькие курганы.

Н. В. Анфимов полагает, что обряд был местный, но есть черты греческого обряда — наличие монет во рту или близ головы².

Могильник № 2³

Находится в 2 километрах от ст. Елизаветинской, связан с небольшим меотским городищем.

Обнаружены 136 погребений, из которых 100 относятся к среднемеотскому периоду, 12 — к позднемеото-сарматскому, 2 — к V — VI вв. н. э., 22 — точно не датируются.

В основном погребения первой хронологической группы датируются IV—III вв. до н. э. Костяки на спине, ориентированы на

¹ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта древних поселений и могильников Прикубанья. СА IV. М.—Л., 1937, стр. 272; М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Труды Краснодарского гос. педагогического института, том VI, вып. I. Краснодар, 1937, стр. 3—38; В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и окружающих его могильников. СЭ, 1935, № 3, стр. 71—76; В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники. СА I. М.—Л., 1936, стр. 171—186; В. П. Шилов. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам в 1952 г. СА XXIII. М., 1955, стр. 248; Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 39.

² Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 39.

³ Н. В. Анфимов. Исследование памятников раннежелезного века на Кубани. Сб. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 72—73.

Ю, реже, на ЮВ. В головах обычно находится миска вверх дном, иногда она закрывала череп, иногда голова покойника находилась на краю миски. В могилах найдены амфоры и другие глиняные сосуды, оружие, украшения. В некоторых могилах лежали скелеты лошадей, иногда с железными удилами.

Погребений позднемеото-сарматского времени немного. Ориентировка неустойчива — наряду с южной появляется северная. В одной из могил лежал скелет коровы, в другой — три лошадиных костяка.

Встречены погребения с северной ориентировкой без инвентаря, в одном из них скелет скорчен на боку.

Ивановское¹

У села Ивановского на Тшикском водохранилище зафиксирован могильник первых веков н. э.

Казанская²

Бескурганный могильник I в. н. э. Раскопаны три могилы. Скелеты лежали головой на ССВ и ВСВ. Одна из могил — ка-такombная, входное отверстие закрыто закладной плитой (глиняной, обожженной специально для этого), снаружи приваленной галечным конгломератом. Найден кусок мела. Вторая могила, очевидно, подбойная. При костяке обнаружена чашечка, в ней кусок мела. Третья могила без инвентаря.

Колосовка³

В поселке Колосовка прорабом В. С. Штода найдены вещи меото-сарматского времени. Житель пос. Колосовка нашел монету Рискупорида III (219 г.).

См. могильник Ясеновая поляна.

Краснодарские грунтовые могильники

1. Могильник городища КРЭС⁴. Дата — I—II вв.

¹ Н. В. Анфимов. Земляные склепы..., стр. 153.

² Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, 46. М., 1952, стр. 72—85.

³ П. А. Дитлер. Находки археологической экспедиции в пос. Колосовка на р. Фарс. Газ. «Адыгейская правда», 1957, № 254—7 104, 24 ноября, стр. 3.

⁴ Н. А. Захаров. Общий обзор обследования работ на городище в г. Краснодаре. Записки Северокавказского краевого общества археологии, вып. 3—4, Ростов-на-Дону, 1927, стр. 23—32; М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 272.

2. Могильник на городище у Дубинки близ мясокомбината¹. Находится у северо-западной стороны городища на месте котлована для добычи глины. В могильнике найдены вещи римского времени.

3. Могильник у коопхоза². Могильник на территории коопхоза, на правом берегу Кубани, близ Краснодара, относится к III — II вв. до н. э.

4. Грунтовой могильник на западной окраине г. Краснодара, за кожзаводами, в конце Загородной улицы³. Дата — I—II вв. Вскрыто 21 погребение. Могилы на глубине 1,2 — 1,65 метра (средняя глубина). Наибольшая глубина 2,1 метра. Ориентировка неустойчивая: западная, северная, есть юго-западная. Костяки вытянутые, на спине, один в полускорченном положении. В погребении № 11 голени перекрещены. В 5 могилах вместе с человеческими — конские костяки. Найдены сероглиняные миски, лепные горшки, куски мела, кости овцы. По мнению Н. В. Анфимова, могильник меотский, хотя в нем есть сарматские, сиракские черты.

5. Могильник на ул. Тельмана, б. Почтовой⁴. Находится на правой террасе Карасуна (рукав Кубани). Могильник вскрыт при земляных работах в 1929 г. Зарегистрированы 150 погребений. Большинство I — II вв. н. э., есть III в. до н. э. Один костяк усыпан золотыми нашивными бляшками. Встречен костяк с перекрещенными голенями.

Кроме перечисленных, в районе Краснодара открыто еще несколько могильников — на ул. Артельной⁵ и другие.

Кургаковский⁶

Могильник близ аула Кургаковского (на расстоянии 1 километра на восток от Успенского второго городища по левому берегу р. Кубань). Каменная гробница прямоугольной формы,

¹ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 272; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 214—219.

² М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 272.

³ Н. В. Анфимов. Меотский могильник на западной окраине Краснодара. Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. I. Краснодар, 1960, стр. 158—166.

⁴ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 271; М. В. Покровский. Городища и могильники..., стр. 27—28.

⁵ Газ. «Советская Кубань», 1965, 20 августа.

⁶ Н. В. Анфимов. Археологические разведки по Среднему Прикубью. КСИИМК, 50. М., 1955, стр. 51.

сделана из тонких плит песчаника, сверху покрыта такими же плитами. Пол земляной. Ориентирована с С на Ю. В южной части — три человеческих черепа. Найдены другие человеческие кости, а также кости лошади. Вещи — второй половины IV — начала III вв. до н. э.

Ладожская¹

В Ладожской Н. В. Анфимовым открыт земляной склеп (катакомба) с пятью скелетами — тремя мужскими и двумя женскими (разновременные захоронения). Костяки лежали на спине. Здесь найдена амфора II в. до н. э. К этому погребению, очевидно, относится захоронение шестерки лошадей.

Мокрянка²

Грунтовой могильник на южной окраине ст. Удобной у балки Мокрянки на правом берегу Урупа. В 1951 г. школьник в размывах стенки оврага обнаружил три погребения. Найдены меч, посуда, в том числе кувшин с двустольной ручкой и другие вещи I — II вв.

Пашковский могильник № 2³

Пашковский могильник № 2 находится на правой террасе Кубани, на территории садов ст. Пашковской, южнее селища № 3. Обследовали его в 1930, 1932—1935 гг. М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Погребения находятся на глубине до 2 метров. Скелеты головой на СВ. Инвентарь — глиняные посуда, фибулы и проч. — II — III вв. Найдены остатки мясной пищи — кости лошади и быка.

Пашковский могильник № 3⁴

Пашковский 3-й могильник находится на правом берегу Кубани, на расстоянии 2 километров от кирпичного завода ст. Пашковской, вверх по течению, в 8 километрах к востоку от Краснодара. Обследовали этот могильник в разное время ученые:

¹ Н. В. Анфимов. Земляные склепы..., стр. 154; его же. Новые материалы..., стр. 84; его же. Из прошлого Кубани, стр. 46—47.

² Н. В. Анфимов. Памятники сарматского времени в долине реки Урупа. КСИИМК, 65. М., 1956, стр. 92—93.

³ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 272; М. В. Покровский. Городища и могильники..., стр. 25; Н. В. Анфимов. Новые материалы..., стр. 85.

⁴ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 272; Археологические исследования в РСФСР..., стр. 218; К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у ст. Пашковской. МИА, 64. М., 1958, стр. 272—312.

в 1934 г. — М. В. Покровский; в 1936—1937 гг. — М. В. Покровский, Н. В. Анфимов; в 1946 г. — М. В. Покровский, Н. В. Анфимов, К. Ф. Смирнов; в 1947—1949 гг. — К. Ф. Смирнов. Всего с 1934 по 1949 гг. вскрыты 52 погребения.

К. Ф. Смирнов по обряду погребения делит захоронения на три группы: 1. Погребенные на боку, в скорченном положении, головой на В или СВ (на З — нет). 2. Костяки вытянутые, с головой на З, с бедным инвентарем. 3. Костяки вытянутые, головой на Ю и ЮВ, с разнообразным инвентарем.

Хронологически захоронения делятся К. Ф. Смирновым на две группы: 1. Ранняя — V — IV вв. до н. э. Погребенные на боку, в скорченном положении, головой на В и СВ. Перед лицом лепные глиняные сосуды. В ногах реальгар и галька. 2. Основная группа погребений — IV — III вв. до н. э. Эта группа взаимосвязана с первой. Наружных признаков нет. Погребение совершалось в прямоугольной яме. Костяки вытянуты, головой на Ю, ЮВ. Галька в ногах и в головах: иногда в кучках, иногда в амфорах, иногда в сосудах местных форм. Сосуды в ногах, оружие слева от погребенного. Найдены кости от частей туш животных — барана, свиньи, коровы, лошади. Миски в качестве подушки.

В двух случаях захоронена голова коня с принадлежностями конской упряжи; в двух погребениях женщин — оружие. Могилы без костяков — кенотафы (№№ 6 и 10).

Инвентарь — меотский. Обряд сходен с обрядом могильников Усть-Лабицкого, Елизаветинского, Зеленского.

В могилах №№ 5, 7, 12 — костяки вытянуты, головой на З, инвентарь бедный, мисок под головой нет. Как полагает К. Ф. Смирнов, эти погребения сарматские. Особенно интересно погребение III — V вв. н. э., раскопанное в 1948 г. Женский костяк вытянутый, головой на С, череп деформирован. Мелкие бусы поволжского сарматского типа. Это погребение также сарматское.

Могильник у Пашковского городища № 5¹

Около Пашковского 5-го городища исследован могильник I—II вв. н. э. Инвентарь обычный меотский: глиняные сосуды, оружие, зеркальца с боковой петелькой и орнаментом на оборотной стороне.

¹ Н. В. Анфимов. Раскопки на правобережье реки Кубани. Сб. «Археологические открытия 1972 г.» М., 1973, стр. 109.

Могильник у Пашковского городища № 6¹

Восточнее Пашковского 5-го городища исследован могильник второй половины VI — II вв. до н. э. Основная масса погребений относится к IV — III вв. до н. э. Покойники лежали вытянуто на спине, головой на юг. Около черепа, как правило, лежала вверх дном миска. Справа вдоль скелета располагались сосуды, в ногах — амфоры, между сосудами — кости животных (коровы, овцы, свиньи). Слева от погребенного помещалось оружие. Среди керамики есть канфары. Встречались терракотовые бляшки с изображением Медузы Горгоны. Несколько погребений сопровождалось захоронением коня, в том числе одно женское — с оружием. В погребениях встречались галька и каменные плиты.

Саньков²

В 1954 г. могильник у хутора Санькова осмотрен экспедицией Краснодарского музея и Краснодарского педагогического института. В районе ст. Удобной имеются несколько городищ, два грунтовых могильника сарматского времени. Один из них находится на левой высокой террасе р. Урупа, к северу от Удобной, близ хутора Санькова. В отвесных обрывах на территории могильника весной 1954 г. местами выступили человеческие кости, глиняные сосуды. Житель Санькова, ученик Лазарев, раскопал более 10 могил. Костяки располагаются на глубине 2 метров. Над ними слой камней — гальки. В одной из могил, по словам Лазарева, 4 костяка. Обряд не определен. Вещи, отданные в школу, относятся ко второй половине I в. до н. э. — I в. н. э.

Семибратнее городище³

У Семибратнего городища находится могильник — каменные гробницы. Одна из гробниц вскрыта. Костяк лежал на спине, головой на СВ. Инвентарь датируется III в. до н. э.

¹ Раскопки на правобережье реки Кубани. Сб. «Археологические открытия 1972 г.». М., 1973, стр. 109.

² Н. В. Анфимов. Памятники сарматского времени в долине р. Урупа, стр. 89—92.

³ Н. В. Анфимов. Исследования Семибратнего городища. КСИИМК, 51. М., 1953, стр. 109.

Советская¹

В 1952 г. при добыче глины в ст. Советской, близ р. Урупа, у 2-го городища обнаружены несколько погребений. По словам местного жителя, в одной из гробниц, выложенных сырцовым кирпичом, были два скелета. Вещи II—III вв. н. э. (глиняные сосуды, бусы, зеркальце с боковой ручкой и орнаментом на оборотной стороне).

Тахтамукаевский могильник (аул Октябрьский)²

На левой береговой террасе Кубани с восточной стороны городища — грунтовой могильник этого городища. Внешних признаков могил нет, но раньше, очевидно, были холмики. Время захоронения I—II вв., некоторые погребения II—III вв. н. э.

В 1956 и 1958 гг. раскопаны 50 могил, из них одна средневековая, VIII—IX вв., с кремацией. Глубина могил 0,6—1,2 метра, наибольшая — 1,3 метра. Господствующая ориентировка западная (80%), есть на СЗ, ЮЗ, три на С, три на Ю. Могила — простая земляная яма. Костяки, в основном, вытянуты на спине. Пять полускорченных и скорченных, один на животе. Инвентарь того же времени (первые века н. э.), так что это пережиток более раннего обряда. У двух погребенных голени перекрещены (22, 41). В семи случаях кисть на тазовых костях (4 — левая, 3 — правая). В некоторых случаях руки согнуты, кисти у лица. Все одиночные. Четыре могилы детских, шесть — подростков, остальные — взрослых. Мела нет. Посуда местного производства. Сосуды в головах. Есть сосуды, положенные в миску (мог. 10, 19, 24). Встречались кости овцы, поросенка, в двух случаях целые скелеты коровы и кости разрубленного на куски жеребца. Тахтамукаевский могильник сходен с Пашковским и Краснодарскими.

Тбилисская³

В 1944 г. на южной окраине ст. Тбилисской, у городища № 1, раскопан двухкамерный земляной склеп, находящийся на глубине 2,2 метра. Камеры-катакомбы ориентированы с юга на север. Дромосов нет. Входные отверстия катакомб закладывались каменными плитами. Южная катакомба выше северной. В северной катакомбе были два костяка, ориентированных на ЮВ,

¹ Н. В. Анфимов. Памятники сарматского времени в долине р. Урупа, стр. 88.

² Н. В. Анфимов. Тахтамукаевский могильник. ТАНИИ. Сборник материалов по археологии Адыгеи, II. Майкоп, 1961, стр. 288—297.

³ Н. В. Анфимов. Земляные склепы..., стр. 152—153.

лежащих на спине, вытянуто. Первый женский костяк у северо-восточной стенки потревожен при последующем захоронении. Подол одежды покойницы был расшит пастовым бисером. Ближе к входу, с левой стороны женского скелета лежал мужской костяк. В южной катакомбе находился скелет, лежащий головой на В, на левом боку, с согнутыми ногами, лицом к югу. Вещей при нем нет (табл. 1, рис. 5).

Вещи из северной катакомбы типичны для погребений Прикубанья первых веков н. э. Керамика местная, сероглиняная. Дата — I в. н. э.

Успенское¹

Село Успенское находится на левом берегу Кубани, восточнее Армавира. Ряд грунтовых могильников датируются I—II вв. Найдены горшки, лепные сероглиняные сосуды, сосуды, сделанные на гончарном круге, миски и другие.

Уруп²

На р. Уруп есть могильники меото-сарматского времени. (См. Мокрянка и Саньков).

Усть-Лабинская (ныне г. Усть-Лабинск)

Могильник № 1³

Могильник № 1 Усть-Лабинской находится на Поташной улице близ городища № 2. Был исследован А. А. Миллером. Время захоронения I—II вв. н. э.

Могильник № 3⁴

Могильник № 4⁵

На могильнике четвертом вскрыты четыре могилы. Костяки вытянуты на спине, головой на Ю, В и З. Глубина могил от 1,5 до 2,85 метра. Время захоронения — I в. н. э.

¹ Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья, стр. 83.

² Н. В. Анфимов. Памятники сарматского времени в долине р. Урупа, стр. 88—93.

³ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. СГАИМК, 1. Л., стр. 19—26.

⁴ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта... стр. 272.

⁵ Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья, стр. 84.

Могильник на правой террасе Кубани, на западной окраине ст. Усть-Лабинской. С южной стороны могильника — Усть-Лабинское городище № 3. Открыт в 1929 г. при добыче глины. В 1930 г. его обследовал Н. В. Анфимов, в 1931—1934 гг. — Н. В. Анфимов, М. В. Покровский. В 1936—1938 гг. могильник раскапывался Краснодарским музеем (Н. В. Анфимов), в 1937 г. — совместно с гос. Эрмитажем. Работы продолжены в 1943—1944 гг.

Всего раскрыты 213 погребений VI в. до н. э. — II — III вв. н. э. Обнаружены семейные участки на кладбище. Погребения одиночные, только в двух могилах — парные, может быть, мужа и жены, но точно установить не удалось. Ритуальных убийств нет. Форма могилы устанавливалась косвенным образом. В могилах находились инвентарь, кости животных, иногда целые скелеты — лошади, коровы, овцы, собаки. Значительная часть могил по богатству одинаковая, но есть более богатые захоронения, есть единичные — без вещей.

По инвентарю погребения делятся на четыре хронологические группы: 1) VI—V вв. до н. э.; 2) IV — начало III в. до н. э.; 3) III — первая половина I в. до н. э.; 4) вторая половина I в. до н. э. — II в. н. э. Резких границ между хронологическими группами нет — отмечена генетическая связь.

Вторая хронологическая группа. Могилы IV — начала III вв. до н. э. Могилы переходного типа. В них есть и предшествующие и новые черты. Глубина могил — 1,3 — 1,7 метра. Форма могил не определена, но уже появляются могилы с подбоем, которые характерны для следующей группы погребений. Могила № 40 уже на грани следующей группы. Положение костяков, как правило, вытянутое. Керамика — местная. В эту эпоху появляется гончарная посуда.

Третья хронологическая группа. Могилы III — первой половины I в. до н. э. Эта группа самая многочисленная — 121 погребение (50% всех захоронений). Глубина могил колебалась от 1 до 2,45 метра, основная глубина 1,2 — 1,9 метра. Наибольшая глубина — к концу рассматриваемого периода. Есть могилы с подбоем (поздние могилы, совершенные под погребения.

¹ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 272; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, 23. М.—Л., 1951, стр. 155—207.

ми VI в. до н. э.) — № 14 (1936 г.), № 12 (1937 г.), № 69 (1938 г.). Закладная песчаниковая плита обнаружена в могиле № 24 (1936 г.), в мог. № 70 — скелет лошади, тоже, возможно, подбой. По-видимому, подбоев было значительно больше. Наравне с подбоем имелись простые ямные захоронения, на что указывает незначительная глубина могил. Ориентировка — южная (37 %), есть восточная (20%), а также северо-восточная и северо-западная. Таким образом, ориентировка — неустойчивая. Костяки на спине с вытянутыми конечностями. Есть скелет, вытянутый на боку. Встречались также костяки с частично согнутыми ногами. Есть три могилы (одна взрослого и две детские) со скорченными костяками. Два захоронения — двойные, остальные — одиночные. Обнаружены также 17 скоплений предметов, иногда с человеческими черепами (III—II вв. до н. э.). Это разрушенные погребения.

Встречались костяки с перекрещенными голенищами или стопами, в 7 случаях с кистью, правой или левой, положенной на таз. В 15 случаях найдена галька (как пережиток более раннего обряда), в 5 случаях — реалгар в мисочках (раньше его не было), в двух — посыпка дна могилы слоем песка. Вещей много. Есть богатые и бедные могилы. В могилах — песчаниковые плиты, на них скелеты и кости животных (овцы, свиньи). Целые скелеты овцы. Аналогичные плиты обнаружены в сарматских погребениях Нижнего Поволжья. Кроме костей овцы и свиньи, найдены (в меньшем количестве) кости коровы.

Скелеты лошадей в восьми могилах: в 6 — по одному, в одной — два и в одной — четыре скелета. Это верховые лошади. Найдены также скелеты собак. Среди вещей обнаружена терракотовая бляшка с изображением Медузы Горгоны.

Четвертая хронологическая группа. Вторая половина I в. до н. э. — II в. н. э.

Как пишет Н. В. Анфимов, отмечаются сарматские элементы: появляются первые вещи, характерные для сарматской культуры (трехлопастные черешковые наконечники стрел, мечи с кольцевым навершием и прямой крестовиной, с I в. — ручки сосудов в виде животных). Наблюдается преобладание западной ориентировки, увеличение глубины могил, наличие в соуде или рядом с ним — кусочков мела.

Новые черты в инвентаре: появляются канфары, трехручные кувшины и др.; зеркала — с боковой ручкой, бугорком в цент-

ре, валиком по краю; фибулы, подвески из египетской пасты, стеклянные бусы.

Форму могил определить не удалось, но, как отмечает Н. В. Анфимов, несомненно, продолжается сооружение камерных могил (катакомб) и увеличивается количество подбойных могил. Форму камерных (катакомбных) могил Н. В. Анфимов реконструирует, например, № 95, 1938 г. (См. табл. 1, рис. 4). В подобных могилах вместе с покойником клали туши убитых животных — коровы и лошади. Предположительно камерных, катакомбных, захоронений обнаружено 9 (28% по отношению ко всему числу захоронений четвертой группы). Эти захоронения находились под более ранними могилами (№ 34 и № 63, 1938 г.— под захоронением V в. до н. э. и др.). Глубина 2,1—2,75 метра. В них скелеты коровы и лошади. В могиле № 88—и коровы и лошади.

Камера, катакомба, устраивалась следующим образом. В материке вырывалась могильная яма (колодец), глубиной 1,65—1,75 метра. В одной из продольных стен (северной) путем подбоя делалась камера, длиной 1,6—2 метра, шириной—0,9—1,2 метра и высотой 1 метр. Дно камеры углублялось, по сравнению с дном колодца, на 0,4—0,75 метра, образуя ступеньку. В камере помещался покойник с инвентарем. Следов закладки камеры прослежено не было. После погребения покойника в могильную яму помещалась туша животного — коровы или лошади, которая укладывалась выше покойника, параллельно ему. Затем могилу засыпали. Камерные погребения отличались некоторым богатством.

Подбои (а может быть, камеры) — № 18 (1931 г.), № 10 (1936 г.), № 4 (1938 г.) — находились под более ранними погребениями IV — II вв. до н. э.

Глубина могил — от 1,5 до 2,75 метра. На глубине 1,5—1,8 метра располагались только 7 могил. Остальные 25 — на глубине свыше 1,9 метра (из них 19 — на глубине от 2 до 2,45 метра).

Южной и восточной ориентации меньше, преобладает западная (15 — на З, 2 — на ЮЗ, 4 — на Ю, 2 — на С, 3 — на СВ).

Костяки вытянуты на спине. В 2-х случаях ноги в области голеней перекрещены (левая над правой). В 8 могилах кисти руки на тазовых костях (правая рука—5 случаев, левая—2 случая, обе кисти — 1 случай). Могилы одиночные. Одно захоронение парное (мужской и женский костяки). Два детских погребения. Есть мел, подстилка из песка.

В инвентаре обнаружены некоторые новые детали и новые формы. Есть привозные вещи. Есть богатые и бедные погребения. Сосуды, как правило, расположены близ черепа. С костями животных иногда лежали ножи. Посыпки дна нет. В сосудах найдены куски мела. Галька и песчаниковые плиты исчезают (только в одной могиле — галька и в одной — песчаниковая плитка).

Кроме скелетов лошадей и коров, в могилах этой группы найдены скелеты собак, а также остатки пищи — кости овцы, ребе — коровы и свиньи.

Шенджий¹

Севернее аула Шенджий, в пойменной долине, открыт могильник. Исследованы 11 погребений II в. до н. э. — I в. н. э. Костяки ориентированы, главным образом, на З, что характерно для I в. н. э., или на С, с отклонением к В и З, или на Ю, с отклонением к З. В четырех случаях рука погребенного лежала на тазовых костях. В двух могилах черепа накрыты мисками. В трех — найдены скелеты коров, лежавших параллельно покойнику, в одной — скелет лошади с железными удилами.

Энемский могильник²

В 1958 г. Краснодарский музей доследовал могильник на восточной окраине пос. Энем (на расстоянии 8 километров на запад от с. Октябрьской Октябрьского района Адыгейской а. о.). Глубина могил — 1,5—1,8 метра, скелеты большей частью ориентированы на З, лежали на спине, вытянуто, в одном случае кисть левой руки находилась на тазовых костях. Рядом с человеческими скелетами встречались костяки лошадей. У черепа одного из скелетов — псалии в виде колесника. Могильник датируется I—II вв.

Ясеновая поляна³

Находится у пос. Колосовка на р. Фарс, между станицами Махосhevской и Новосвободной.

¹ Н. В. Анфимов. Исследования памятников раннежелезного века..., стр. 73.

² Н. В. Анфимов. Могильники Закубанья эпохи раннего железа (по материалам экспедиции 1958 г.), тезис 12.

³ П. А. Дитлер. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс. ТАНИИ. Сборник материалов по археологии Адыгеи, II. Майкоп, 1961, стр. 129, 131, 139—148, табл. VI—X.

Краткое описание погребений

Погребение № 8 — глубина 1,3 метра. Костяк на спине, вытянуто, головой на З.

Погребение № 9 — глубина 1,35 метра. Костяк головой на З, у черепа — глиняные сосуды.

Погребение № 11. Женский скелет, лежал на спине, головой на СЗ. Кисти рук на тазе.

Погребение № 13. Земляная камерная гробница (катакомба). Высота камеры 2 метра. Дно ее в плане — овальное. Кверху камера суживается. С северо-западной стороны у самого ее дна — кладка из крупных известняковых камней (насухо), закрывавшая входное отверстие в камеру. Камни образуют сферический свод. Костяк, по-видимому, растащен грызунами.

Погребение № 14. Захоронение женщины с лошадиным костяком. Скелет человеческий — на правом боку в полускорченном положении, головой на З. Правая рука вытянута вдоль тела. Левая рука предплечьем и кистью лежит на тазовых костях. Над человеческим костяком помещались средние и крупные известняковые камни, на дне могилы обнаружены два плоских камня: один — у левого предплечья, другой — у левой голени. В 0,35 метра к С от человеческого костяка — на левом боку — находился костяк лошади.

Погребение № 15. Над могилой на глубине 1 метра лежали несколько крупных известняковых камней. Костяк был обложен поставленными на ребро плоскими камнями средней величины, образующими гробницу. Костяк лежал на спине, головой на З. Кисти положены на лобковую кость. У левой ступни — перевернутая миска, под ней — пряслице.

Погребение № 16. Захоронение мужчины-воина с лошады. Над погребением на глубине 1,2 метра обнаружены известняковые камни средней величины. Такие же камни найдены под человеческим костяком, под его правой стороной. Человеческий костяк расположен на глубине 1,3 метра, на спине, вытянуто, головой на З. Правая рука вытянута, левая — на левой стороне тазовых костей, на лобке. В 0,3 метра на С от человеческого костяка, на одном уровне с ним, лежал лошадиный костяк с псалями-колесиками.

Погребение № 17. На глубине 1,6 метра. Захоронение мужчины с лошадиным костяком. Сверху погребение на глуби-

не 1,3 метра прикрито известняковыми камнями-плитами. Несколько камней обнаружены на человеческих и лошадиных скелетах. Скелет человека лежал на спине, вытянуто, головой на З. Кисти находились под тазовыми костями. В 0,1 метра на С от человеческого костяка, параллельно ему, лежал на левом боку костяк лошади.

Эти погребения относятся к I — III вв. н. э. — к позднемоетскому периоду, когда выступают элементы сарматизации. Появляются новые типы оружия, керамика, изготовленная на гончарном круге, украшения, наблюдается западная ориентировка костяков, увеличивается глубина могил, исчезают некоторые более ранние формы керамики.

Из восьми вышеописанных захоронений три разрушены в древности (№№ 8, 9, 17), но принадлежат к данной группе. В погребении № 8 — красноглиняная керамика, западная ориентировка костяка, глубина большая, чем у ранних. В погребении № 9 — западная ориентировка и бокал. В погребении № 17 (как и в могилах №№ 14, 16) — конский костяк, что характерно для первых веков н. э.

Господствующая ориентировка — западная. Все скелеты вытянуты, на спине, за исключением погребения № 14, где женский скелет лежал на правом боку в полускорченном положении. В трех случаях (погр. №№ 1, 5, 11 — 1957 г.) — руки у костяков вытянуты вдоль туловища, в одном случае (детское погребение № 15) кисти положены на лобковые кости, в остальных — правая или левая рука — на тазовых костях. В погребении № 17 руки вытянуты и положены под тазовые кости. Из 5 неразрушенных погребений одно детское, два мужских и два женских. Глубина могил колебалась от 1,6 до 1,15 метра, кроме камерной (катакомбной), глубина которой была 2,7 метра. Обнаружены сосуды в головах. Лошадиные скелеты расположены головой на З, на левом боку, с подогнутыми конечностями. Ножи — не только в мужских, но и в женских погребениях.

Аналогии описанному могильнику — могильники Краснодарский на ул. Тельмана, Пашковский № 3, Усть-Лабинский № 2, Тахтамукаевский.

Могильник меотский. Как показывают более ранние погребения (VII — VI вв. до н. э.), с VII — VI вв. до н. э. смены населения нет. Но наблюдается сильное сарматское влияние. По мнению П. А. Дитлера, сюда могли просачиваться сираки.

Упомянем еще о некоторых могильниках, которые могут относиться к интересующему нас времени.

У Анапы, в местности Джемете и Рассвет, находятся грунтовые могилы. Иногда стенки их обставлены известняковыми плитами. Покрывают могилы также плитами известняка¹.

В Баговской и на Зацепиной поляне имеются дольмены. В них обнаружены вещи сарматского времени — меч с кольцевой рукояткой, фибула, обломки глиняных сосудов, целые сосуды меотского типа, лепные и гончарные, есть с ручкой в виде стилизованного животного, золотая монета 215 г. н. э.²

У хутора Кубанского Усть-Лабинского района на территории Кирпичного завода находится грунтовой могильник I — II вв. н. э.³

Несколько слов скажем о некоторых могильниках Тамани и Восточного Приазовья, на которые имеются ссылки в настоящей работе.

Тамань Гастагаевская⁴

Плитяная гробница. Покровной плиты на месте не оказалось. Найдены разные бусы и золотые привески от серьги в виде птички. Есть и другие плитяные гробницы, в которых обнаружены черепки сосудов, бронзовые и золотые спиральки от серьги.

Сенная⁵

7 гробниц земляных и 5 каменных узких ящиков. Костяки расположены головой на З, в одном случае — на Ю. Покрываются камкой (1896 г.).

Раскопки у Сенной близ хутора Семеняки. В курганах и на ровных местах отмечено более 30 гробниц, из них 6 — целых. Один случай (гробница № 5) — трупосождение в каменной гробнице, найдена монета — греческий обряд. В остальных кос-

¹ ОАК, 1903, стр. 77—78; Ю. С. Крушкoл. Древняя Синдика. Автореферат докторской диссертации, Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. М., 1970, стр. 10.

² Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены. МАК, IX, 1904, стр. 56.

³ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 272.

⁴ Н. И. Веселовский. ОАК, 1903, стр. 79—80.

⁵ ОАК, 1896, стр. 64—65; К. Е. Думберг. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. ИАК, 2, СПб., стр. 57—58; ОАК, 1900, стр. 47.

тяжи лежали вытянуто, головой на В. №№ 1, 2, 3, 4, — земляные гробницы, покрытые досками; № 6 — каменная гробница, покрытая сводом (с двумя погребенными, из которых один выброшен). У Сенной открыта катакомба¹.

Тузлинский некрополь²

Погребальные сооружения в этом могильнике весьма разнообразны: подбой, земляные склепы, плитяные и сырцовые гробницы. Земляные, сырцовые, плитяные могилы, склепы (катакомбы) появляются с IV—III вв. до н. э. Эти погребения — бескурганые.

Во II в. до н. э. — I в. н. э. в Тузле появляются подбойные могилы. В одной подбойной могиле — южная ориентировка костяка, как в Прикубанье и в Нижнем Поволжье. Как отмечает Н. П. Сорокина, подбойные могилы занесены на Боспор сарматами.

В первые века н. э. (I—IV вв.) в Тузлинском некрополе возрастает (до 7) количество земляных склепов. В них имеются лежанки и ниши. В склепах найдено много оружия. Н. П. Сорокина полагает, что земляные склепы принадлежали богатым людям, что большая часть этих богатых состояла из сарматов. Есть погребение женщины с бронзовой стрелкой — сарматское влияние³. Сожжений (греческий обряд) наблюдается мало.

Каменные гробницы Н. П. Сорокина сопоставляет с каменными гробницами Бесленевского курганного могильника и других подобных ему захоронений.

Тузлинские каменные гробницы и каменные таврские ящики — очень разные. Каменные гробницы частью связаны с греками, частью — с местным населением. Есть женские захоронения с оружием. Обычай класть барабаны кости в чашки есть у меотов, но более характерен он для сарматов. В III в. до н. э. вместе с появлением сарматов этот обычай проникает в Прикубанье.

Тузлинский могильник принадлежал Корокондаме. Захоронения местные, меото-синдские, с сильным влиянием греков, чувствуется также влияние сарматов.

¹ Н. И. Сокольский, Земляной склеп в поселке Сенная, КСИА, 133, М., 1973, стр. 67—71.

² Н. П. Сорокина, Тузлинский некрополь. ТГИМ, Памятники культуры, вып. XXVI. М., 1957.

³ Ю. М. Десятчиков, Сарматы..., стр. 70.

Корокондама перестала существовать в IV в. — она пала под ударами гуннов.

Восточное Приазовье Зеленский хутор¹

Между ст. Ивановской и г. Славянском, у ст. Красноармейской, по берегам Казачьего Ерика у хутора Зеленского находится грунтовой могильник. Он обследован Н. В. Анфимовым в 1949—1950 гг. Черепа погребенных, как правило, в мисках. Найдены бусы, глиняные сосуды, оружие. Доследовано погребение — костяк лежал вытянуто на спине, головой на ВЮВ, череп в миске. Конец IV—III вв. до н. э.

Красноармейская²

На юго-западной окраине ст. Красноармейской при земляных работах были обнаружены несколько погребений с амфорами второй половины IV—III вв. до н. э. Черепа скелетов лежали в мисках.

Ново-Джерелиевская

Могильник № 1³

Могильник № 1 у ст. Ново-Джерелиевской на правом берегу р. Кирпили, около городища № 1. Исследованы три погребения. Внешних признаков нет. Костяки на глубине 1,7—2,15 метра, вытянуты, на спине, головой на З и СЗ. Во второй могиле обнаружена миска из серой глины, стоящая за черепом. Дата — II в. до н. э. — I в. н. э.

Могильник № 2⁴

На правом берегу р. Кирпили, на расстоянии 0,5 километра от западной окраины ст. Ново-Джерелиевской расположен Ново-Джерелиевский могильник № 2.

¹ Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре..., стр. 72—85.

² Н. В. Анфимов. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижне-Стеблиевской. КСИИМК, 24. М.—Л., 1949, стр. 65; его же. Новые материалы..., стр. 74—75.

³ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 272; Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, 34. М.—Л., 1950, стр. 87—88.

⁴ М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 275.

Кроме названных двух могильников в районе Приазовья известен могильник «Черепяной редант»¹, Бельчанский могильник² и могильник у Ново-Джерелиевского городища № 5 (открыт И. С. Каменецким в 1970 г.).

Б. Курганы Андрюковская³

У ст. Андрюковской разрыты три кургана, из которых происходят золотые, серебряные и железные вещи интересующего нас времени (бронзовые фибула, котелок; золотые и серебряные чашки и др.).

Армавир⁴ 1902 г.

Курган № 1 — древний. В нем впускная гробница. Костяк головой на В, на спине. В головах — железный светильник на высокой ножке, у головы — глиняная патера. В ногах — две глиняные чашки, у колен — глиняный флакон и алебастровый сосуд. Бусы, стеклянные вещи, зеркало, золотые браслеты, серьги. Относится к I в. до н. э. — I в. н. э. (датировка М. И. Ростовцева).

Курган № 2 — древний. Впускная четырехугольная могила. Костяк лежал по диагонали, головой на ЮЗ. I в. до н. э. (Датировка К. Ф. Смирнова).

Курган № 4. Впускная гробница. Костяк — головой на С. Найдены глиняный сосуд, золотые браслеты.

1903 г.

Курган древний. Впускная гробница (не потревоженная). По длине могилы с обеих сторон были устроены заплечики, шириной 0,35 метра. Ориентирована гробница с С на Ю. Погребенный — в дубовом гробу, стенки которого украшены резьбой (завитки, геометрический орнамент). Женский костяк на спине, головой на Ю. У головы — толстый слой белого ве-

¹ Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья, стр. 88—89.

² В хуторе Бельчанском Тимошевского района открыты два погребения первых веков н. э. Костяки лежали на спине, правая рука — на груди; один из них был ориентирован на В, другой — на СЗЗ (И. С. Каменецкий, Новый меотский могильник в Приазовье. СА, 1968, № 2, стр. 264—266.)

³ ОАК, 1891, стр. 126.

⁴ Н. И. Веселовский. ОАК, 1902, стр. 85; архив ЛОИА, ф. 1 — АК, 1902/93, лл. 71—101; ОАК, 1903, стр. 61—65; архив ЛОИА, ф. 1 — АК, 1903/14, лл. 97—98 об.

щества — алебастра. У груди — железные наконечники стрел. Найдены посуда, зеркало, украшения, в том числе — скарабей. Дата — I — II вв. (по скарабею).

Бесленевская¹

В ст. Бесленевской (предгорный район Закубанья) открыт курганный могильник. Всего исследовано 29 курганов. Высота — от 1 до 2 аршин. Насыпи — из щебня. В насыпях — погребения. Все могилы грунтовые, обставленные каменными плитами, верхние концы которых иногда выступали на поверхности насыпи. Покрывают могилы одной или несколькими плитами. Эти могилы связываются с более древними каменными гробницами и дольменами. Костяки лежали головой на З, редко — на Ю. Иногда в гробнице находились по два погребенных.

Вещи подобны найденным в третьей группе Усть-Лабинского 2-го могильника (III в. — первая половина I в. до н. э.), в том числе — зеркала с концентрическим орнаментом, стеклянные бусы, круглые терракотовые бляшки с изображением Медузы Горгоны и др. Большинство погребений относится к III — II вв. до н. э., хотя есть и захоронения VI — IV вв. до н. э.

Бжедуховская²

По-видимому, к интересующему нас времени относятся два кургана, раскопанные у ст. Бжедуховской. Высота первого из них 4, второго — 2 метра. В первом гробница была ограбленной, найден только глиняный сосуд и просверленный медвежий клык (очень характерная находка для курганов этих мест, относящихся к сарматскому времени). Во втором кургане погребение было на материке; в ногах помещался глиняный сосуд, два глиняных пряслица и одна половинка такого же пряслица.

Воздвиженская³

Одинокий древний курган, высота — 13 метров. Погребение впускное, на глубине 2,85 метра. Четырехугольная могила, с четырьмя столбам, крытая деревом. Костяк мужской, вытяну-

¹ Н. И. Веселовский. ОАК, 1895, стр. 28—29, 130; архив ЛОИА, ф. 1—АК, 1895/93, стр. 29—31; К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 8.

² Н. И. Веселовский. ОАК, 1906, стр. 95.

³ Н. И. Веселовский. ОАК, 1899, стр. 43—47; архив ЛОИА, ф. 1—АК, 1899/96, лл. 56—57 об.; Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 г., т. I. М., 1905, стр. 341.

тый, головой на З или на ЗЗС. Покрыт пологом или покрывалом с золотыми бляшками. Найдены колесовидные удила, стеклянная чаша, плоское зеркало и др. I в. до н. э. — I в. н. э. (датировка М. И. Ростовцева). В кургане есть сарматская курильница¹.

Воронежская²

Курган № 15. Погребение в материковой яме, покрыто деревом. Найдены железный меч, железный чешуйчатый панцирь. На расстоянии 0,7 метра от этой гробницы — лошадиное погребение.

Курган № 16. Центральная могила — с инвентарем VI в. до н. э. Вторая могила — на материке. Костяк лежал головой на Ю; найдены железные наконечники копий и стрел. Сверху много сгнивших бревен. Обнаружена еще гробница в левой части раскопа, в северной части кургана. Два костяка — мужской и женский — ориентированы головой на Ю.

Курган № 17. В центральной могиле — сосуды VI в. до н. э. Впускная могила с подбоем. Костяк расположен головой на ЮВ.

Погребение кургана № 15 и впускные погребения кургана № 16 относятся к IV — III вв. до н. э. (датировка К. Ф. Смирнова).

Погребение III в. н. э. у ст. Воронежской³

Погребение III в. находилось на территории городища. Костяк — на глубине 1,8 метра, головой на СВ. Для устройства этого погребения в качестве кургана была использована возвышенная холмообразная центральная часть городища.

Габукой⁴

Аул Габукой находится близ ст. Рязанской. В 4 верстах к ЮВ от аула, на левом берегу реки Пшиша, расположен большой курган конусообразной формы, высотой 9 сажень. В насы-

¹ К. Ф. Смирнов. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 176.

² Н. И. Веселовский. ОАК, 1903, стр. 71—73; архив ЛОАИ, ф. 1—АК, 1903/14, лл. 106—107 об.

³ Н. В. Анфимов. Позднесарматское погребение из Прикубанья. Сб. «Археология и история Боспора», т. I, Симферополь, 1952, стр. 205—218.

⁴ В. Сысоев. Габукойский курган (Кубанской области Екатеринодарского отдела). СМОМПК, XXII. Тифлис, 1897, отд. 1, 33—49.

ли кургана, в слое голыша на разной глубине обнаружены 12 костяков. Все, за исключением № 8, вытянуты, на спине, № 8 — скорченный, на левом боку. Большинство костяков головой обращены на С или СЗ, костяк № 4 — на З, костяк № 11 — на ЮЗ. На черепе скелета № 4 — опрокинута миска.

Погребения разновременные, но в основном укладываются в рамки III в. до н. э. — III в. н. э. Найденная здесь стеклянная чаша на низкой кольцевой ножке, с ручками, имеющими отростки, типична для II — I вв. до н. э.¹ Меч с кольцевой ручкой подобен мечу из дольмена на Баговской поляне, найденному вместе с монетой 215 г. Воронковидные кружки с двумя ручками сходны с кружкой-чашей из третьей группы Усть-Лабинского могильника². Миски имеют сходство с мисками из четвертой группы Усть-Лабинского могильника³. Сосуды из глины — канфары и др. — меотского типа.

Геймановская⁴

Острый курган с древним погребением. Впускная могила. Костяк на спине, головой на В. Покрыт толстым покрывалом в виде войлока, украшенным у головы и ног золотыми бляшками.

Вторая впускная могила. Костяк головой на З. Железные стрелы.

Гиагинская⁵

У ст. Гиагинской в бывшем хуторе Коваленковой находился большой курган с глубоким рвом. Н. И. Веселовский в насыпи кургана обнаружил ряд предметов, в том числе бронзовые фибулу и браслет, обломки медного котла и две ручки родосских амфор II в. до н. э.

Елизаветинская⁶

У ст. Елизаветинской Н. И. Веселовским раскопаны курганы V — IV вв. до н. э. В этом же могильнике встречены курганы более поздние — IV — III вв. до н. э.

¹ К. Ф. Смирнов. Северский курган, стр. 17—22.

² Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 11, 2.

³ Там же, рис. 15, 10.

⁴ Н. И. Веселовский. ОАК, 1900, стр. 44—45; архив ЛОИА, ф. 1 — АК, 1900/16, лл. 60—61; Н. И. Веселовский. Курганы..., стр. 341.

⁵ Н. И. Веселовский. ОАК, 1906, стр. 105.

⁶ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 319 сл.; К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, КСИИМК, 32. М.—Л., 1950, стр. 122; его же. Основные пути..., стр. 12.

Зиссерманов, б. имение¹

На территории б. имения Зиссерманов, между реками Кубанью и Зеленчуком, находился курганный могильник. Здесь Н. И. Веселовский раскопал четыре кургана. Курганы № 2 и № 3 относились к эпохе меди и бронзы.

В кургане № 1 над центром его встретилось впускное погребение — два костяка, лежащие один над другим, головами на В. При одном из костяков найдено бронзовое зеркало и другие предметы из бронзы, золота и железа. В центре кургана обнаружился колодец, в стене которого вырыта ниша. (Нишей Н. И. Веселовский называет катакомбу.) В нише лежал костяк головой на Ю. В колодце и в нише найдены обломки глиняной посуды.

В кургане № 4, относящемся к древней эпохе, обнаружено впускное погребение. В северной части кургана открыт узкий четырехугольный колодец, в стене которого была пробита ниша, или катакомба. В катакомбе находился уступ. Костяк лежал головой на В. У колена его правой ноги найден черепок с углями.

Очевидно, погребения с нишами-катакомбами в курганах № 1 и № 4 можно отнести к интересующему нас времени.

Зубовский хутор²

Местный житель Забродин в 1899 г. раскопал четыре кургана. Н. И. Веселовский собрал сведения.

Хутор Зубова находился в 20 верстах от ст. Тенгинской. Здесь располагался курганный могильник. Курганы специально сооружены над могилами, погребения — непускные. В кургане № 2 обнаружена могила, крытая деревом. В могиле найден один женский костяк. У груди — две плиты и голыш. Инвентарь зубовских курганов относится к I в. до н. э. — I в. н. э. (датировка М. И. Ростовцева). В могильнике найдена сарматская курильница³.

¹ Н. И. Веселовский. ОАК, 1900, стр. 41—43.

² Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. ИАК I, СПб., 1901, стр. 94—103; ОАК, 1900, стр. 38—40; архив ЛОИА, ф. I, АК, 1900/16, лл. 52—55; Н. И. Веселовский. Курганы..., стр. 341.

³ К. Ф. Смирнов. Курильницы..., стр. 176.

Казанская¹

Курганы яйцевидные — они так и насыпались. Вокруг насыпей — ров от выброса земли. Высота курганов от 3 до 5 метров. При погребении рылся колодец, в стене его выдалбливалась катакомба, вход в нее заставлен бревнами или стенкой из сырцового (саманного) кирпича. Все катакомбы ограблены, поэтому установить положение костяков почти не удалось. Очевидно, были захоронения одиночные и парные. Костяки лежали головой на З, иногда на Ю, на спине.

Н. И. Веселовский делит катакомбы на два типа. Первый тип: в западной стене погребального хода — катакомба. В ней костяк лежал головой на Ю, погребение одиночное. Заставлялась катакомба сырцовыми стенками, иногда вертикально поставленными бревнами. Ход засыпался. Второй тип: ход уже, длина немного более сажени. Катакомба пробивалась длинная и узкая. Довольно часто она поворачивала на несколько градусов к северу или югу (подугольная катакомба). Покойника клали головой к выходу, отверстия не заставляли, сразу засыпали землей.

В кургане №6 — могила, вырытая в форме обширного («земляного») ящика. В ней были два костяка.

Н. И. Веселовский полагает, что катакомбы первого типа вырывались для мужчин, второго — для женщин. Помещались катакомбы в западной части кургана.

В ходе обследования обнаруживались лошадиные кости и железные уздечки. Иногда встречались более поздние (однако сарматского времени) захоронения в деревянных гробиках.

Погребения в катакомбах 1-го типа — кк. №№ 8, 9, 17, 24, 32; в катакомбах второго типа — кк. №№ 7, 10, 14, 15, 16, 18, 20, 23, 34, 35, 40; просто в катакомбах (тип не указан) — кк. №№ 1 — 5, 10 — 12, 19, 22. Прямоугольная вырезка — к. № 6; в гробницах — кк. №№ 8, 9, 33, 36.

Кубанская²

Курган № 6. Впускное погребение в более древний курган. Могила длинная, узкая. Рядом — более позднее погребение с лошадь. Предметы в узкой гробнице — как в курганах у Ка-

¹ Н. И. Веселовский. ОАК, 1901, стр. 66—80; архив ЛОИА, ф. 1—АК, 1901/103, лл. 33—63.

² Архив ЛОИА, ф. 1 — АК, 1902/93, лл. 71—101.

занской и Тифлисской. В середине кургана — обломок деревянного орнаментированного саркофага. Далее обнаружена катакомба, заставленная деревом. Костяк лежал головой на В. В другой малой катакомбе обнаружен костяк головой на З. В третьей катакомбе — костяк головой на В. Центральная могила — эпохи бронзы.

Кунчукохабль¹

Под курганом погребен мужчина с конем и богатым инвентарем I—II вв. н. э. — медные котлы, бронзовая посуда, меч с рукояткой, выкованной из одного куска железа, и др.

Курджипская²

У ст. Курджипской В. М. Сысоевым по поручению Н. И. Веселовского был раскопан курган. Западная и центральная часть насыпи кургана состояла из камней, восточная — из земли. В кургане обнаружен богатый инвентарь — золотые, серебряные, бронзовые и железные предметы, различные бусы. Среди прочих вещей найдены терракотовые позолоченные бляшки с изображением Горгоны. Подобные же бляшки найдены в третьей группе погребений Усть-Лабинского второго могильника (см. выше). К. Ф. Смирнов датирует курган у ст. Курджипской IV—III вв. до н. э. В Курджипском кургане имеется впускное погребение I в. н. э.

Ладожская³

Курганы высотой от половины до двух сажений. К I—II вв. (датировка М. И. Ростовцева) относятся курганы №№ 23, 25, 26, 28. В кургане № 23 — катакомба, заставленная деревом; курган № 25 — древний, впускная катакомба и материковая

¹ П. А. Дитлер. Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль Адыгейской автономной области. Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962; его же. Находки в ауле Кунчукохабль. Газ. «Адыгейская правда», 1960, № 91—7739, 7 мая, стр. 4; его же. Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль. Сборник материалов по археологии Адыгеи, вып. III. Майкоп, 1972, стр. 66—78.

² В. М. Сысоев. ОАК, 1895, стр. 62—63; ОАК, 1896, стр. 60—64, 149—156; К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, 32. М.—Л., 1950, стр. 122; Л. К. Галанина. Впускное погребение I в. н. э. Курджипского кургана. СА, 1973, № 2, стр. 45—59.

³ Н. И. Веселовский. ОАК, 1902, стр. 74—77; архив ЛОИА. ф. 1—АК, 1902/93, л. 82.

гробница; курган № 26 — древний, впускная катакомба с сырцовым заграждением; в кургане № 28 — катакомба с сырцовой кладкой.

Майкоп¹

Курган расположен в 5 километрах от Майкопа, на территории совхоза № 10. Диаметры 42 и 38 метров. Высота 3,5 метра. Погребенный лежал головой на З. Найдены три конских зуба, железные и серебряные вещи, в том числе железный шлем с отделкой из бронзы, ручка серебряной чарки или бокала с тамгой и другие.

Марьевская (Марьянская)²

В станице Марьевской (Марьянской) Н. И. Веселовским раскопан курган, высотой 6,4 метра, окруженный значительным рвом. Могила имела форму четырехугольника. Потолок был двойной, деревянный, помещенный на столбах. Ход в могилу, сделанный в насыпи, также был устроен с помощью деревянных конструкций. В могиле были обнаружены останки 12 человеческих костяков с различной ориентацией, а также лошадиные кости. В инвентаре, среди прочих вещей, найдена меотская керамика. М. И. Ростовцев датирует этот курган IV в. до н. э., К. Ф. Смирнов считает возможным отнести его к IV — III вв. до н. э.

Михайловский³

В юрте Михайловского хутора раскопан курган высотой 3 метра, уже потревоженный. Устройство могилы выяснить не удалось. Среди прочих вещей найдены глиняные сосуды — один в виде горшка с крышкой, другой — кувшинообразный, меотского типа.

Некрасовская⁴

На левой террасе реки Кубани, в юрте ст. Некрасовской — более десятка курганов. Иногда курганы обведены рвами. Эти курганы подобны курганам между Казанской и Воронежской и относятся к первым векам н. э.

¹ П. А. Дитлер. Новая археологическая находка. Газ. «Адыгейская правда», 1957, № 224—7 096, 13 ноября, стр. 3.

² Н. И. Веселовский. ОАК, 1912, стр. 50—57; К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 12.

³ Н. И. Веселовский. ОАК, 1906, стр. 95.

⁴ Н. И. Веселовский. ОАК, 1905, стр. 73—75; архив ЛОИА, ф. 1 — АК, 1905/64, лл. 69—71; ОАК, 1906, стр. 91—93.

1905 г.

Курганы №№ 1, 2, 4, 5 представляют собой погребения в камерах (в рукописном отчете Н. И. Веселовского сказано: не в камерах, а в катакомбах). В кургане № 3 погребение в прямоугольной яме, по продольным стенкам которой располагаются шесть столбов. Найдены золотые украшения, бронзовая посуда и другие вещи I — II вв. н. э., а также кабаньи клыки.

1906 г.

Подобные же курганы (№№ 1, 2, 3) раскрыты в 1906 г. В кургане № 1 — впускная земляная гробница, в кургане № 2 — очевидно, катакомба, погребальное сооружение к. № 3 не указано.

Рядом с этим могильником — кирпичный завод. На его территории разрушили курган, в котором были три глиняных суда меотского типа.

Северская¹

В 13 километрах к СЗ от станицы Северской находился курган. Он имел форму усеченного конуса с более покатым западным склоном; высота его — 15 метров. Исследования В. И. Сизова в 1881 г. показали, что курган состоит из двух разновременных насыпей. Первая — ранняя, полусферической формы (обычной для соседних курганов), вторая — конической. Первая насыпь совершена над погребением эпохи бронзы. Более поздняя коническая насыпь имеет высоту 4 метра.

На вершине кургана казаками разграблена каменная гробница. Оставшиеся предметы, которые находились в гробнице и вне ее, собрал В. И. Сизов. Гробница — каменный ящик длиной в рост человека из плит мягкого известняка. По уверению казаков, крышки не было. В гробнице лежал один костяк. Близ гробницы В. И. Сизов обнаружил захоронение коня.

Находки Северского кургана II — I вв. до н. э. близки по времени к впускным погребениям зубовско-воздвиженской группы. Но обряд в Северском кургане иной. Гробница Северского кургана — местная. Обряд местный, не греческий, об этом свидетельствуют находки предметов конского снаряжения, в частности, удила с крестовидными псалиями местного типа.

В инвентаре, как отмечает К. Ф. Смирнов, чувствуется сарматское влияние. Но погребение в Северском кургане соверше-

¹ К. Ф. Смирнов, Северский курган, стр. 1.

но не по сарматскому обычаю — сарматы в то время своих покойников в каменных гробницах не хоронили.

В Северском кургане тот же обряд — на позднем этапе, как в курганах V—IV вв. до н. э. — с каменными гробницами и конскими захоронениями (Семибратние, Елизаветинские, Васюринский, Карагодеуашх, Буерова могила).

Итак, заключает К. Ф. Смирнов, гробница Северского кургана принадлежала представителю местной знати, вероятно, военному вождю какого-то меотского племени, жившего по соседству с Синдикой.

Тифлисская¹

1901 г.

Подробное описание курганов этого типа дано в разделе о курганах ст. Казанской. От Казанской к Тифлисской вскрыты курганы №№ 41, 42, 43, 44. В них обнаружены катакомбы второго типа. В кургане № 49 катакомба ограблена, потом поставлен деревянный гробик. Высота курганов от 2 аршин до 1 сажени.

1902 г.

Курганы №№ 1 — 18, 20. Высота их составляет от 1 — 1,2 аршина до 1,2 сажени. В этих курганах обнаружены катакомбы. В кургане № 15, более древнем, катакомба впускная, в кургане № 1 — удлиненная, в кургане № 13 — короткая катакомба. В кургане № 15 катакомба заставлена стенкой из сырцового кирпича, в кургане № 20 — деревом. В катакомбе № 13 костяк лежал головой к входу, на СВ, в катакомбе № 18 мужской костяк помещался головой на В. В кургане № 15 обнаружены бусы в сумочке. В кургане № 18 и, по-видимому, в кургане № 20 найдены двойные сосуды в виде «подсвечника» (имитация сосуда, поставленного в миску).

Курганы (кроме № 6 и № 15) относятся к I — II вв. н. э., курган № 6 — к I в. до н. э. — I в. н. э., курган № 15 — ко II — I вв. до н. э. (датировка М. И. Ростовцева).

Ульский аул²

В 1909 г. Н. И. Веселовский раскопал курган в Ульском ауле, в огороде черкеса Абул-Кады. В насыпи оказалось потревоженное погребение, в котором человеческие кости были пере-

¹ Н. И. Веселовский. ОАК, 1901, стр. 80—86; архив ЛОИА, ф. 1—АК, 1901/103, лл. 33—63; ОАК, 1902, стр. 65—74; архив ЛОИА, ф. 1—АК, 1902/93, лл. 71—101.

² Н. И. Веселовский. ОАК, 1909 и 1910, стр. 154—156.

мешаны с лошадиными. В могиле, среди прочих вещей, найдены: медный котел¹, две серебряные фибулы, обломки глиняных сосудов, в том числе ручка в виде животного, и другие предметы сарматского времени. В 1910 г. в Ульском ауле был раскопан еще один курган. В лошадиной могиле найдены железные колесовидные удила, в человеческой — железное копьё. Судя по колесовидному псалию, этот курган сарматского времени.

Группа курганов на юрте Усть-Лабинской «Девять братьев»

Высота курганов от 1 до 2,5 сажени. Всего раскопаны 19 курганов, №№ 29 — 47. Кроме кургана № 43, погребения находились в катакомбах. В кургане № 29, где под центром обнаружена впускная детская могила, костяк головой на Ю. Кроме того, имеется катакомба, заложенная сырцовым кирпичом. В курганах №№ 31, 33, 34 катакомбы заставлены бревнами, в кургане № 35 — кирпичом. Курганы №№ 33 — 34 — длинные катакомбы. В кургане № 30 — перед центром лежал костяк лошади с железными удилами.

Материал I — II вв. н. э. — колесовидные удила, раздвижные браслеты, сосуд в виде утки, медная лампа и другие. В кургане № 46 обнаружен сосуд, помещенный в другой сосуд. Катакомбы грабленые, но в них много золотых вещей.

Хатажукаевский¹

На б. участке И. П. Харина близ Хатажукаевского аула находился курган с острой вершиной, высотой 13 метров. В этом кургане обнаружены две впускные могилы, одна — над центральной, другая — в восточной половине кургана. Центровая могила и впускная, расположенная над ней, принадлежат к эпохе бронзы. Другая впускная могила в восточной части кургана — сарматского времени. В ней лежал женский костяк головой на З. Найдены медный котел, глиняные и серебряные сосуды, золотые украшения, стеклянные бусы, полированный каменный молоток, остатки конской упряжи.

Ярославская²

Два кургана. Первый курган — острый, окружен рвом. Впускная могила — в ней лежали два скелета, вытянуто, на спине, головой на З, одетые в железный кольчужный панцирь.

¹ ОАК, 1899, стр. 47—51; архив ЛОИА, ф. 1 — АК, 1899/96, лл. 58—59, об. Н. И. Веселовский. Курганы..., стр. 341.

² ОАК, 1896, стр. 56—59; архив ЛОИА, ф. 1 — АК, 1896/52, лл. 18—19; Н. И. Веселовский. Курганы..., стр. 341.

Найдены медный котел, стеклянная чаша. В центральной могиле скелет помещался головой на З. Вещи — как в впускной могиле.

Второй курган — Сусловский. Немного меньше первого, найден сосуд из толстого стекла. Раскопки кургана не окончены. I в. до н. э. — I в. н. э. (датировка М. И. Ростовцева).

* * *

В районе Анапы имеются курганные могильники, но точная датировка их не определена¹.

На Тамани есть курганные могильники интересующего нас времени. Скажем несколько слов о двух из них, на которые будут ссылки в нашей работе.

Ахтанизовская²

У б. надела Драпова — гробницы под холмиками и маленькими курганами. В 1900 г. открыты 10 гробниц, №№ 8 и 10 — под курганами. Земляные гробницы, покрытые досками (№№ 2, 5, 8, 9) или лубком и морской травой (№ 10); гробницы из сырового кирпича, крытые досками (№№ 1, 3, 6), земляная катакомба (№ 4). В гробницах №№ 2, 3, 5 — костяки головой на В, в гробнице № 5 — головой на З. Найдены золотые вещи, бронзовые зеркала, железные наконечники стрел. Гробница, открытая местным жителем Луиковым, состояла из пяти известковых плит. У гробницы найдены вещи — золотые украшения, медный шлем. Есть золотая монета Перисада II в. до н. э.

А. А. Спицын полагает, что этот могильник принадлежит жителям полугреческого — полуварварского поселения.

Зеленская гора³

Зеленская гора расположена в 7 верстах к ЮЗ от Тамани и в 3 верстах к СВ от мыса Панагии (от которого начинается восточный берег Керченского пролива).

Около горы находился курган. Высота его 4,45 метра. В кургане — каменный ящик (плитовая могила), в ней мужской

¹ ОАК, 1903, стр. 77—78.

² К. Е. Думберг. ОАК, 1900, стр. 46—47, 104—109; Извлечение из отчета К. Е. Думберга. ИАК, 2, СПб., 1902, стр. 40—60; А. А. Спицын Фалары южной России. ИАК, 29, СПб., 1909, стр. 18—53, в частности, стр. 19.

³ ОАК, 1912, стр. 48—50; В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. ИАК, 60, Пг., 1916, стр. 22—23.

костяк головой на В, около гробницы — лошадиное погребение. При мужском костяке — копье, железные стрелы и остатки горита.

Обнаружены также каменный ящик с двумя лошадиными погребениями и земляной склеп с дромосом. Дата — IV — III вв. до н. э. (есть статер Александра Македонского).

В Приазовье раскрыты курганы у Кореновской и Ново-Джерелиево-ской. У Кореновской в большом кургане в насыпи открыта впускная могила, перекрытая сверху досками. Датируется (по мечу) II в. до н. э.¹ У Ново-Джерелиево-ской местные жители раскопали два кургана I—III вв. н. э.² Эти курганы, по мнению Н. В. Анфимова, оставлены кочевниками³.

Таким образом, в нижнем и среднем Прикубанье нами учтены 30 бескурганых могильников и 25 курганых. Курганые и бескурганые могильники интересующего нас времени известны также на Тамани и в Восточном Приазовье.

МОГИЛЬНИКИ ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНИЯ (КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ)

А. Бескурганые погребения

Адиухский могильник⁴

Могильник III—V вв. н. э. исследован Т. М. Минаевой на третьей части средневекового городища Адиух, на правом берегу р. Малого Зеленчука, напротив аула Хабез. Погребенные лежали в продолговатых ямах, стенки которых были обложены камнями или оставлены каменными плитами, поставленными на ребро. Костяки ориентированы головой на З. В одном случае женский костяк помещался на левом боку в скорченном положении. Ноги другого погребенного были скрещены в голенях. Инвентарь погребений — как из могил IV в. Тамгацкского могильника (см. ниже) — грушевидные кувшинчики с зооморфной ручкой, зеркало с петлей в центре на обороте и орна-

¹ Н. В. Анфимов. Археологические разведки по Среднему Прикубанью, стр. 48—49.

² Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья, стр. 95.

³ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 30.

⁴ Т. М. Минаева. Городище Адиух в Черкесии (раскопки 1954—1955 гг.). Тезисы доклада на сессии ИИМК и ИЭ АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1955 г. М., 1956; ее же. Отчет об археологических раскопках в 1954 г. на городище Адиух в Черкесской автономной области. Архив ИА АН СССР, № 946, лл. 3—5, 8.

ментом в виде птичьих лапок, Т-образная фибула с кружковым орнаментом на ножке. Могильник показывает связь между захоронениями позднесарматского и раннеаланского времени.

Двадцать седьмая шахта¹

По дороге из Карачаевска в Кардоник, у Двадцать седьмой шахты, обнаружен комплекс вещей, в который входили: две серебряные Т-образные фибулы, на игле одной из них надет скарабей из голубой египетской пасты, обломки бронзовой витой гривны, круглое зеркальце с боковой ручкой, хрустальная бусина, круглое плоское глиняное пряслице, глиняные сосуды — миска с загнутыми внутрь краями, высокая кружка, грушевидный кувшин. По фибулам комплекс датируется II — III вв. н. э.

Джамагат²

В карьере, расположенном на правом берегу р. Теберды, в местности Джамагат, между курортом Теберда и аулом Верхняя Теберда, по словам рабочих, были открыты погребения — грунтовые могилы, перекрытые деревом. В них помещались кости людей, лошадей, различные предметы, некоторые из них были переданы Карачаево-Черкесскому областному музею в г. Черкесске: длинный железный меч без перекрестия, кинжал, кольчатые удила, кольчуга, опаловое дисковидное навершие рукоятки меча. Дата — II — III вв. н. э.

Дружба

*П. Н. Шишкин. 1934 г.*³

В 1934 г. участник геологической экспедиции П. Н. Шишкин обследовал несколько археологических памятников Черкессии, в том числе окрестности хутора Дружба.

Могильник Дружбинского 1-го селища (Дружбинские городища №№ 1 и 2). В северной части обрыва раскопаны 7 могил; на левом берегу балки Мурзабековой, в глиняном карьере, в

¹ Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии. ТКЧНИИ, V, серия историческая. Ставрополь, 1966, стр. 134—137, 168—169.

² Там же, стр. 137.

³ П. Н. Шишкин. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области. Рукопись. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, № 1406 (1934 год). лл. 23—37.

200—300 метрах от впадения балки в пойму р. Кубани, обнаружены 3 могилы, расположенные на глубине 0,9—2 метров. Грунтовые, прямоугольные, иногда с закругленными углами. В некоторых случаях стенки имеют кладку из кубанских валунов. В могилах № 2 и № 9 — костяки на деревянной подстилке, № 6 — скорченный костяк, № 3 и № 7 — расчлененные костяки, № 2 и № 10 — костяки в сидячем положении, №№ 2, 4, 9 — костяки на спине, вытянуты. Погребения одиночные и коллективные. Ориентация — № 1 — неизвестна; №№ 2, 6 — на СЗ, № 3 — два черепа на С, один на Ю; № 4 — на ЮВ; № 5 — на С; № 7 — три на Ю, один на СВ; № 8 — неизвестна; № 9 — на СВ; № 10 — один на СВ, второй — на Ю.

В мог. № 10 — погребение первое, древнес. Остальные погребения, судя по инвентарю, относятся к рубежу и первым трем векам н. э. П. Н. Шишкин считает, что предметам, найденным в могилах, — 2000 лет.

Из вещей упомянем глиняный сосуд с остатками хрупкого желтоватого органического вещества — молока, по предположению П. Н. Шишкина; терракотовые позолоченные бляшки с рельефным изображением Деметры и Медузы Горгоны (мог. № 71)¹. Зеркало бронзовое круглое, длиной 7 сантиметров, с валиком по краю, с петлей, выбитой в боковой прямоугольной рукоятке (табл. 6, рис. 6)². Остальные вещи — глиняные сосуды, пряслица, кинжал с серповидной рукояткой и прямым перекрестьем, трехлопастные черешковые наконечники стрел, пряжки, стеклянные бусы, пряслица (глиняное и каменное) — см. табл. 6, рис. 1—5, 7—20.

¹ Подобные же бляшки найдены в местности Таллык в КЧАО, бляшки с изображением Медузы Горгоны обнаружены у Карачаевска (Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 134—135, табл. 1. 2); в кургане у Бесленевской (ОАК, 1895, стр. 29); в Усть-Лабинском втором могильнике, в погребениях третьей группы (Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник, табл. 1, 14); в кургане у Курджипской такие бляшки найдены у головы (ОАК, 1896, стр. 154). Подобные же горгонейоны, но не терракотовые, а золотые, были обнаружены в кургане у Марьевской. Горгонейонами была обшита шапочка (ОАК, 1912, стр. 56). Возможно, и терракотовые позолоченные бляшки с изображением Медузы являлись украшением головного убора.

² Аналогии этому зеркалу нам найти не удалось. М. П. Абрамова, видевшая рисунок этого зеркала, датирует его в пределах I—III вв. н. э. (Письмо М. П. Абрамовой к автору данной работы от 12 марта 1971 г.)

В 1969 г. экспедицией КЧНИИ был исследован могильник, разрушенный бульдозерами при добыче глины. Могильник находился на овальном холме, за пределами Дружбинского второго городища, у юго-западного его угла (табл. 4, рис. 1, 10). Высота холма 4 метра, длина с Ю на С — 28, ширина с В на З — 18 метров. Холм из желтой глины, сверху слой чернозема, мощностью до 1,5 метра. В восточной и центральной части холма, на глубине 1 — 1,25 метра находились грунтовые могилы, покрытые каменными плитами. Всего мы обнаружили три могилы, совершенно разрушенные. Эти могилы были ориентированы с В на З, черепа лежали в западной части могил (западная ориентировка покойников). Бульдозеристы, работавшие здесь, передали нам сосуды и украшения из этих могил. По их словам, в одной из могил глиняный сосуд помещался в глиняной миске.

Материал из могильника. Лепной черноглиняный кувшин с высокой шейкой, сплюснуто-шаровидным туловом и сильно стилизованной зооморфной ручкой. Поверхность темно-серая с полосатым лощением (табл. 6, рис. 23). Высокий лепной несимметричный грубый горшок, шейка и верхняя часть тулова украшены круглыми в плане ямочками. Глина в изломе красновато-светло-коричневая, поверхности нелощеные, внешняя — серовато-желтоватая, закопченная, внутренняя — желтоватая, местами сероватая (табл. 6, рис. 24). Круглое бронзовое зеркальце с боковой петлей, с рельефным орнаментом на оборотной стороне (кольцевые линии, вдавлины, бугорок в центре — табл. 6, рис. 26). Обломок бронзовой фибулы с Т-образной обвитой пружиной перекладиной (табл. 6, рис. 25); обломок другой бронзовой фибулы с пирамидальными наростами на ножке (табл. 6, рис. 33); маленькая бронзовая фибула с листовидной пластинчатой спинкой, пружина двухвитковая с дужкой наверху (табл. 6, рис. 21). Обломок бронзового украшения с головками животных (табл. 6, рис. 22). Обломки железных предметов. Овальная железная пряжка (табл. 6, рис. 27), железный кинжал с остатками деревянных ножен (табл. 6, рис. 34). 315 бус — стеклянных, пастовых, сердоликовых, халцедоновых, гешировых, из горного хрусталя. Некоторые из этих бус изображены на табл. 6, рис. 28—32.

Вещи из могильника относятся к первым трем столетиям н. э. Так, кувшин с высокой шейкой, сплюснутым туловом и

зооморфной ручкой датируются I—II вв. н. э.¹ Зеркала с боковой ручкой, бугорком в центре, орнаментированные рельефным узором (табл. 6, рис. 26) встречаются в прикубанских памятниках I—III вв.² Т-образные фибулы типа дружинской (табл. 6, рис. 25) датируются II—III вв.³ Фибулы с пластинчатой овальной спинкой (табл. 6, рис. 21) найдены в четвертой группе Усть-Лабинского второго могильника.

Дата могильника — II—III вв. — по фибуле. Для этого времени весьма характерен обычай ставить сосуд в миску⁴.

Кобу-Баши⁵

Подземный склеп у аула Кобу-Баши (Кува), между станциями Сторожевой и Преградной. Склеп раскрыт случайно местными жителями, наружных признаков погребения, судя по их словам, не было. На глубине 0,4 метра от поверхности земли находились две лежащие плашмя покровные песчаниковые плиты. Склеп в плане прямоуголен, ориентирован с Ю на С. Стенки его были образованы поставленными на ребро каменными плитами. В общем, склеп был похож на дольмен. Сходство с дольменом увеличивало устройство входа-лаза (этот вход был детально изучен Л. Г. Нечаевой при осмотре склепа в ноябре 1966 г.). Вход-лаз помещался в верхней части южной стенки, непосредственно под покровными плитами. Он имел почти прямоугольную форму с несколько закругленными углами. Ширина его 0,56, высота 0,45 метра. Длина склепа — 2,13 (с Ю на С); ширина — 1,84, высота от дна до покровных плит —

¹ К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Труды отдела истории первобытной культуры гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1941, рис. 1, 2; М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками. СА, 1969, № 2, рис. 2, 17.

² П. А. Дитлер. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс, табл. VIII; 8 могильник I—II вв. у Ясеновой поляны; Н. В. Анфимов. Тахтамукаевский могильник..., табл. IV, рис. 11, 12—I—II вв. н. э.; И. И. Гущина. Находки в Краснодарском крае, стр. 208, рис. 2, 5 — у ст. Владимировской, II—III вв.

³ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. ТГИМ, XII, 1941, табл. VI, рис. 5; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 203, рис. 28.

⁴ И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона..., стр. 16—17.

⁵ Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 143—158, 170—175.

1,21 метра. По рассказам очевидцев, всего в склепе было 8 костяков. Все помещались головой на С. Некоторые костяки «лежали один на другом» (то есть, очевидно, были сдвинуты при повторных захоронениях). Здесь же в северной части были обнаружены кости животных (овец и др.), галька, сосуды, украшения и другие вещи.

Сосуды сероглиняные, гончарные и лепные — сочетание гончарной и лепной посуды вообще характерно для комплексов меото-сарматской культуры. Большая часть сосудов находит аналогии в памятниках меото-сарматской культуры первых веков н. э. Есть и типично меотские сосуды, например, канфарообразная чаша на поддоне. Это — наиболее ранний сосуд (III — II вв. до н. э.). Наиболее поздний сосуд (III — IV вв. н. э.) — кувшин с сплюснуто-шаровидным туловом и кольцевой ленточной ручкой на тулове. Фибулы «с подвязанной ножкой» относятся к II — III вв. (и к более позднему времени). Остальные вещи датируются в пределах третьей и четвертой групп Усть-Лабинского второго могильника (стеклянная чаша, бронзовые дисковидные зеркала, браслеты, стеклянные бусы, железные предметы).

Датируется материал склепа рубежом н. э. и I — III вв.

Характер найденных предметов более меотский, чем меото-сарматский. Форма погребального сооружения — каменный дольменообразный склеп — местная, не сарматская. Наличие в погребении гальки также говорит о принадлежности данного склепа скорее к меотской, нежели к сарматской культуре.

Новая Джегута

Скальная катакомба, доследованная в сентябре 1970 г. научным сотрудником Карачаево-Черкесского областного музея М. Х. Семеновой.

К юго-востоку от аула Новая Джегута, на расстоянии 3 километров от него, на правом берегу р. Джегуты находятся две скальные катакомбы — одна маленькая, другая большая. В плане маленькая катакомба овальная (в нее вел коридор), большая — полуовальная, без коридора. Ориентированы катакомбы с Ю на С, вход с южной стороны. Размеры: маленькая катакомба — высота 1 метр, ширина 1,5, длина 1,5 метра; большая катакомба — высота 2, длина с Ю на С — 3,3, ширина с З на В — 2,5 метра. Заставлена каменной плитой, заваленной с внутренней стороны галькой и булыжником. В большой ката-

комбе обнаружен один костяк, лежащий на спине, головой на З. В головах его был большой гончарный кувшин-водонос. В этой же катакомбе найден маленький лепной кувшинчик, золотой медальон и бусы.

Большой гончарный кувшин-водонос — сероглиняный, тулово яйцевидной формы, горлышко невысокое, покрытое желобками. На устье — носик. Ручка плоская в сечении, идет от середины горлышка к плечу. На донышке рельефное клеймо — знак в виде буквы Н.

Маленький кувшинчик — лепной сероглиняный, с лощеными поверхностями. Тулово сплюснуто-шаровидное, с канелюрами и соцевидными выступами. В нижней части горлышка — поперечные желобки. Ручка зооморфная.

Медальон золотой листовидный, с зернью и сканью. В него вставлен зерновидный алмаз.

Семь бусинок сердоликовых, сплюснуто-шаровидных. На одной — роспись белыми узорами. Три стеклянных иризированных бусины в виде куба, параллелепипеда и бочонка.

Медальон датирует погребение IV в. н. э.

Вещи из катакомбы см. на табл. 3, рис. 5 — 7.

Родниковый¹

Грунтовой могильник II — III вв. обследован в пос. Родниковом (у подножия Рим-Горы). Одиночные костяки помещались в неглубоких (1,2 метра) грунтовых ямах в вытянутом положении, на спине, головой на В. Датировка определяется сероглиняными гончарными мисками, обломком железного меча и бронзовым зеркальцем с боковым ушком.

Тамгацкинский могильник²

Тамгацкинский могильник обнаружен в балке Тамгацк, в 3 километрах севернее аула Жако, на третьей террасе правого берега реки Малый Зеленчук. Здесь расположены поселения

¹ В. Б. Виноградов, Н. Н. Михайлов. Новые памятники скифо-сарматского времени в районе г. Кисловодска. Сб. «Археологические открытия 1969 г.» М., 1970, стр. 99.

² Е. П. Алексеева. Археологические памятники у аула Жако в Черкесии, стр. 73—79; ее же. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, табл. 10, 11.

и могильники VIII — VI вв. до н. э. и IV — V вв. н. э. На северной окраине поселения, на холме, условно названном нами «Северным», на глубине 1,2 метра, без наружных признаков, расположены погребения, прикрытые мощными песчанковыми плитами. Костяки лежали на спине, головой на З и ЮЗ. В могилах IV в. (№№ 1, 2, 3, 5) голени погребенных были перекрещены. Руки слегка разведены в локтях. Кисти — одна или обе — на нижней части живота. В некоторых погребениях (№№ 1, 2) костяки лежали на толстом слое глины. В мог. V в. (№ 4) череп был деформирован. В могилах обнаружен уголь. У газовых костей находились глиняные кувшины с зооморфными ручками и миски с костями овцы и коровы (пища погребенного). В мужских захоронениях встречены железные кинжалы и бронзовые пряжки, в женских — бронзовые и серебряные украшения — пряжечки, фибулы с подвязанной ножкой, зеркальца из высокооловянистой бронзы с рельефным геометрическим орнаментом (в виде птичьих лапок, палочек и др.) и петель на оборотной стороне. Датируется могильник IV — V вв.

Узун-Кол¹

На реке Узун-Кол в Уллукамском ущелье, к югу от аула Хурзук, Т. М. Минаевой обнаружены погребения III — V вв. Могилы представляли собой узкие прямоугольные ямы, стенки которых выложены битым камнем. Ширина 0,9 — 1,2 метра, глубина такая же, длина до 3 метров. Могилы покрыты поперечными плитами — от двух до шести. Пол выстлан каменными плитками. Костяки — с деформированными черепами, вытянутые, на спине. У ног — тонкостенные кувшины. В одной могиле обнаружены кости овцы и коровы. Среди прочих вещей здесь найдено зеркальце из белого сплава с боковой ручкой и рельефным изображением свернувшейся змеи в центре на оборотной стороне (II — III вв.) и другие предметы первых веков н. э.

Усть-Джегута²

Довольно много находок сарматского времени известно из окрестностей города Усть-Джегута. Так, в одной из могил найдено бронзовое кольцо-пряжка с боковым отростком, гем-

¹ Т. М. Минаева. Поселение в устье реки Узун-кол. СА, 1960, № 2, стр. 193—194.

² Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 134, 169.

ма с изображением женского лица, пастовые рубчатые бусы различного цвета и другие.

Там же, в Усть-Джегуте, в грунтовой могиле при строительных работах были обнаружены бусы и другие предметы, в числе которых бронзовая овальная пряжка с боковым отростком и тремя шишечками на рамочке. Такие пряжки для Северо-Западного Кавказа не характерны, но они обычны для Центрального Кавказа, для второго этапа позднекобанской культуры (III в. до н. э. — III в. н. э.). Таким образом, указанные находки из Усть-Джегуты можно датировать и несколько более ранним временем, чем начало н. э.

Как отмечает А. Л. Нечитайло¹, у Усть-Джегуты, в разрушенных могилах найдены вещи I — II вв. — глиняные кувшины, находящие аналогии в сарматских погребениях, и круглое зеркальце с боковой клиновидной ручкой, подобное найденному в кургане № 20 второго Бережновского могильника, I — II вв. н. э.

Учкулан²

На Учкуланском поселении (левый берег р. Хурзук) экспедицией КЧНИИ в 1958 году в могиле более древней (позднекобанского времени) — двойной, четырехугольной, обставленной каменными плитами — в одном из отделений обнаружен типичный железный сарматский кинжал-палаш.

Хасаут³

Близ аула Хасаут доследовано полуразрушенное коллективное погребение в грунтовой яме, обложенной камнями. Уцелевший костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад, ноги в голених были перекрещены. В могиле обнаружены: бронзовое позолоченное зеркало с валиком по краю и заостренной небольшой ручкой, фрагмент другого зеркала поменьше, железный кинжал с прямым перекрестьем и кольцевым навершием и грубая лепная сероглиняная кружка. Погребение относится ко II в. до н. э. — I в. н. э.

¹ А. Л. Нечитайло. Археологические разведки Ставропольского музея. МИСК, 11. Ставрополь, 1954, стр. 313—314.

² Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 133.

³ В. Б. Виноградов, Н. Н. Михайлов. Новые памятники скифо-сарматского времени, стр. 99.

Б. Курганы

Терезе¹

В 5 километрах к западу от Учкекена и в 22 — к западу от Кисловодска находится аул Терезе. На южной окраине этого аула, на левом берегу Подкумка, расположен курганный могильник. Курганы этого могильника были разрыты при добыче гравия.

Часть вещей из этого могильника опубликованы Т. М. Минаевой². Наиболее интересные из них следующие: амфора из светло-красной глины, горло другой амфоры с буквенными знаками, нанесенными красной краской; обломки краснолакового блюда на кольцевом поддоне; сероглиняная миска с прямо стоящим бортиком; два крупных, сильно помятых котла из листовой бронзы со сферическим туловом и низким прямым бортиком, с сильно закопченной наружной поверхностью; мелкие обломки чаши из толстого бесцветного стекла; два обломка ребристой чашки из прозрачного бесцветного стекла, четыре фрагмента сосуда из зеленовато-желтого стекла, с резным орнаментом в виде ромбов с круглыми вдавленными пятнами в центре; железные удила с колесовидными псалиями (как из Учкекена — Е. А.), обломки четырех железных мечей с узким стержнем для насадки рукоять (один из них имеет весьма длинный стержень, на некоторых лезвиях видны следы дерева от ножен); куски железной кольчуги из плоских склепанных колечек.

Перечисленные находки Т. М. Минаева датирует I — III вв. н. э.³

Терезинский курганный могильник был осмотрен автором этих строк. Всего в могильнике мы насчитали 20 курганов. Все они были разрушены. В семи из них удалось проследить форму могильного сооружения. В трех курганах обнаружены катакомбы. Могильная яма была прямоугольная, с закругленными углами, размером 2 x 1 метр, ориентирована с запада на восток. В северо-восточном углу ямы находился вход в овальную катакомбу, которая помещалась под углом к могильной яме. Фор-

¹ Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 139—143, 176—177.

² Т. М. Минаева. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, стр. 129—130, рис. 33.

³ Т. М. Минаева. К истории алан, стр. 130.

ма могильной ямы и катакомбы подобна форме могильного сооружения подкурганного катакомбного погребения кургана №3 Учкена (см. ниже). В четырех разрушенных курганах могилы представляли собой прямоугольные ямы, стенки которых были выложены камнями. Ориентировка могил различная — с Ю на С, с ЗСЗ на ВЮВ, с СЗ на ЮВ. Из курганов этого могильника нами собраны следующие предметы: обломки сосудов — сероглиняных с лощеной серой и коричневой поверхностью и красноглиняных; обломки металлических сосудов — серебряных и бронзовых, в том числе фрагмент сосуда из тонкой листовой бронзы в виде маски, изображающей кудрявую женскую головку высотой 9 сантиметров; целые бронзовые сосуды — тазы, ведра, котлы; обломки стеклянных сосудов, один из которых имел ажурную серебряную оправу с растительным

Фото 1.

Терезинский могильник. Обломки крышки серебряного ажурного сосуда на стеклянной основе. Вверху — надпись греческими буквами на ободке крышки.

Фото 2.

Терезинский могильник. Обломки крышки серебряного ажурного сосуда на стеклянной основе (того же, что и на фото 1).

орнаментом. В основании оюравы — надпись греческими буквами; железные орудия труда — топорики, обломок серпа; железное оружие — длинные (длинной — 0,82 метра) прямые мечи без

перекрестья, трехлопастные черешковые наконечники стрел, обрывки кольчуги (как из Учкена); принадлежности конского снаряжения — в том числе кольчатые удила — массивные, серебряные, с продолговатыми позолоченными бляшками; железный светильник в виде чаши; бронзовые украшения и принадлежности одежды (пряжки и др.); узорчатая ручка сосуда — см. табл. 2, рис. 1—5; табл. 3, рис. 1—4.

Вещи, обнаруженные в Терезинских курганах, находят себе аналогии в курганах Золотого кладбища и в других комплексах Северо-Западного Кавказа, датирующихся в пределах I — начала IV вв. Так, амфоры, подобные терезинской, встречаются в комплексах III — начала IV вв. Прикубанья, восточночерноморского побережья Кавказа, Крыма, Украины. Наиболее близкая аналогия — амфора из ст. Воронежской (конец III в. н. э.)¹.

Ручка сероглиняного луженого сосуда в виде животного. На головке — длинные уши, выполнена довольно реалистично, стилизация не слишком сильная. Такие ручки встречаются в комплексах преимущественно I — II вв., хотя известны они и в более поздних памятниках.

Крупные черешковые трехлопастные наконечники стрел появляются с первых веков н. э. (напр., Усть-Лабиинский 2-й могильник, четвертая хронологическая группа). Уникальными находками являются: кувшин из серой глины, в общем позднесарматского типа, но с изображением на тулове человеческого лица и рук, и стеклянный сосуд в серебряной ажурной оправе, найденный в обломках (фото №№ 1 и 2).

Усть-Джегута²

В 1964 г. А. Д. Нечитайло в Усть-Джегутинском могильнике среди прочих курганов раскопала курган с погребением сарматского времени (курган № 41, погребение № 4). Данные об этом погребении, а также интерпретация материала приведены в книге Т. М. Минаевой «К истории алан верхнего Прикубанья». Курган находился на правой стороне р. Кубани, на расстоянии одного километра к северу от Усть-Джегуты. Насыпь

¹ Н. В. Анфимов. Позднесарматское погребение..., стр. 210, рис. 7.

² Т. М. Минаева. К истории алан..., стр. 115—124, рис. 26—31.

кургана имела вид усеченного конуса высотой 11, диаметром 52 метра. В насыпи прослежены две грабительские ямы. Насыпь состояла из земли, мелкого гравия, песка и глины.

На глубине 2,5 метра от вершины кургана и на расстоянии 5,4 метра к юго-западу от его центра обнаружено зольное пятно с древесными углями. Среди угля и золы найдены черепки от амфоры, фрагменты какого-то железного предмета и граненое кольцо. Под центром насыпи на древнем горизонте показались края прямоугольной с закругленными углами ямы, длиной 4,3, шириной 3,4 и глубиной 0,9 метра. На дне ямы был рассыпан древесный уголь. В юго-восточном ее углу обнаружены две одинаковые по форме амфоры. Одна из них стояла у стенки, вторая лежала рядом горлом вниз. На плечике ее возле ручки сохранилась надпись красной краской. Недалеко от амфор находилась втулка железного копья. В средней части ямы дно было скошено в виде узкого спуска вниз и подводило к отверстию овальной формы, закрытому плитой из ракушечника, укрепленной известняковыми плитами. За плитой располагалась катакомба, овальная в плане, со сферическим потолком. Дно ее находилось на 0,5 метра ниже входного отверстия. Длина катакомбы 3,95, ширина 2,4, высота 2 метра. В золе, смешанной с углем и известняком, заполнявшей катакомбу, были найдены следующие вещи: обломки железного меча, три железные пряжки, железная бляха с железными стержнями (м. б. от удила), 11 трехперных, сильно скипевшихся черешковых наконечников стрел; бронзовое кольцо, квадратная бляшка с эмалью, серебряная пряжка с круглой обоймой, две голубые фаянсовые реберчатые бусины, крупная халцедоновая бусина, кусок серы. На дне камеры в юго-восточном углу в беспорядке лежали кости одного человеческого скелета. Около костей встречены черепки от амфоры — такой же, какие стояли во входной яме. Среди костей скелета и под ними находились: желтый, голубой и золотой бисер, бронзовое кольцо от пряжки, бронзовое колечко, бронзовые тонкие пластинки, полуцилиндрические бронзовые, обтянутые золотым листком обломки, глазок голубого стекла, мелкие обломки матового стекла, золотые нити, которыми, очевидно, была расшита одежда погребенного. В южной части камеры встретились куски от кубка из черного с белыми и желто-коричневыми разводами стекла, обломки крупного сосуда с двумя массивными ручками из голубого прозрачного стекла. В юго-западном углу лежали фрагменты красноглиня-

ной миски с кольцеобразным поддоном и ангобированной поверхностью. На расстоянии 23 метров к юго-западу от центра кургана обнаружен скелет лошади без черепа. Лошадь помещалась на древнем горизонте на правом боку с согнутыми ногами. На расстоянии 24 метров к юго-востоку от центра лежали скелеты еще двух лошадей, также без черепов. Эти конские захоронения, также, как и зольное пятно в насыпи кургана (остатки тризны), относились к захоронению в катакомбе. Вероятно, курган первоначально был насыпан в эпоху бронзы, а потом на его месте было устроено данное погребение и возведена новая насыпь. Очевидно, здесь был погребен конный воин. Дата кургана, как справедливо заключает Т. М. Минаева, — I—II вв. н. э., точнее, I в. н. э. Т. М. Минаева сопоставляет эту катакомбу с катакомбами первого типа Золотого кладбища и считает ее аланской.

Судя по этим находкам, район Усть-Джегуты населяли в сарматское время, помимо других сарматских племен, и ранние аланы.

Учкекен¹

В Малокарачаевском районе КЧАО, в 17 километрах к западу от Кисловодска, несколько западнее места слияния рек Подкумок и Эшкакон, на плато горного отрога аула Учкекен находится могильник, состоящий из семи курганов. Курганы в плане овальные и круглые, иногда вокруг насыпей прослеживается ров. Здесь экспедицией КЧНИИ в 1961 г. были исследованы два кургана (№№ 1 и 3) и один курган (№ 2) раскопан (табл. 1, рис. 6—8).

Курган № 1 в плане круглый, высота 1,6, диаметр 14,5 метра, вокруг насыпи — ров. Под насыпью в центре на материке овальная яма, ориентированная с СВ на ЮЗ. В юго-западном конце ямы — плита, закрывавшая вход в овальную в плане катакомбу. Дно катакомбы несколько ниже дна ямы. В катакомбе обнаружены обломки железных колесовидных псалиев, обрывки железной кольчуги, железная цепь; цепочка из плоских бронзовых колец, черепки гончарных сосудов — из серой, красной и розовой глины, мисок и др.; кусок мела.

Курган № 2 в плане круглый, высота 1,5, диаметр 15 мет-

¹ Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 158—167, 175—177.

ров. В центре курганного пятна на материке — черепки серой и красной керамики сарматского времени и угольки — остатки тризны. Могильная яма находилась на периферии кургана, в материке. В плане она была прямоугольная, с закругленными углами, ориентированная с В на З, с северной стороны к ней был пробит грабительский лаз. В северной стене ямы, ближе к восточному углу, — разрушенная катакомба. Курган был ограблен, в катакомбе оставался только обломок трубчатой кости верхней конечности человека и в юго-западном углу ямы — обломок красноглиняного сосуда сарматского времени.

Курган № 3 — в плане овальный, высота 1,2 метра. Диаметр с Ю на С — 14,8, с З на В — 14 метров. Вокруг насыпи ров. В центре под насыпью на материке — овальная яма, ориентированная с В на З, с некоторым отклонением к северу. В северо-западном углу ямы — две вертикально поставленные каменные плиты, закрывавшие вход в катакомбу. Катакомба расположена под углом к могильной яме (почти на 90 градусов), в плане она овально-яйцевидная, дно ее, по сравнению с дном могильной ямы, понижалось к С. Здесь найден обрывок железной кольчуги (как из катакомбы №1) и обломок каменного предмета (м. б. точилки).

Колесовидные удила, типа учкекенских, найдены в комплексах третьей хронологической группы Усть-Лабинского 2-го могильника (III — I вв. до н. э.), датируются концом третьего хронологического периода. Найдены они также в подкурганных погребениях Золотого кладбища и в захоронениях I — III вв. Ясеновой поляны на р. Фарс. К. Ф. Смирнов отмечает, что колесовидные удила появляются на Кубани в I в. н. э. и продолжают существовать до II в. н. э. В. Б. Виноградов несколько уточняет эту дату — он пишет, что такие удила появляются в Прикубанье в начале I в. н. э. и продолжают существовать до начала II в. н. э.¹ Подобные удила встречаются и на Северо-Восточном Кавказе. Есть они в Чечено-Ингушетии (хранятся в ГИМ). Найдены они в окрестностях Ачикулака — в диагональном погребении I в. н. э. Железная цепь (вместе с бронзовым котлом) найдена в кургане сарматского времени у ст. Курджипской, а также в Северском кургане. Кольчуга, подобная учкекенской, обнаружена в могилах Золотого кладбища (например, в кургане ст. Тифлисской, 1901 г.). Керамика — гончарная, красно-

¹ К. Ф. Смирнов. Северский курган, стр. 40; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 77.

глиняная, подобная учкекенской — встречена нами в Крыму, на городище Илурат, раскопки В. Ф. Гайдукевича, 1950 г. Таким образом, Учкекенские курганы можно датировать рубежом и первыми двумя веками н. э. — также, как и большинство погребений Золотого кладбища.

* * *

Интересный комплекс происходит из разрушенного при строительных работах кургана, находящегося между аулами Учкекен и Терезе. Здесь найдены четыре золотых предмета: пряжка овальная с овальным щитком, на щитке скань и алмандиновая вставка; сердцевидная бляшка с катушечной филигранью и вставками из красного стекла. Вторая такая же бляшка. Круглая бляшка в виде колеса с тремя спицами, с вставками из красного стекла. Серебряная овальная пряжка с овальным щитком. Обломки железных предметов — крючок, обойма, куски скипевшейся кольчуги. Осколок прозрачного зеленоватого стекла. Черепки гончарных тонкостенных сероглиняных сосудов с лощением, среди них ручка в виде сильно стилизованного зверька — петля с отростком¹.

Золотые и серебряные украшения с вставками из алмадина находят себе многочисленные аналогии в комплексах IV в. Керчи и других памятников. Кувшин с ручкой, типа вышеописанной, с отростком и овальная серебряная пряжка с овальным щитком, подобная вышеуказанной, найдены в могилах IV в. Тамгацикского могильника (см. выше).

Таким образом, на территории Верхней Кубани нами учтены 11 бескурганых и 3 курганых могильника.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОГИЛЬНИКОВ

III в. до н. э. — IV в. н. э.

НИЖНЕЕ И СРЕДНЕЕ ПРИКУБАНЬЕ

А. Бескурганые могильники

Бескурганые грунтовые могильники III в. до н. э. — III в. н. э. известны как на правобережье Нижней и Средней Кубани, так и в Закубанье. Располагались они обычно за внешним рвом

¹ Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 167, табл. 23, рис. 1—5. Вещи находятся в Карачаево-Черкесском музее краеведения.

городища и наружных признаков не имели. Погребения совершались в прямоугольных ямах — от 1 до 2,5 метра глубины, но были и другие формы могильных сооружений.

Хронологически, согласно периодизации Н. В. Анфимова, могильники делятся на две группы — среднемеотскую (с середины IV в. до н. э. до начала I в. до н. э.) и позднемеото-сарматскую (I в. до н. э. — III в. н. э.)¹.

Более ранние погребения первой группы (до начала III в. до н. э.) продолжают традиции раннемеотских могильников. Но в III — II вв. до н. э. и в форме могильного сооружения, и в обряде, и в инвентаре появляются новые черты. Погребенные лежали на спине, как правило, вытянуто. Скорченные погребения встречались изредка. Вместо южной ориентировки, характерной для более ранних периодов, появляется восточная, увеличивается западная (особенно со II в. до н. э.). Встречаются костяки со скрещенными голенями и с кистью руки, положенной на таз (например, в погребениях третьей хронологической группы Усть-Лабинского 2-го могильника, III — нач. I вв. до н. э.).

Господствующей формой продолжает оставаться грунтовая яма, но имеются и другие виды погребальных сооружений, например, каменные гробницы у Семибратнего городища, у Ясеновой поляны, у Кургаковской, сырцовые и плитовые гробницы Тузлинского могильника на Тамани. В среднемеотский период (с III — II вв. до н. э.) появляются единичные погребения в подбоях и катакомбах.

В Прикубанье наиболее раннее, достоверно датированное катакомбное захоронение относится ко II в. до н. э. — у ст. Ладжской. Подбой были в Усть-Лабинском 2-м могильнике — возможно, они появляются еще во II хронологической группе, с IV — III вв. до н. э. В III хронологической группе их отмечается 5, но, очевидно, было больше.

В погребениях сохраняется галька. Встречен реальный. В некоторых могильниках, в погребениях III — II вв. до н. э. под головами погребенных находились миски (могильники Зеленский, Елизаветинские, Пашковский 3). С этого же времени по-

¹ Н. В. Анфимов. Основные этапы культуры меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников). Автореферат кандидатской диссертации, ИИМК АН СССР. М., 1954, стр. 5., сл., стр. 13, сл.

являются захоронения с конями — чаще всего с одним, но иногда в одной могиле встречалось и по нескольку конских костей — два, четыре (Усть-Лабинский 2-ой могильник), шесть (погребение у Ладожской). В могилах встречены также кости овцы (иногда целые скелеты), козы, свиньи, реже коровы, скелеты собак. Кости животных находились в мисках или на песчаниковых плитках.

В среднемеотский период, по сравнению с раннемеотским, увеличивается количество предметов, клавшихся в могилу. Инвентарь становится более разнообразным. Погребения были разные по богатству — встречались захоронения с дорогой посудой и золотыми украшениями (например, в катакомбах); наряду с богатыми погребениями были и бедные, не содержавшие вещей или содержавшие их очень мало.

Многие вещи по форме генетически связаны с более ранними предметами, но есть и новые формы. В керамике появляются подражания античным образцам (канфары, патеры и другие). Керамика в основном сероглиняная гончарная, есть из коричневой и из красной глины. Лепная сероглиняная посуда отличается по форме от более ранней. Наиболее распространенные формы сосудов — кувшины, миски, канфары, двуручные и трехручные чаши, чашечки с ручками-петельками и крышкой, плоские мисочки с широким горизонтальным краем, рыбные блюда, чаши с углублениями на дне, вазочки на высоких поддонах, горшки. Реже встречается местная красноглиняная керамика — лутерии, кувшины, мисочки, горшки. Привозной керамики немного (в основном, амфоры).

Оружие — железное: мечи с брусковидным навершием, без перекрестья. В Елизаветинской — меч со слегка изогнутым навершием (типа серповидных), с прямым перекрестьем. Копья с длинным, узким, ланцетовидным пером, листовидной формы, ромбической формы с продольным пером. Наконечники стрел — железные трехгранные втульчатые, реже — бронзовые и костяные. Железные крючки. Принадлежности конского убора — удила, псалии; ворворки, пряжки, бусы. Удила с псалиями в виде колесиков. Удила с крестовинами и крестообразными псалиями. Оселки, ножи, кресла, иглы, шильца, глиняные пряслица, пряжки (кольцо с отростком). Ножи-секачи. Впервые появляются серпы. Украшения и туалетные принадлежности — браслеты (бронзовые, железные и золотые), перстни со щитками, серьги височные, кольца, бусы. Булавки-шпильки, щипчики, баночки,

раковины. Зеркала большие, в виде тонкого диска, иногда орнаментированные гравированные узором, с ручкой и без ручки. Насивенные бляшки, в том числе — из золота. Терракотовые позолоченные бляшки с рельефным изображением Медузы Горгоны (в архаической трактовке).

В погребениях позднемеото-сарматского периода (I в. до н. э. — III в. н. э.) увеличивается глубина могил. Чаще наблюдается западная ориентировка, хотя в общем ориентация погребенных была различная. Увеличивается число захоронений в подбоях и в катакомбах. Вход в подбой и в катакомбы закладывался плитой. Первыми двумя веками н. э. датируются катакомбные погребения у Владимирской на реке Куксе (4 катакомбных захоронения, одно из них — двухкатакомбное); у Тбилисской (одна двухкатакомбная могила), в могильнике Ясеновая поляна (одна катакомба). Очевидно, 9 катакомб имеются в Усть-Лабинском 2-м могильнике, датируются они I — II вв. У ст. Владимировской обнаружена одна подбойная могила I в. до н. э. — I в. н. э. У ст. Казанской — подбойная могила I в. н. э. Три подбоя отмечены в четвертой группе Усть-Лабинского 2-го могильника, но, по предположению Н. В. Анфимова, в этой группе подбоев могло быть больше.

Встречались и могильные ямы, обложенные сырцовым кирпичом (например, на Урупе, у ст. Советской, близ Урупского 2-го городища). Чаще встречается захоронение с конем. Продолжается обычай положения кисти руки на таз покойника; как и в предыдущий период, иногда встречаются костяки с перекрещенными голенищами¹. Исчезают галька и каменные плитки. Миску под голову покойника уже не клали², а помещали в миску кувшин или какой-либо другой сосуд, иногда для этой цели изготовлялись двойные сосуды. В погребениях появляются куски мела — обычно их клали в чашки. В закубанском Тахтамукаевском могильнике мела не было. Сарматское влияние, которое

¹ Перекрещенные голени известны в следующих погребениях: Усть-Лабинский второй могильник, третья группа — 7 случаев; четвертая группа — 2 случая; Тахтамукаевский могильник — 2 случая; Краснодарский могильник за кожзаводом на западной окраине — 1 случай. Всего по опубликованным материалам учтены 12 случаев. Как любезно сообщил нам И. С. Каменецкий, по архивным материалам учитываются еще 3 случая — в могильниках Елизаветинском, Тахтамукаевском и Краснодарском на ул. Тельмана (б. Почтовой).

² В некоторых случаях черепа накрыты мисками — в могильнике у аула Шенджий, II в. до н. э. — I в. н. э.

выражается, в частности, в появлении мела, в этот район Закубанья, в указанном смысле, очевидно, не доходило. В могилах встречаются кости и целые скелеты овцы, свиньи, коровы, собаки. Преобладали кости овцы, кости свиньи и коровы встречались реже.

В инвентаре исчезают некоторые формы и появляются новые. Так, в керамике исчезают канфары, мисочки некоторых форм, трехручные чаши. Появляются сосуды с ручками в виде животных с витой ручкой. Встречены курильницы. Кольцевая ножка на сосудах превращается в ложнокольцевую. В основном посуда сероглиняная, гончарная — кувшины, миски, небольшие горшочки (на трех ножках), мелкие сосудики; высокие, расширяющиеся кверху кружки; вазочки на поддоне, двуручные чаши. Встречаются лепные сосуды — горшки и прочие. Привозной керамики немного — амфоры, краснолаковые сосуды.

Появляется привозная стеклянная посуда — в основном, двуручные чаши на кольцевой ножке, есть бальзамарины и др.

Оружие. Мечи с прямой крестовиной начинают вытесняться узкими и длинными мечами без перекрестья, с черенком для деревянной рукоятки. Трехгранные наконечники стрел со втулкой сменяются трехлопастными черешковыми. Наконечники копий — массивные, длинные. Перо узкое, ланцетовидное и широкое, листовидное. Наряду с пластинчатыми панцирями появляются железные кольчуги. Встречены обломки железных щитов. Удила с колесовидными псалиями. Стержневидные псалии с утолщенными концами. Кольчатые удила с прямыми псалиями, имеющими на концах ромбовидные расширения. Орудия труда — железные серпы, крюки, топоры, мотыгообразные орудия, терочки, жернова. Железные ножички, оселки, кресала с кусками кремня, железные иглы, шильца, прислица глиняные, есть алебастровые. Ножницы пружинные (из Краснодарского могильника на ул. Тельмана, б. Почтовой). Железные канделябры. Пряжки круглые без щитка, бронзовые и железные. Украшения и туалетные принадлежности — раковины, копоушки, румяна, бусы, перстни с глазками, височные кольца. Круглые браслеты, отличаются друг от друга формой концов. Шейные гривны, амулеты из египетской смальты. Фибулы бронзовые, есть железные — «с подвязанной ножкой», арбалетные, «римские провинциальные». Зеркальца небольшие (до 6 сантиметров в диаметре), с боковой четырехугольной ручкой-петелькой, в центре на оборотной стороне — выпуклость. Есть зеркальца

гладкие, а есть орнаментированные геометрическим узором. В конце периода — в III в. н. э. — появляются зеркальца без боковой ручки с ушком на оборотной стороне, с радиальным орнаментом (в погребении III в. у ст. Воронежской). Такие зеркальца характерны для средневековой эпохи¹.

Вышеописанные бескурганые могильники справедливо, в основном своей массе, считаются меотскими. Здесь мы наблюдаем захоронения в прямоугольной яме, наряду с вытянутыми костяками иногда встречаются скорченные, в могилах есть галька, под голову покойника ставились миски, позднее в миски помещали сосуды. Инвентарь погребений сугубо меотский. Коротко говоря, в этих могильниках мы отмечаем все те признаки, которые характерны для меотского обряда погребения.

Однако в некоторых из этих могильников встречаются элементы, характерные для сарматского обряда, — перекрещенность голеней, мел и др. Правда, в таких могильниках, как Краснодарский на западной окраине, Елизаветинский, Пашковский 3-й и Тахтамукаевский, эти черты единичны. Но в Усть-Лабинском 2-м могильнике, в III и IV хронологических группах элементы сарматского обряда настолько сильны, что заставляют данный могильник именовать не меотским, а меото-сарматским, как его справедливо называет Н. В. Анфимов. Среди бескурганых погребений встречены (правда, единичные) захоронения в подбоях. Подбой — сарматская форма погребального сооружения, и наличие подбоев говорит о проникновении сарматов в среду местного населения. Наконец, в бескурганых могильниках встречена аланская форма погребального сооружения — катакомба. У ст. Ладожской она датируется II в. до н. э., катакомбы ст. Казанской, Тбилисской, Владимировской, Усть-Лабинской и Ясеновой поляны относятся к рубежу и первым двум столетиям н. э. Эти захоронения мы считаем аланскими. Показательно, что бескурганые катакомбы в основном встречены там же, где и подкурганые катакомбные погребения (у ст. Ладожской, Усть-Лабинской, Казанской).

Б. Курганы

Переходим к курганным захоронениям сарматского времени. В подкурганых захоронениях трех последних веков и рубе-

¹ Более подробную характеристику инвентаря меотских погребений дает Н. В. Анфимов в своих работах «Основные этапы развития культуры...», «Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской» и в других статьях.

жа н. э. формы погребальных сооружений довольно разнообразны. Так, в кургане IV — III вв. до н. э. в ст. Марьевской могила имела деревянное перекрытие на столбах. Точно установить форму этого перекрытия по отчету Н. И. Веселовского невозможно. Очевидно, погребения под курганом у ст. Марьевской принадлежат представителям местной знати. Но наличие деревянных перекрытий в могиле, может быть, говорит о влиянии не местного погребального обряда, а, возможно, сарматского. У ст. Воронежской есть курганы с грунтовыми погребениями и деревянным перекрытием. Могилы частично впускные. Наиболее поздние из этих курганов К. Ф. Смирнов датирует IV — началом III в. до н. э.¹ Как отмечает К. Ф. Смирнов, указанные курганы близки по форме погребального сооружения Елизаветинским курганам, но отличаются от них и от закубанских курганов с шатрами скифского времени скромностью погребального обряда, отсутствием массовых захоронений коней, колесниц, человеческих жертвоприношений². К. Ф. Смирнов предположительно считает эти погребения сиракскими³. Отметим, что в одном из курганов ст. Воронежской (курган № 17) имеется впускное погребение с подбоем. Может быть, это погребение аорское. У ст. Бесленевской обнаружены курганы с каменными гробницами. Могилы были обставлены каменными плитами, верхние концы которых иногда выступали на поверхность насыпи. Датируются эти погребения в основном III—II вв. до н. э., хотя есть и более ранние — VI—IV вв. до н. э. Каменные гробницы бесленевских курганов связываются с каменными погребальными сооружениями, возводившимися в этих местах с глубокой древности.

Местным захоронением является впускная каменная гробница Северского кургана II—I вв. до н. э. К. Ф. Смирнов объединяет в группу местных погребений Бесленевский курганский могильник, впускную гробницу Северского кургана, а также Зеленский курган и некоторые другие погребения⁴.

Очень своеобразны захоронения в Габукойском кургане — у ст. Рязанской на р. Пшиш. Из 12 костяков один скорченный, остальные вытянуты на спине. Инвентарь меотского типа. На черепе одного из костяков находилась опрокинутая миска. Да-

¹ ОАК, 1903, стр. 71—73; К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 5.

² К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 8.

³ Там же.

⁴ К. Ф. Смирнов. Северский курган, стр. 7—9; Основные пути..., стр. 12.

та — III в. до н. э. — III в. н. э. Захоронения этого кургана также относятся к числу местных погребений.

В курганах I в. до н. э. зафиксированы новые типы погребений, которые К. Ф. Смирнов справедливо считает поволжскими, — диагональное погребение в прямоугольной, почти квадратной яме, с юго-западной ориентировкой покойника (Армавир, курган № 2, 1902 г.), могилы с заплечиками, с южной ориентировкой погребенного, с меловой посыпкой дна могилы, с наконечниками стрел в женском захоронении (например, Армавир, курган 1903 г.).¹

Курганы рубежа н. э. известны на левобережье Кубани. Так, у ст. Ярославской, в кургане во впускном погребении найдены два скелета, лежащие на спине, головой на З. Датировка — I в. до н. э. К I в. до н. э. — I в. н. э. относятся курганы зубовско-воздвиженского типа (у хутора Зубовского и у ст. Воздвиженской). Эти погребения частично впускные, представляют собой довольно обширные квадратные ямы, имеют деревянные конструкции в виде плоской крыши, поддерживаемой четырьмя или пятью столбами. Ориентировка в Воздвиженском кургане западная. В кургане у аула Хатажукаевский (на б. участке И. П. Харина) во впускном погребении обнаружен женский костяк, лежащий головой на З. Вещи — зубовско-воздвиженского типа. Может быть, в эту группу можно отнести впускные подкурганые погребения у ст. Геймановской, где на одном из покойников было войлочное покрывало (как в кургане у Воздвиженской).

Указанные подкурганые захоронения Н. И. Веселовский, М. И. Ростовцев и некоторые другие исследователи включают в группу могильников Золотого кладбища, о котором пойдет речь ниже. Такое включение нам кажется неправильным. Эти погребения датируются более ранним временем, чем Золотое кладбище, и имеют совершенно другой обряд захоронения. В частности, здесь отсутствуют катакомбы, столь характерные для Золотого кладбища.

К. Ф. Смирнов считает погребения зубовско-воздвиженского типа сарматскими, сиракскими².

И. С. Каменецкий полагает, что можно считать сиракскими

¹ К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан, стр. 213—219; его же. Основные пути..., стр. 15.

² К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 14—16.

памятниками те, которые расположены к востоку от Лабы. Однако выделение их из массы других представляется И. С. Каменецкому невозможным из-за отсутствия надежных критериев¹.

Нам кажется, что такой критерий, как форма погребального сооружения — яма с деревянными конструкциями, — является вполне надежным, так как для местного населения подобная форма погребального сооружения не характерна. Местные племена хоронила своих умерших в грунтовых ямах без деревянных перекрытий на столбах или в каменных погребальных сооружениях.

Точка зрения И. С. Каменецкого оспаривается В. Б. Виноградовым².

С рубежа н. э. появляются подкурганные катакомбы, в основном на правобережье Средней Кубани. Такие курганные могильники зафиксированы у ст. Усть-Лабинской, Ладожской, Тбилисской (б. Тифлисской), Казанской; на левобережье Кубани — у ст. Некрасовской и Кубанской, и, очевидно, в б. именни Зиссерманов. Указанные могильники и именуется «Золотым кладбищем». Датируются они в основном I—II вв. н. э.³ Курганы на правобережье тянутся узкой полосой, не удаляясь в глубь степи, группируясь около городищ. Насыпи сравнительно небольшие, курганы расположены группами. В плане насыпи имеют растянутую с востока на запад яйцевидную или овальную форму. Вокруг насыпей имелся ров. Погребения иногда обнаруживались не в центре, а на периферии (например, в западной части кургана).

Всего Н. И. Веселовским в 1901—1903 гг. раскопаны 77 курганов с катакомбами. В курганах Золотого кладбища иногда встречались некатакомбные погребения — всего их было 9: в кургане № 43 у Усть-Лабинской — яма с заплечиками; в кур-

¹ И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки, стр. 99.

² В. Б. Виноградов. Об интерпретации сарматских погребальных памятников..., стр. 51.

³ Н. И. Веселовский датировал курганы Золотого кладбища римским временем, преимущественно II в. н. э. М. И. Ростовцев несколько погребений относит к II—I вв. н. э. (курган у Некрасовской, курган № 15 у Тифлисской); к I в. до н. э.—I в. н. э.—курган № 6 у Тифлисской. Остальные подкурганные погребения Золотого кладбища М. И. Ростовцев датирует I—II вв. н. э. (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 570—575.) Эта дата принята советскими исследователями — К. Ф. Смирновым, Н. В. Анфимовым и другими.

гане № 6 у Казанской — прямоугольная яма; в курганах №№ 8, 9, 33, 36 — гробницы (точнее, Н. И. Веселовский их форму не описывает); в кургане № 6 у хутора Кубанского — узкая гробница; в кургане № 3 у Некрасовской — прямоугольная яма, по продольным стенкам которой имелись шесть столбов; в кургане у Некрасовской, раскопанном в 1906 г., — впускная земляная гробница.

Подбоев в курганах Золотого кладбища встречено не было.

Таким образом, основным видом погребального сооружения Золотого кладбища была катакомба.

Устройство катакомб, судя по чертежам и описанию Н. И. Веселовского, было следующее. Сначала рыли четырехугольную в плане могильную яму. Дно ямы, как правило, было покато к западу. Иногда в южной, северной и восточной части дна были уступы — заплечики. Затем в западной стене этой ямы пробивали катакомбу, с «купольным» верхом, овальную, овально-вытянутую, реже — прямоугольную в плане. Покойника клали в катакомбе головой на Ю, на спине — следов подстилки или гроба обнаружено не было. В гробиках иногда хоронили детей при повторном захоронении в катакомбе. В некоторых случаях покойников накрывали войлочным покрывалом, на котором были нашиты золотые бляшки. Вход в катакомбу закрывался стенкой из сырцовых кирпичей или вертикально поставленными бревнами. Вышеописанные катакомбы Н. И. Веселовский относит к катакомбам первого типа (примером может являться катакомба кургана № 17 Золотого кладбища)¹. У катакомб второго типа могильная яма вырывалась несколько уже. Катакомба пробивалась довольно длинная и узкая. Весьма часто такая катакомба поворачивала на несколько градусов к северу или к югу (так называемая «подугольная» катакомба — *Е. А.*). Покойника клали головой к входу, и вход в катакомбу ничем не заставляли. Катакомб второго типа больше, чем первого. Примером катакомбы второго типа может служить катакомба кургана № 16 Золотого кладбища и кургана № 18². В катакомбах обычно находили по одному костяку. В могильной яме обнаруживались кости лошади и железные уздечки. Катакомба не засыпалась. Могильная яма засыпалась, и сверху делалась

¹ ОАК, 1901, стр. 75, рис. 154, у нас табл. 1, рис. 2.

² Там же, рис. 151, стр. 78, рис. 156, у нас табл. 1, рис. 1, 3.

курганная насыпь. Как правило, погребения были ограблены, причем, по-видимому, современниками.

Находки в курганах Золотого кладбища богаты и разнообразны¹.

При мужских костюмах обнаружены медные и железные шлемы, иногда с золотыми орнаментированными пластинками; панцири чешуйчатые из бронзы и железа и кольчатые железные (иногда костяки лежали в кольчугах); мечи короткие с кольцевым навершием, длинные мечи с грибовидным или круглым навершием и без металлического перекрестья; мечи с прямым перекрестьем и плоским навершием в виде расплюснутых волют; большие кинжалы, украшенные золотыми орнаментированными накладками; длинные массивные наконечники копий, листовидные, втульчатые, втулка длинная, воронковидная, ободок внизу отогнут под прямым углом. Встречаются черешковые трехлопастные наконечники стрел. Найдены также топоры, гвозди, скобы, ключи, ножи, лопатка, дротик. Каменные точилки, иногда в золотой оправе, куски кожи, ремешки, кабаньи клыки. Украшения и принадлежности одежды: бляшки серебряные от поясных наборов; мелкие золотые нашивные бляшки с геометрическим узором; золотые гривны с раструбом на концах; золотые браслеты — круглые проволочные и спиральные (на правой руке); пряжки золотые и серебряные с щитками-обоймами в виде лопаточки, украшенные вставками из цветных камней. Удила — кольчатые, есть с вильчатыми, С-образными, крестовидными и колесовидными псалиями. Принадлежности конской упряжи, в частности — удила и псалии, не только железные, но и с бронзовыми частями, иногда целиком бронзовые. Есть удила, украшенные золотыми ажурными накладками.

При женских костяках найдены золотые браслеты, иногда массивные, с фигурками животных на концах; серьги проволочные в виде двойного спирального кольца, иногда на кольцо надета серебряная бусина; булавки, подвески, колечки, медальоны, застежки в виде животного с откидной иглой. Много всяких амулетов, в том числе поделок из голубой египетской пасты (скараabei, львы, лягушки и проч.). Флакончики для благовоний, пиксиды из кости, морские раковины с белилами и румянами, золотые ленты, нити. Костяное пряслице. При детских кос-

¹ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области..., стр. 342—346, 352—361. Вещи из курганов Золотого кладбища находятся в Государственном Эрмитаже и в Государственном Историческом музее.

тяках находили золотые гривны, раздвижные браслеты, золотые и медные, бусы, фигурки из египетской пасты, бронзовые колокольчики (в том числе — прорезной), фибулы, игральные кости и др.

В женских и мужских захоронениях найдены бусы самой различной формы из золота, стекла, полудрагоценных камней, жемчуга, янтаря, глины. Терракотовые круглые бляшки с рельефным изображением Медузы. Фибулы — золотые, медные и железные, в том числе — Т-образные, с длинной поперечной пружиной; фибулы «с подвязанной ножкой». Бронзовые шкатулки с замками и ключами. Обломки различных предметов из дерева и рога. Медные ложки. Медные и железные треногие светильники. Бронзовые зеркала встречены в женских и детских погребениях, изредка — в мужских. Наряду с большими (диаметр до 10 сантиметров) плоскими дисковидными зеркалами без ручки появляются и сравнительно маленькие (диаметр до 5—6 сантиметров) зеркальца — подвески с боковым ушком.

Деревянные сосуды. Разнообразные металлические сосуды. Есть золотые флакончики, украшенные драгоценными камнями. Серебряные чашечки, ковшики, кубки на низкой ножке с горизонтальными ручками. Много медных сосудов. Встречены котлы без ручек. Наиболее характерны большие котлы на ножке с полукруглыми вертикальными ручками, имеющими отростки. Иногда на котлах встречается изображение тамг. Котлы на ножках обычно литые. Найдены также кованые тонкостенные котлы с округлым дном, которые подвешивались над огнем на железной цепи¹. Чашеобразные тазы, иногда вызолоченные снаружи и внутри инкрустированные серебром. Кувшины с ручкой в виде животного, ковши.

Стеклянные сосуды — обычного типа — чаши на кольцевой ножке, с двумя ручками, имеющими отростки; амфорки, чаши, кубки, слезницы. Стекло белое и цветное. Алябастровые сосудики. Привозные глиняные сосуды — амфоры, римские красные патеры из террасигилата; большие черные патеры, сосуды в виде женских головок и другие.

¹ Такие котлы найдены и в курганах более ранних, чем курганы Золотого кладбища. Так, в кургане у ст. Курджипиской (IV—III вв. до н. э.). раскопанном местными кладоискателями, обнаружен такой котел с двумя железными ушками по краям вместе с железной широкой цепью с прикрепленным к ней крючком для подвешивания. В котле сохранились остатки мумифицированного бараньего мяса. (ОАК, 1896, стр. 149; Н. В. Анфиимов. Позднесарматское погребение из Прикубанья, стр. 215.)

Интерес представляют большие сосуды на ножках, в виде стилизованных птиц и животных (барана)¹.

Керамика местного производства подобна сосудам меотсарматского типа сарматского времени из других комплексов Прикубанья². Здесь встречены кувшины с шаровидным туловом и витой ручкой, высокие кувшины с яйцевидным туловом, кружки с биконическим туловом и округлым дном, кувшины с сплюснуто-шаровидным туловом и другие. Интересно отметить, что в курганах Золотого кладбища найдены двойные сосуды, изображающие сосуд, помещенный в миску (в курганах № 18 и № 20 у ст. Тбилисской) и глиняный сосуд, помещенный в другой сосуд (курган № 46 Усть-Лабинского могильника). В могильнике есть сарматские курильницы³.

Вышеописанные подкурганые катакомбные погребения Золотого кладбища большинством исследователей считаются аланскими, точнее — раннеаланскими. Такой точки зрения, вслед за А. А. Спицыным, придерживаются Л. Г. Нечаева, Б. Н. Граков, В. Б. Виноградов, Т. М. Минаева и другие.

Некоторые исследователи полагали, что катакомбные захоронения типа погребений Золотого кладбища нужно считать вообще сарматскими (И. И. Толстов и Н. П. Кондаков, Ю. А. Кулаковский, М. И. Ростовцев)⁴.

Не будем останавливаться на точке зрения Н. И. Веселовского о римской принадлежности погребений Золотого кладбища, как не представляющей научного интереса.

¹ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области..., стр. 342—346, 352—361.

² Н. В. Анфимов. Курганы рассказывают, стр. 86.

³ К. Ф. Смирнов. Курильницы..., стр. 176.

⁴ См: К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)». М., 1954, стр. 196. Точки зрения об общесарматской принадлежности Золотого кладбища придерживалась и автор данной работы (Е. П. Алексеева. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов-черкесов. ТЧНИИ, II. Черкесск, 1954, стр. 252, примеч. 224). Дальнейшие работы в этой области К. Ф. Смирнова, Л. Г. Нечаевой, В. Б. Виноградова, а также наши раскопки в районе Учкекена и Терезе показали нам правильность мнения о том, что подкурганые катакомбы Золотого кладбища принадлежат аланам (точнее — ранним аланам). Погребения иного типа, встреченные в могильнике Золотое кладбище, могут принадлежать другим сарматам, например, сиракам, как полагает К. Ф. Смирнов. (К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр 16.)

Наконец, существует и точка зрения о том, что катакомбы Золотого кладбища и им подобные принадлежат богатым представителям местной знати, то есть возникновение катакомб объясняется не этническими, а социальными причинами. Эту точку зрения отстаивают Н. В. Анфимов и В. П. Шилов¹.

Специально на вопросе этнической принадлежности Золотого кладбища останавливается Н. В. Анфимов. В подтверждение своей точки зрения о том, что Золотое кладбище принадлежит представителям богатой сармато-меотской верхушки, но не аланам, Н. В. Анфимов приводит следующие доводы:

1. Катакомбы и подбои встречаются в грунтовых могильниках Прикубанья еще со II в. до н. э.

2. Западная и южная ориентировка есть и в грунтовых могильниках.

3. Инвентарь грунтовых могильников и погребений Золотого кладбища — одинаков. Одинаковы — сероглиняная посуда, оружие и украшения.

4. Наиболее поздние курганы Золотого кладбища датируются II в. н. э., а аланы, по мнению Н. В. Анфимова, усиливаются только в III в. н. э.²

Постараемся опровергнуть эти доводы Н. В. Анфимова по пунктам.

1. В могильнике Золотое кладбище подбоев не встречено, поэтому вопрос о них в данной связи отпадает. Что же касается появления катакомб в прикубанских грунтовых могильниках со II в. до н. э., то пока можно уверенно говорить только об одном случае — о бескурганной катакомбе II в. до н. э. у ст. Ладожской. По наличию одной-единственной катакомбы нельзя считать, что катакомбный обряд погребения был характерен для местного населения Прикубанья еще со II в. до н. э. К тому же нужно принять во внимание и отсутствие насыпи над катакомбой и форму самой катакомбы. По этим признакам Ладожскую катакомбу нельзя полностью отождествлять с подкурганными катакомбами Золотого кладбища, очень своеобразными по форме (см. выше). Наличие курганной насыпи над

¹ Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, XXVIII, 1958, стр. 67, и в других работах этого автора; В. П. Шилов. Калининский курганный могильник. МИА, 60. М., 1959, стр. 523.

² Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья..., стр. 62—71, особенно — стр. 67; его же. Земляные склены..., стр. 157; его же. Курганы рассказывают. стр. 11, 89.

погребением такого рода характерно для прикаспийских сармато-алан (см. главу III).

2. Западная и южная ориентировка, действительно, есть в грунтовых могильниках Прикубанья. Но, как мы уже говорили, ориентировка сама по себе не может служить показателем этнической принадлежности памятника.

3. Инвентарь Золотого кладбища и грунтовых могильников, действительно, особых отличий не имеет. Более того, в керамике, помимо форм, типичных и для сарматской и для меотской культуры, есть и сугубо меотские формы — в двух случаях встречены двойные сосуды, изображавшие сосуд, поставленный в миску. Это черта меотского обряда. Но по инвентарю, как мы отмечали выше, вообще трудно дифференцировать этническую принадлежность погребенных. В данном случае, скорее всего, следует усматривать элементы влияния меотской культуры на сармато-аланскую.

4. Относительно усиления алан в Предкавказье только в III в. н. э. нужно сказать, что нельзя столь категорически настаивать именно на этой дате. Столько же данных в пользу II в. А некоторые исследователи (В. Б. Виноградов, например) считают, что говорить об аланах, как о господствующем племени в крае, можно уже со второй половины I в. н. э. (после сирако-аорской войны 49 г.)¹.

Что касается датировки катакомбных погребений Золотого кладбища (не позднее II в. н. э.), то ведь нужно учитывать, что подобные же погребения известны и в других местах Северного Кавказа и датируются они не только I—II вв. н. э., но и I—III вв. и даже II—VI вв. (могильник Алхан-Кала — см. главу III).

В указанной работе «Племена Прикубанья в сарматское время» Н. В. Анфимов пишет, что проникновение на Кубань аланов-кочевников (особенно во II в. н. э.) привело к постепенному уменьшению оседлого населения и к захирению части поселений. Площадь отдельных поселений сокращалась, на месте этих поселений насыпались курганы².

Рассматривая это положение, нужно прежде всего отметить, что последующие раскопки городищ, произведенные самим Н. В. Анфимовым, вносят некоторые коррективы в тезис о захи-

¹ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 176.

² Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья..., стр. 69.

рении городищ в восточной части Прикубанья во II в. н. э. Так, например, Ладожские городища №№ 5 и 7 существовали вплоть до середины IV в. н. э. (см. главу II).

Далее в доказательство того, что площадь поселений сокращалась и на месте поселений возникали курганные могильники, Н. В. Анфимов называет несколько курганов Золотого кладбища, насыпанных, судя по отчету Н. И. Веселовского, «на пепелище» — курганы №№ 9, 13 и 21 у ст. Казанской и курган № 40 между ст. Казанской и Тбилисской¹.

В кургане № 9 Казанской, судя по отчету Н. И. Веселовского, была катакомба 1-го типа², в кургане № 13 — катакомба 2-го типа, узкая, подугольная³, в кургане № 21 гробницы не оказалось⁴. В кургане № 40 была катакомба⁵.

Таким образом, «на пепелищах» хоронили своих умерших носители катакомбного обряда погребения. Если жизнь на этих поселениях, по мнению Н. В. Анфимова, прекратилась из-за прихода кочевников-алан и оседлое население ушло отсюда, то естественно предположить, что возникшие несколько позднее на этих местах подкурганные катакомбные погребения принадлежат не тому населению, которое покинуло эти места, а тому, которое здесь поселилось, то есть аланам. Таким образом, выдвинутое выше положение Н. В. Анфимова о захирении части поселений и возникновении на месте их курганов (добавим — с катакомбами) свидетельствует не против мнения об аланской принадлежности подкурганных катакомбных погребений Золотого кладбища, а скорее — в пользу его.

Итак, ни один из доводов Н. В. Анфимова, отрицающих аланскую принадлежность подкурганных погребений Золотого кладбища, не кажется нам убедительным.

Нельзя связывать появление катакомбных захоронений с нумушественной дифференциацией — нам известны богатые подкурганные погребения первых веков н. э. с местной формой могильного сооружения, существовавшие бок о бок с подкурганными катакомбными захоронениями (Терезинский могильник).

Катакомбы Золотого кладбища, как и вообще предкавказские катакомбы сарматского времени, нельзя считать явлени-

¹ Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья..., стр. 69.

² Архив ЛОИА, ф. 1 — АК, 1901/103, л. 45.

³ Там же, л. 45 об.

⁴ Там же, л. 48 об.

⁵ Там же, л. 54 об. ОАК, 1901, стр. 83, рис. 162.

ем местным и нельзя их приписать какой-либо определенной группе местных племен Северного Кавказа (см. гл. III).

В инвентаре подкуранных катакомб Золотого кладбища и им подобных есть предметы, характерные для общесарматской культуры, например, куски мела. Но это не говорит о том, что подкуранные катакомбы можно приписать всем сарматам вообще. Выше мы отмечали, что сираки, проникавшие на Северный Кавказ еще в III в. до н. э., не хоронили своих умерших в катакомбах — формы их погребальных сооружений были иные. Иные формы погребальных сооружений были и у различных сарматских племен, входивших в состав аорской конфедерации. Короче говоря, подкуранные катакомбы Золотого кладбища и им подобные катакомбы сарматского времени Предкавказья можно связывать только с аланами.

ВЕРХНЕЕ ПРИКУБАНЬЕ (КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИЯ)

А. Бескуранные могильники

Наиболее ранние бескуранные могильники, открытые в Карачаево-Черкесии, отмечены в Хасауте (II в. до н. э. — I в. н. э.) и, очевидно, в Усть-Джегуте. Остальные могильники датируются в пределах I — IV вв. н. э.

Формы погребального сооружения довольно разнообразны: это грунтовые ямы (Родниковый), грунтовые ямы, покрытые деревом (Джамагат), грунтовые ямы, покрытые каменной плитой (Дружба, Тамгацик), грунтовые ямы, стенки которых были обставлены каменными плитами (Адиух, Узун-кол), грунтовые ямы, обложенные камнями (Хасаут), валунами (Дружба). Встречен также дольменообразный склеп (Кобу-Баши) и скальная катакомба (Новая Джегута). В Усть-Джегуте и Учкулане форму могильного сооружения установить не удалось.

Определить этническую принадлежность всех памятников Карачаево-Черкесии сарматского времени пока еще невозможно. Трудно сказать, например, кому принадлежат такие могильники, как Родниковый и Джамагатский. Может быть, они оставлены сарматами, может быть, местными племенами — меотами или предками карачаевцев¹. Но некоторые могильники все

¹ О предках карачаевцев, живших на территории Карачаево-Черкесии в древности, см.: Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963; ее же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. М., 1971, стр. 164—167.

же можно связать либо с местным, либо с сармато-аланским населением.

Местными, меотскими являются, на наш взгляд, грунтовые погребения у меотского Дружбинского городища № 2 (см. гл. II). В одной из этих могил найден сосуд, поставленный в миску. Местным, меотским является дольменообразный склеп Кобу-Баши. Подобная форма погребального сооружения — древняя погребальная форма местного населения, сармато-аланам она не свойственна. В Кобу-Башинском склепе найдена галька, а также ряд предметов, характерных именно для меотского инвентаря (например, сосуд в виде канфара).

Хасаутский могильник, где обнаружено погребение с костью, нижние конечности которого были перекрещены в голенях, очевидно, можно считать сарматским.

Могильники Адиухский, Узун-Колский и Тамгацикский принадлежат сармато-аланам, возможно, аланам, потерявшим свою погребальную форму (катакомбу) под влиянием местного погребального обряда. О сармато-аланской принадлежности этих могильников говорят такие черты, как перекрещенность голеней, положение руки на таз, деформированные черепа, толстый слой глины на дне могил. Эти могильники генетически связаны с раннесредневековыми аланскими могильниками Карачаево-Черкесии (Тамгацик, Узун-Кол, Гиляч и другие).

Наконец, скальная катакомба IV в. в Новой Джегуте принадлежит аланам. Позднее, в период раннего средневековья, скальные катакомбы будут одной из характерных погребальных форм аланского населения Карачаево-Черкесии¹.

Б. Курганы

Как мы отмечали, у Усть-Джегуты раскопан курган с катакомбой I в. н. э.

У аула Терезе раскрыты подкурганные погребения I—IV вв. н. э. Интересно отметить, что на этом могильнике курганы с катакомбами находились рядом с курганами, имевшими местную форму погребального сооружения — прямоугольные ямы, стенки которых были обложены камнем.

¹ Т. М. Минаева. К истории алан..., стр. 73—157.

В Учкеекском курганном могильнике I—II вв. обнаружены катакомбы. Устройство погребального сооружения Учкеекского могильника находит некоторые аналогии в курганах Золотого кладбища. Курганы Золотого кладбища в плане овальные, имеют вокруг насыпи ров, погребения располагались иногда на периферии кургана, дно катакомбы ниже дна могильной ямы, катакомбы часто расположены под углом к могильной яме. Все эти признаки есть и в курганах Учкеекского могильника — насыпь кургана № 3 в плане овальная, вокруг насыпей курганов № 1 и № 2 есть рвы, погребение в кургане № 2 расположено на периферии кургана, дно катакомбы ниже дна могильной ямы, в курганах № 2 и № 3 катакомбы расположены под углом к могильной яме. Таким образом, есть основания считать Учкеекские подкурганные катакомбные захоронения и катакомбные погребения Золотого кладбища памятниками одного круга.

Терезинские курганы с прямоугольными ямами принадлежат местному населению. Возможно, они оставлены древними предками карачаевцев. Усть-Джегутинский, Терезинские и Учкеекские курганы с катакомбами следует, на наш взгляд, считать аланскими памятниками.

Итак, на территории Прикубанья имеются бескурганные могильники и подкурганные погребения, в которых явственно прослеживаются черты сармато-аланского погребального обряда. Это говорит о том, что сарматы, а затем аланы проникали в Прикубанье и селились там среди местного населения.

Очевидно, происходили процессы слияния сармато-алан с местным населением — об этом свидетельствуют совместные захоронения на кладбищах (Усть-Лабинский второй могильник, Терезинский курганный могильник и другие).

**ПРИКУБАНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
МЕОТО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ.
ДРУЖБИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ № 2
КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КРАЯ**

**ПРИКУБАНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
МЕОТО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ**

Поселения меото-сарматского времени в Прикубанье в настоящее время известны в значительном числе (более 150) как на правобережье, так и в Закубанье, а также в Восточном Приазовье. В основном эти поселения были открыты и исследованы Н. В. Анфимовым, а также М. В. Покровским и В. А. Городцовым.

Назовем некоторые из этих поселений. На левобережье Кубани, от устья Урупа до хутора 1-го Кубанского — городища у сел Марьино, Коноково, Успенское, Маламино; в Закубанье — на реке Уруп — у хутора Радищева, ст. Советской, Бескорбной, Отрадной, Удобной; в бассейне реки Лабы — Владимирская на р. Куксе и другие. На территории Адыгейской автономной области — у аулов Пшекуйхабль, Вочепший, Новый Вочепший, Гатлукай, Октябрьский (б. Тахтамукаевский), Шенджий и другие. Имеются городища в низовьях Кубани и на Таманском полуострове. На правобережье Кубани городища известны у ст. Марьянской (Марьевской), Елизаветинской, Пашковской, Старо-Корсуньской, Васюринской, Воронежской, у г. Усть-Лабинска, у ст. Ладожской, Тбилисской, Казанской, г. Кропоткина (станция Кавказская), ст. Темижбекской, Прочноокопская, г. Армавира, хутора Вольного¹. В центральной части Приазов-

¹ В публикациях семидесятых годов Н. В. Анфимова имеются данные также о закубанских городищах Ассоколай, Красное, Джиджихабль и о селищах у аулов Нечерзий, Таупхабль, Несшукай, Ленинохабль. (Н. В. Анфимов. Археологические памятники нижнего течения рек Марта, Пчаса и Псекулса. Сборник материалов по археологии Адыгеи, вып. III. Майкоп, 1972, стр. 79—98.) На правобережье Кубани, в зоне Краснодарского водохранилища, исследованы Пашковские городища — четвертое, пятое и шестое. (Н. В. Анфимов. Раскопки на правобережье реки Кубани. Сб. «Археологические открытия 1972 г.» М., 1973, стр. 109—110.)

ской низменности известны городища на реке Кирпили, в районе ст. Ново-Джерелиевской и Степной, по берегам лиманов (Кирпильского, Чумяного и Ахтарского соленых озер), вплоть до побережья Азовского моря — г. Приморско-Ахтарска; в южной части Восточного Причерноморья — близ ст. Курчанской¹.

Поселения меото-сарматского времени представляли собой укрепленные городища. Укрепления — валы и рвы — стали возводиться примерно с IV в. до н. э.², причем ими защищалось не только само поселение снаружи, но и внутренняя крепость, — «цитадель» или «акрополь». Появление наружных укреплений в этот период некоторые исследователи справедливо, как нам кажется, объясняют увеличившейся опасностью набегов со стороны соседних кочевых племен, в частности — сарматов³. Внутренние же укрепления, защищающие цитадель, стали возникать по причинам социально-экономического порядка — родоплеменная знать, стремясь обезопасить свои богатства, отгораживалась не только от иноплеменников, но и от своих сородичей⁴.

Городища, как правило, располагались по высоким террасам рек, протоков и лиманов, часто на естественных отрогах и мысах⁵. Состояло городище из «центральной части» — цитадели и основного поселения. Цитадель обычно располагалась на

¹ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 25—30; М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта..., стр. 265—274; М. В. Покровский. Городища..., стр. 3—38; Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья, стр. 85—86; его же. Новые материалы..., стр. 72—85; его же. Археологические разведки по Среднему Прикубанью, стр. 45—53; его же. Могильники сарматского времени в долине р. Уруп, стр. 88—93; его же. Некоторые вопросы изучения меотской культуры (по материалам раскопок 1964—1965 гг.). Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1965 г. М., 1966. В частности, в этом сообщении говорилось о меотских городищах 5 и 7 у ст. Ладожской, на которых жизнь особенно интенсивно протекала в III — первой половине IV в. н. э., и о Кавказских городищах, жизнь на которых продолжалась до II в. н. э.

² Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, 23. М. — Л., 1951, стр. 146; его же. Из прошлого Кубани, стр. 25.

³ К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 13—14; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 166.

⁴ Такой точки зрения, например, придерживается В. П. Шилов. (В. П. Шилов. Население Прикубанья в конце VII — начале IV вв. до н. э. — по материалам городищ и грунтовых могильников. Автореферат кандидатской диссертации. ЛОИИМК АН СССР. М. — Л., 1951, стр. 7, 14.)

⁵ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 25—39.

краю террасы, на возвышенном месте; она представляла собой возвышение, в плане округлое, прямоугольное (с округлыми углами) или треугольное. От основной части городища цитадель отделялась рвом, а иногда и валом. К воротам цитадели вел въезд (земляная насыпь). Возможно, цитадель укреплялась и башнями. Площадь всего поселения, с напольной стороны, защищалась рвом и валом. Может быть, в древности на валу строились деревянные укрепления, соответственно сообщениям письменных источников (о крепости фатеев и о городе Успе)¹. Зафиксирована и более сложная планировка — при увеличении населения требовалось сооружение дополнительных укреплений. Вблизи городищ, расположенных на границе со степью, воздвигались дополнительные фортификационные сооружения — форпосты, холмообразные возвышения небольших размеров, окруженные рвом, выдвинутые перед городищем (Казанское № 4; Ладожское № 8; Роговское № 2 и другие).

Закубанские городища меньше, у них отсутствуют мощные оборонительные сооружения, культурные слои более тонкие. Есть своеобразие в планировке — так, городища Гатлукаевское № 2 и Тахтамукаевское № 2 находятся не на берегах рек. Небольшие закубанские городища более поздние. Они возникают в III—IV вв. н. э., когда на правобережных городищах жизнь прекращается. Свообразные черты имеют городища, расположенные в бассейне Лабы. Центральная часть у них или совсем отсутствует, или у нее нет четко выраженной формы. Лабинские городища не имеют сплошной территории поселения, нет у них рвов и валов. Культурный слой скапливается в виде небольших холмообразных возвышений или на вершинах более древних курганов.

Итак, оборонительные сооружения вокруг городищ меотсарматского времени были земляные и, возможно, деревянные. На городищах в низовьях Кубани — Семибратнем у Варениковской и Краснобатареином на р. Адагум, которые Н. В. Анфимов считает синдскими, а также на городище Ногай-кале у ст. Раевской на восточночерноморском побережье оборонительные

¹ Диодор Сицилийский. Библиотека. XX, 22—24 — В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1893—1900, стр. 474—476; Трацит. Анналы. XII, 15—17 — В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. II, СПб., 1906, стр. 233—239.

сооружения — стены и башни — были каменные¹. В устройстве таких оборонительных сооружений обнаруживаются черты боспорской фортификационной техники². На этих городищах найдены остатки каменных построек, тогда как на других городищах жилища (судя по находкам обожженной глиняной обмазки) были турлучные.

Наряду с крупными городищами, существовали и небольшие селища, большая часть которых, судя по материалам, относится к I—III вв. н. э.

На городищах обнаружены остатки печей, в том числе—гончарных и кузнечных (например, Пашковское № 6 и Елизаветинское городища)³, хозяйственные ямы — конусовидные и цилиндрические, уголь, зола, обугленные зерна злаков — мягкой пшеницы, ячменя, проса. Кости домашних животных — коровы, овцы, козы, лошади и других. Процент костей диких животных невелик. В приазовских городищах — значительный слой рыбных остатков (кости рыб, чешуя). Каменные жернова, зернотерки, глиняные пирамидальные рыболовные грузила, рыболовные крючки, глиняные грузики для ткацкого станка — пирамидальные или конусовидные; глиняные пряслица — конусовидные или в виде кружочков; глиняные лампы, светильники, статуэтки, игрушки (повозочки, сосудики), культовые сосуды, глиняные жертвенники двух типов в виде прямоугольных глиняных, часто орнаментированных плиток — так называемые таблетки; стоячие плитки с расширенным основанием. Куски железного шлака. Иногда попадаются металлические вещи — об-

¹ О Семибратнем городище см.: Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 49—54; его же. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА VII. М.—Л., 1941, стр. 258—267; его же. Раскопки Семибратнего городища. КСИИМК, 37, М.—Л., 1951, стр. 238—244; его же. Исследования Семибратнего городища, КСИИМК, 51. М., 1953, стр. 99—111. Краснобатарейное городище. Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 54—55; его же: Городище восточной окраины Боспорского государства (Материалы к археологической карте Краснодарского края). Историко-археологический сборник научно-исследовательского института краеведения и научной работы. М., 1948, стр. 136—145. Литературу о Раевском городище см. дальше.

² В. П. Шилов. Население Прикубанья..., стр. 6.

³ М. В. Покровский. Городища..., стр. 6, 15—16. На одном из городищ близ ст. Старокорсунской был открыт квартал гончаров II—III вв. н. э. (шесть гончарных печей). (Н. В. Анфимов. Курганы рассказывают. стр. 91.) См. также. Н. В. Анфимов. Раскопки..., стр. 109—110.

ломки железных наконечников стрел, дротиков, копий, мечей. Бронзовые наконечники стрел. Орудия труда — мотыговидные (некоторые исследователи считают их сошниками¹, топоры, пила (на Семибратнем городище). Керамика — местная¹, в основном — гончарная, сероглиняная; есть сероглиняная лепная, встречается гончарная красноглиняная. На гончарном круге изготовлялись кувшины, миски, двуручные канфары, горшки с высокой шейкой и др. Лепные сосуды — горшки, чашки на подставке, миски, корытца. С первых веков н. э. появляются сосуды с ручкой в виде стилизованного зверька. На дне сосудов иногда бывают клейма — в виде круга и др. Привозной керамики встречается мало — амфоры, краснолаковая посуда. Особенно в этом отношении среди прикубанских городищ стоит Елизаветинское городище. На нем, кроме местного материала, найдено много вещей греческого происхождения (керамика и др.), а также боспорские монеты.

На восточном побережье Черного моря, кроме Раевского городища², о котором мы упоминали выше, известны и другие поселения интересующего нас времени.

В 1965—1967 гг. Н. А. Онайко провела разведки античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика³. Были обследованы бассейны рек Дюрсо, Абрау, Озерейки, Чухабль, Суа, Мысхако, Цемеса, Ашамбы и Дооб. Здесь обнаружены поселения, располагавшиеся на возвышенных холмисто-равнин-

¹ Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 36—37.

² О Раевском городище см.: В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, II. М., 1889, стр. 87, 177, 123, 131—135; В. Д. Блаватский. Исследования Раевского городища в 1954 г. КСИИМК, 77. М., 1959, стр. 42, сл.; Н. А. Онайко. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг. КСИИМК, 77. М., 1959, стр. 51; ее же. О раскопках Раевского городища. КСИА, 103. М., 1965, стр. 125, сл.; ее же. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора. СА. 1967, № 2, стр. 155, сл.; ее же. «Варварские» подражания римским динариям из раскопок Раевского городища. КСИА, 109. М., 1967, стр. 52, сл.; Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 57.

³ Н. А. Онайко. Разведка античных памятников в Северо-Восточном Причерноморье. Сб. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 74; ее же. Раскопки поселения на Широкой балке. Сб. «Археологические открытия 1967 г.» М., 1968, стр. 82; ее же. Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика. СА, 1970, № 1, стр. 130—139.

ных террасах рек или на склонах высоких гор, несколько удаленных от рек. Основной их защитой являлись высокие горы. Поселения, очевидно, были небольших размеров и располагались довольно близко друг от друга.

На поселении, расположенном в устье реки Мысхако, на Малой Земле, были проведены раскопки. Поселение датируется рубежом и первыми тремя столетиями нашей эры. Найдены зерновые ямы, керамика, обломки стеклянных сосудов, каменные и глиняные грузила, жернова, три боспорские монеты I-II вв. н. э. Часть керамики—импортиная (краснолаковые чаши, амфоры). Много местной простой сероглиняной посуды (миски, кувшины, сосуды для питья). Миски с профилированным бортиком напоминают прикубанскую керамику. На одном из сероглиняных камфоровидных сосудов встречен сарматский тамгообразный знак с отходящими от двух его углов дугообразными линиями. В лепной керамике преобладают кухонные горшки и миски. Лепные лощеные миски частью подражают формам античных мисок с загнутыми внутрь краями, другие, с профилированным или прямым краем, переходящим под углом к тулову сосуда, имеют близкие аналогии в кухонной посуде Прикубанья. Подобны прикубанским обожженные плитки прямоугольной формы с широким основанием и сквозным отверстием посередине. Подобные стоячие плитки очень характерны для позднемеотской культуры Прикубанья. Прямоугольные жернова с линейными насечками также сходны с прикубанскими.

Исследовано поселение в Широкой балке, в 14 километрах северо-западнее Новороссийска. Дата—рубеж и первые века н. э. Здесь, кроме находок античного типа, обнаружена в сравнительно небольшом количестве лепная посуда—плоскодонные горшки грушевидной формы, округлые горшки с подковообразными налепами на тулове и небольшие горшки с плоскими горизонтальными ручками в виде выступов. Все эти сосуды имеют ближайшие аналогии в прикубанской керамике меото-сарматского времени¹.

В первые века н. э. продолжалась жизнь и на других поселениях в районе Новороссийска и Геленджика (например, в долинах рек Дюрсо, Цемеса, Ашамбы и Дооб).

¹ Говоря о прикубанских аналогиях, Н. А. Онайко имеет в виду матери-
алы, главным образом, среднего Прикубанья.

Перечисленные поселения находились в сфере влияния Боспора. На данной территории — от Сипдской гавани (Анапы) до Патуса-Баты (Новороссийска), очевидно, жили тореты и керкеты. По-видимому, они и населяли указанные поселения. Их культура имела много общего с культурой меотских племен Прикубанья, особенно на сарматском этапе их развития.

Античные города Восточного Причерноморья и принадлежавшие им сельские территории постоянно подвергались разрушениям со стороны сарматов. В позднеантичное время (III — IV вв.) жизнь на поселениях замирает в связи с нападениями готских и других племен.

В верховьях Кубани, на территории Карачаево-Черкесии, и в прилегающих к ней с запада районах в последние годы также открыты поселения меото-сарматского времени.

Поселения первых веков н. э. исследованы Н. В. Анфимовым на р. Уруп у ст. Советской, Бескорбной, Попутной, Отрадной. Поселения представляли собой укрепленные городища. Так, в ст. Советской, на левом берегу р. Уруп открыты четыре овальных в плане городища, окруженных рвом. В городищах на Урупе найдены одноручные кувшины и миски, в том числе с желобчатым бортиком, обломки горшков и небольших сосудов типа кружек и чаш, двуручные чаши, днища на кольцевой ножке, ручки от сосудов типа канфаров. Лепные горшки с высокой шейкой. Глиняные лампы. Зернотерки. Зерна обгоревшей пшеницы, кости коровы, овцы, лошади¹.

Материал Урупских городищ подобен материалу из Усть-Лабинского второго могильника и других комплексов меото-сарматского времени. По словам Н. В. Анфимова, Урупские городища, судя по вещам (своеобразные глиняные лампы, лепные горшки с высоким вертикальным венчиком), примыкают к Армавино-Ладожской группе правобережных кубанских городищ².

Находки сарматского времени имеются на Учкуланском поселении на левом берегу р. Хурзук (исследования экспедиции КЧНИИ 1958 г.). Это поселение представляет собой селище. Оно отличается от вышеназванных меотских укрепленных го-

¹ Н. В. Анфимов, Новые материалы..., стр. 72—85; его же. Памятники сарматского времени в долине р. Урупа, стр. 77.

² Н. В. Анфимов, Новые материалы..., стр. 77.

родищ, а также от Дружбинского городища № 2, о котором пойдет речь выше. Возможно, это поселение не является меотским, а принадлежит другим местным племенам, предкам карачаевцев, которые жили в этих местах. Керамика относится к трем эпохам — кобанской, сарматской и аланской. Посуда сарматского времени — гончарная, из серой и коричневой глины. По технике она отличается от кобанской керамики, найденной на этом же поселении. Но форма сосудов и орнаментация сходны с кобанскими: ручки сосудов с трапециевидной площадочкой в верхней части у венчика; ручки, украшенные продольными врезанными линиями; ручки с одним широким продольным желобком; обломки бортиков мисок. Орнамент — геометрические узоры из врезанных линий. Обломки подобных же сосудов найдены на более позднем Карт-Джуртском поселении IV—V вв.¹

В 1933—1934 гг. геологом П.Н. Шишкиным открыты поселения меото-сарматского времени, на которых обнаружена керамика, подобная дружбинской (см. ниже). Поселения эти следующие: три Псыжских поселения на левом берегу р. Кубани; поселение близ аула Алибердуковского на левом берегу Малого Зеленчука, между устьями рек Б. и М. Пачти; Белоусовское поселение на горе Белоус близ ст. Сторожевой².

Интересным памятником меото-сарматского времени Карачаево-Черкесии является Дружбинское городище № 2, к описанию которого мы и переходим.

ДРУЖБИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ № 2

Хутор Дружба находится на левом берегу р. Кубань, в 3 километрах к югу от гор. Черкесска. На южной окраине хутора, на выступах левого берега Кубани, расположены два городища: первое — северное и второе — южное. Городище № 2, на котором работала экспедиция КЧНИИ в 1968—1969 гг., в плане представляет собой трапецию, широким основанием повернутую к западу. С западной, напольной, стороны оно защищено рвом.

¹ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 10, табл. XII; ее же. Памятники..., стр. 133—134.

² П. Н. Шишкин. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, д. № 1406 (1934 г.), листы 6—17, 21, 41, 42, 45, 46.

с южной и северной — оврагами, с восточной — обрывом реки Кубани. Юго-восточная часть — цитадель — от остальной площади городища отделена рвом (табл. 4, рис. 1).

В 1934 г. Дружбинские городища и могильники были обследованы геологом П. Н. Шишкиным, который обнаружил здесь материал меото-сарматского времени¹. В 1949 г. городище было осмотрено Т. М. Минаевой, которая опубликовала план Дружбинских городищ и некоторые находки, сделанные на них (подъемный материал)². В 1956 и 1967 гг. разведки на городище проводила Е. П. Алексеева. Сбор подъемного материала проводился школьниками, членами краеведческого кружка Черкесского дворца пионеров.

О разведочных работах П. Н. Шишкина следует сказать более подробно. В 1933—1934 гг. на территории Черкесии работала геологическая экспедиция (так называемый «геопоход»). Членом этой экспедиции и являлся геолог П. Н. Шишкин. Он провел обследования на ряде поселений и могильников Черкесии. В архиве ЛОИА АН СССР сохранился рукописный отчет с рисунками о результатах археологической деятельности П. Н. Шишкина. В 1934 г. им были обследованы поселения и могильники в районе хутора Дружба. О погребениях речь шла выше, в предыдущей главе. Поселений у хутора Дружба П. Н. Шишкин выявил три — № 1 (Дружбинские городища № 1 и № 2), № 2 (у кирпичного завода) и № 3 — близ моста, соединяющего аул Псыж и город Черкесск (на северной окраине хутора Дружба). Ныне поселение № 3 совершенно разрушено. Эти поселения П. Н. Шишкин неправильно называет «селищами», не учитывая, что они имеют земляные оборонительные сооружения (рвы).

«Дружбинское селище № 3, — пишет П. Н. Шишкин, — этим именем называем мы участок земли на левом берегу Кубани близ Кубанского моста, соединяющего аул Псыж и город Сулимов (Черкесск — Е. А.). К югу от моста, метрах в 300—400 имеется небольшая балка, подходящая своей вершиной к дороге. В углу, образованном вершиной балки и дорогой, имеются несколько расплывчатых возвышений, распахиваемых ежегодно под посевы хлебов. На ближайшем к дороге нами найдены после пахо-

¹ П. Н. Шишкин. Материалы к археологической карте Черкесской автономной области. Рукопись. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, д. № 1406 (1934 г.).

² Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. ТЧНИИ, II, Черкесск, 1954, стр. 271—274.

ты обломки глиняных сосудов, разбитые кости животных и обломок пожелтевшей кремневой пластинки»¹.

На Дружбинском «селище» № 2 при выемке суглинка для выделки кирпича кирпичным заводом Черкнацпрома найдено большое количество бытовых предметов, главным образом, обломков глиняных сосудов. Здесь была обнаружена печь. «В стенке карьера, под растительным слоем, — пишет П. Н. Шишкин, — в суглинке нами было замечено темно-серое пятно и в выброшенной земле большие куски обожженной глины, имеющие вид частей грубых колец. После расчистки сохранившейся части представилась такая картина: на глубине 1,9 м горизонтальное дно, от которого отходят вверх в виде конуса стенки. Высота, на которую можно было проследить в суглинке остатки сооружения, — 1 м. Дно должно было быть круглое, и хорда, стягивающая оставшуюся часть, равна 1,7 м. На дне в беспорядке навалены куски обожженной глины, аналогичные выброшенным рабочими из разрушенной части печи, и камни. Строилась эта печь, по-видимому, следующим образом: в суглинке выкапывался конический котлован, причем более широкая часть была внизу, подле стенки вбивались колья или даже строился редкий плетень. Не довольствуясь подобным укреплением нависающих стен печей (и благодаря этому крайне непрочной), человек штукатурил поверх плетня всю внутреннюю часть глиной. Густо замешанную глину раскатывали на тонкие длинные цилиндры. Такой же цилиндр плотно прикладывался к плетню, и сторона, обращенная внутрь, несколько утолщалась, а обращенная вверх тщательно сглаживалась, сохраняя округлое сечение. На первое кольцо надевалось второе, с той разницей, что часть спустившейся вниз печи сглаживалась настолько, что внутренность печи была гладкая, как бы из одного комка глины. Следов обжига кольца не несуг, но среди них имеются обожженные из оштукатуренной глины, которые сохранились слоем до 2-3 см толщиной. Температура в ней поддерживалась высокой, о чем свидетельствуют остатки шлака и обломок глиняной трубки, которую мы считаем поддувалом. Большого на основании остатков, дошедших до нас, установить не могли»².

Дружбинское первое селище (Дружбинские городища №№ 1 и 2 — Е. А.), как отмечает П. Н. Шишкин, расположено в стен-

¹ П. Н. Шишкин. Материалы..., лл. 40—41.

² Там же, лл. 17—19.

ке обрывистого берега реки Кубани — от устья балки Мурзабековой¹ до следующей южной безымянной балки — и продолжается на некоторое расстояние севернее Мурзабековой балки. «Наибольшее количество бытовых предметов, — замечает П. Н. Шишкин, — сосредоточено к югу от Мурзабековой балки. На левом берегу, у устья балки, количество древностей значительно меньше², но зато там найдены кремневые стружки, среди которых имеются обломки ножевидных пластинок и обломки кремневого орудия подтреугольной формы, два края покрыты мелкой ретушью. На том же склоне балки, в 150 м от впадения балки в реку, обнаружено погребение с окрашенным костяком. Как кремни, так и погребение с окрашенным костяком, позволяют сделать предположение о наличии здесь, кроме селища поры железных орудий, также селища поры бронзовых орудий. Это допущение с предположением, что культура Дружбинского селища принадлежит человеку, искони жившему на территории селища, делает последнее драгоценным памятником, на котором мы можем проследить картину развития культуры с времен значительной древности. Культурный пласт достигает, как это можно наблюдать в обрыве берега, до 2—2,5 м мощности. Наиболее глубокое залегание культурных памятников связано с остатками землянок. Под дерновым слоем зачастую золистый слой, имеющий большие колебания в мощности, пропитанный обломками глиняных сосудов, разбитых костей домашних животных и т. д. Культурный слой подстилается слоем суглинка, лежащим, в свою очередь, на слое галечника, подстилаемого третичным мергелем. Селище интенсивно разрушается восточным ветром и атмосферными видами. Вся береговая полоса порезана короткими овражками... В северной части обрыва обнаружено 7 остатков могил... В южной части селища в обрыве же залегают большое количество остатков землянок»³.

Керамика, обнаруженная на этих «селищах» — серая и красная. Кроме того, найдены глиняные пряслица, рыболовные грузила, «валуны», у которых одна из сторон плоская, слегка выгнутая (каменные зернотерки), плоские песчаниковые плитки, обмазка жилищ, глиняные жаровни.

¹ Балка Мурзабекова — очевидно, балка с ручьем между Дружбинским городищем № 2 и Дружбинским городищем № 1 — см. табл.

² Очевидно, имеются в виду находки, сделанные на Дружбинском городище № 1.

³ П. Н. Шишкин. Материалы..., лл. 21—23.

Как отмечает П.Н. Шишкин, керамика с поселений подобна керамике из могильника на Дружбинском первом селище.

Экспедиция КЧНИИ, под руководством автора этой работы, в 1968—1969 гг. основные свои раскопки проводила на цитадели. Здесь у края обрыва к реке Кубани нами был заложен раскоп, условно названный «Береговым». Поверхность раскопа заросла травой. Внешних признаков и подъемного материала на поверхности раскопа не было, однако в обрыве берега в этом месте был виден весьма густо насыщенный культурный слой, поэтому именно на этом месте мы и заложили раскоп. Всего нами было вскрыто 80 квадратных метров, из них 64 — на глубину 5 метров, 16 — на глубину 4 метра. Раскопки велись до глинисто-го материка.

Стратиграфия раскопа следующая. Под слоем дерна шел слой светлого суглинка без находок — стерильный слой, толщиной 1,3 метра (слой I на чертежах). Под ним открыт слой II — темный суглинок с значительным количеством черепков и костей животных. Под этим слоем, только в квадратах 8 — 12 — плитняная вымостка, толщиной 0,15 метра (слой III). Далее, во всех квадратах находился слой IV — обмазка, булыжники, черепки, кости животных. Толщина слоя 0,24 метра. Под ним открылся слой V — булыжник, уголь, зола, черепки, кости животных. Толщина слоя — 0,16 метра. Далее следовал слой II-а — темный суглинок с очень большим количеством черепков и костей животных. Еще ниже показался слой желтой глиняной обмазки (слой VI), толщиной 0,16 метра. Ниже шел слой светлого суглинка с небольшим количеством черепков и костей животных (слой VII), толщиной 0,84 метра. Еще ниже — слой VIII, толщиной 1,16 метра — темный суглинок с небольшим количеством черепков и костей животных. В кв. 17—20 этого слоя не было.

Основным материалом, извлеченным из раскопа, были обломки глиняных сосудов, лепных, иногда гончарных; кости домашних животных — овцы, коровы, лошади; каменные орудия — зернотерки, песты, топоры и др.; каменные и глиняные пряслица; глиняные рыболовные грузила; костяные поделки, стеклянные и пастовые бусы, альчики, раковины. Некоторые вещи были недоделанными или бракованными. Попадались также обломки печины (в северо-восточном углу кв. 18) и куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев, на которые она была намазана. В слое от 1,3 до 2 метров обмазки

не было, в слое от 2 до 3 метров ее значительное количество. В слое от 3 до 4 метров обмазка есть, хотя в меньшем количестве, в слое от 4 до 5 метров ее мало.

Из других находок отметим здесь следующие. В кв. 18, в печине, на глубине 2,3 метра обнаружена глиняная крышка сосуда (табл. 14, рис. 3). В северо-западном кв. 20 на глуб. 3,4 метра — глиняная миска и глиняная крышка (табл. 14, рис. 6).

В юго-восточном углу кв. 12, на глубине 3,6 метра, найдена нижняя челюсть человеческого черепа. По-видимому, эта челюсть была из древнего погребения, которое разрушили обитатели более позднего поселения.

Что же представляет собой обследованный памятник? Очевидно, это была периферия поселения. Плитяная вымостка в кв. 9—12 на глубине 1,85—2 метров (табл. 4, рис. 2) могла быть полом помещения или мощеным двориком. Слой глиняной обмазки (IV), положенный на слой булыжника (V), по нашему мнению, представляет собой глинобитные полы на основе из булыжника. Слой VI — желтой глиняной обмазки — также полы жилых и хозяйственных построек. Постройки были турлучные — об этом свидетельствуют найденные здесь куски обгоревшей глиняной обмазки от стенок помещений. Крыши, очевидно, были соломенные. Однако в центре городища были постройки под черепичными крышами — об этом говорит найденный там обломок черепицы.

Если слой желтой глиняной обмазки — IV и VI — представляют собой полы помещений, то можно наметить три периода в жизни городища: первый, наиболее ранний (слои VII и VIII), затем средний период, наиболее интенсивный (слои II-а и VI), и поздний (слои II, III, IV, V). Точнее о датировке памятника речь будет идти ниже.

Кроме основного, Берегового раскопа, в 1968 г. нами были заложены шурфы: в средней части городища к югу от длинного здания фермы (шурф № 1) и на южном склоне городища (шурф № 2 — табл. 4, рис. 1, 3, 2). В этих шурфах материк был на глубине 2 метров от дневной поверхности. В шурфе № 1, кроме прочих находок, встречен большой глиняный сосуд пифос в обломках. В этом пифосе найдены глиняные рыболовные грузила. В шурфе № 2 обнаружена совершенно разрушенная печь, от которой сохранилось глиняное сопло. Здесь же лежала разбитая амфора.

Основным видом керамических находок являются фрагменты сероглиняных сосудов с nelloщенными или лощеными серыми поверхностями. Иногда поверхности черные, лощеные. Встречаются также сосуды из желтой, черной, коричневой и красной глины, с лощением и без лощения.

Керамика в основном лепная, хотя есть и гончарная. Так, в верхнем слое, на глубине от 1,3 до 2 метров, число обломков гончарных сосудов составляет 37,7%; ниже, в слое от 2 до 3 метров, — 16,3%; на глубине от 3 до 4 метров — 17,9% и, наконец, на глубине от 3 до 4 метров число обломков гончарных сосудов составляет 7,7%. Таким образом, наибольший процент гончарной керамики наблюдается в самом верхнем слое, от 1,3 до 2 метров (слой II на чертеже).

Наиболее часто встречающейся формой сосудов являются кувшины и горшки, а также пифосы и миски. Горшки с шаровидным и яйцевидным туловом. Есть горшки с ребристым туловом. Встречена грушевидная корчага.

Кувшины чаще всего имеют яйцевидное тулово, ручку и иногда носик. У одного из кувшинов — грушевидное тулово, напоминающее тулово корчаги (табл. 10, рис. 1).

От пифосов найдены в основном широкие венчики и верхняя часть пифоса.

Миски с обычным бортиком. Довольно часто попадались миски с профилированным бортиком.

Найдены также: кружечка, конические крышки мисок (табл. 10, рис. 5), ножка вазочки, маленькие горшочки, возможно, культовые (табл. 11, рис. 4).

Эти сосуды — местного производства. Есть также обломки импортных амфор, в основном — ручки. В шурфе № 2 найдено горлышко и цилиндрическая ножка амфоры. Амфоры — из розовой и желтой глины.

Горлышки и тулова сосудов часто орнаментированы — орнамент рельефный, наведенный лощением, геометрический из врезанных линий.

Рельефный орнамент — сосцевидные выступы, круглые в плане, реже — овалы в плане; круглые в плане ямочки (табл. 16, рис. 8); иногда наблюдается комбинация из выступов и ямочек; мелкие круглые в плане и семячковые ямочки; ногтевой орнамент встречается редко; «пуговики»; овалы вдавленные — «меотский» орнамент (табл. 16, рис. 1, 2, 4); валики прямоугольные в сечении, поперечные и продольные; валики попе-

речные, круглые в сечении; валики поперечные, треугольные в сечении; желобки поперечные и продольные; желобчато-волнистый орнамент; гребенчатый орнамент—сплошной и зональный.

Орнамент, наведенный лощением, — лощеные линии (поперечные, продольные), сетка ромбическая (табл. 14, рис. 2), прямоугольная. «Штриховой» орнамент.

Третий вид орнамента — геометрический, образованный врезанными линиями, — прямоугольная сетка, поперечные линии, углы, косые линии и семечковидные линии, комбинация из продольных, поперечных, прямых и зубчатых линий.

Бортики сосудов — без венчика и с венчиком. Без венчика — прямоугольные и круглые в сечении. Венчики в сечении круглые, овальные вертикальные, овальные горизонтальные; приплюснуто-овальные узкие; подтреугольные в сечении; в сечении трапецевидные и прямоугольные, в основном, у пифосов. Орнамент на бортиках рельефный, геометрический, реже — лощением. Рельефный «ложновитый», нескольких типов. Семечковидные вдавлины на венчике, иногда заштрихованные поперечными врезанными черточками. Прямоугольные и квадратные вдавлины на венчике. Сложные узоры из врезанных линий, перекрещивающиеся семечковидными вдавлинами. Геометрический орнамент из врезанных, косых, перекрещивающихся линий. Зигзаги, уголки, крестики. Орнамент лощением на бортиках встречается редко.

Ручки — в виде скобы, редко — кольцевые. Обычно ручки идут от шейки к тулову (табл. 13, рис. 6 и другие), от венчика к тулову; реже — ручки на тулове (табл. 14, рис. 7). Встречаются поперечные ручки. В сечении ручки плоские, прямоугольные; прямоугольные с впадиной в средней части; овальные в сечении; полукруглые в сечении; круглые в сечении. Ручки витые (табл. 13, рис. 4) и ложновитые.

Орнамент на ручках: продольный желобок, два продольных желобка; ямка, круглая в плане в верхней части ручки — встречается очень часто; ямка квадратная или ромбическая в плане; сосцевидный выступ в верхней части ручки. Встречается геометрический орнамент, образованный врезанными полосками, иногда семечковидными вдавлинами. У некоторых ручек виден стержень — круглый или овальный в сечении. Встречен выступ вместо ручки.

О зооморфных ручках следует сказать подробнее. Всего на

городище найдены восемь зооморфных ручек и обломок девятой. Первая зооморфная ручка у кувшинчика из могильника (табл. 12, рис. 1). Ручка № 2 (табл. 12, рис. 2) и № 4 (табл. 12, рис. 3) сильно стилизованы. У остальных ручек стилизация меньше. Ручка № 10 (табл. 13, рис. 5) выполнена реалистично. Ручка № 7 (табл. 13, рис. 2) в верхней части имеет изображение бараньих рогов — в виде спирали. Обломок ручки № 8 (табл. 13, рис. 3) представляет собой грубо вылепленную баранью головку. Ручки № 6 и № 9 (табл. 13, рис. 6, 4) — витые. Ручка № 2 найдена в слоях III, VII, ручки №№ 3—6 — в слоях IV, II-а, ручки №№ 7 и 8 — во II слое. Ручки №№ 9—10 — из подъемного материала. Ручка № 5 — гончарная, остальные — лепные.

Донышки плоские, обычного типа. Донышко с выступающим наружу ободком. Выгнутые вверх донышки с желобками в верхней внутренней части, с выпуклыми полосками в верхней внутренней части. Донышки с желобками и ямочками на верхней и нижней внешней части.

Встречены донышки с коническими выступами на верхней (внутренней) части (табл. 9, рис. 7). Иногда нижняя (внешняя) часть донышка орнаментирована. Так, довольно часто на донышках имеются выпуклые полосы. Реже — геометрический орнамент врезанными линиями. Дуговой орнамент проложенными желобками (табл. 9, рис. 1). В двух случаях — на донышке клеймо в виде металлического зеркала (табл. 9, рис. 2, 3).

Ножка — сплошная, биконическая, от лепной вазочки. Кольцевые ножки (табл. 9, рис. 6).

Крышки конические, с отверстием в верхней части и в других частях (табл. 14, рис. 3), с отверстием в верхней части (табл. 14, рис. 6), без отверстий (табл. 10, рис. 5). Полукруглая крышка с отверстием посередине (табл. 14, рис. 5).

Иногда в черепках высверлены круглые отверстия. Особенно часто это мы видим на профилированных бортиках мисок. Очевидно, этими мисками дорожили и сцепляли их обломки в том случае, когда миска разбивалась.

На одном из обломков ручек видны отпечатки ткани (табл. 8, рис. 3).

Вышеописанная керамика относится к меото-сарматскому времени. В центральной части городища собраны также средневековые гончарные серые черепки с врезанным линейным орнаментом — IX — XI вв.

Из других глиняных изделий следует отметить рыболов-

ные грузила и пряслица¹. Грузила пирамидальные, квадратные в сечении (табл. 15, рис. 13, 14) и овальные в сечении. Глина — желтая и розоватая. На верхушке одного из грузил выделено изображение креста (табл. 15, рис. 11). Пряслица из серой глины часто лощеные, круглые в плане, овальные в сечении (табл. 15, рис. 5), грибовидные (табл. 15, 7), биконические (табл. 15, рис. 6), кольцевидные (табл. 15, рис. 3). Найдены также бракованные пряслице с двумя отверстиями и заготовка для пряслиц. На одном из пряслиц были радиально врезанные линии (табл. 15, рис. 5). Встречена половина глиняной рогатой подставки, бусина из серовато-желтоватой глины и глиняная трубка — сопло.

Найдены изделия из кости: костяные проколки, поделка из кости в виде цыпленка, половина гребешка и незаконченная поделка из оленьего рога².

Каменные орудия труда — жернова, зернотерки, овальные в разрезе песты. Утюжок. Незаконченный молот, бруски и точила, другие каменные поделки, в частности — круглые пряслица из белого, реже — серого камня. Из них отметим бракованное, с двумя отверстиями и с косым каналом и недосверленным отверстием. Глиняные и каменные кружочки — заготовки для пряслиц. Кремешки — некоторые со следами обработки (табл. 11, рис. 24 — 28).

В Береговом раскопе найдены единичные бусы: стеклянная золоченая, рубчатая из голубой египетской пасты.

Бусы попадались и в подъемном материале: сердоликовые различной формы; пастовые — белые, серые, зеленоватые, черные, иногда с желтыми и белыми глазками.

Из подъемного материала происходят скарабен — из голубой (табл. 11, рис. 14) и из желтой (табл. 11, рис. 23) египетской пасты.

Металлические предметы (подъемный материал): обломки круглых и полукруглых в сечении, круглых и овальных бронзовых браслетов (табл. 11, рис. 3). Концы утолщенные, покрытые поперечными насечками, или расплющены в виде лопаточки. Круглопроволочное круглое бронзовое височное кольцо (табл. 11, рис. 8), бронзовое позолоченное изображение в виде

¹ Подобные же грузила и пряслица найдены на синдских городищах (Ю. С. Крушк о л. Древняя Синдика. М., 1971, стр. 144, 153).

² Поделки из оленьего рога найдены на синдских городищах (Ю. С. Крушк о л. Древняя Синдика, стр. 143, 153).

мухи, бронзовая фибула. Спинка фибулы из пластины в виде овального листа, пружина двухвитковая с дужкой наверху (табл. 11, рис. 7, 13). Обрывок железной кольчуги, размером 15×10 см; втулка железного копья (табл. 11, рис. 9, 12).

Переходим к вопросу о датировке городища. П. Н. Шишкин, первый исследовавший Дружбинские городища и могильники, относит собранный здесь материал к сарматскому времени. Так, раскопанные им погребения, по его мнению, относятся «к концу греческого влияния, примерно к концу III в. до хр. эры»¹. В другом месте П. Н. Шишкин замечает, что найденным им вещам около 2000 лет и что керамика с поселения подобна керамике из погребений (см. выше).

Т. М. Минаева вопрос о датировке Дружбинских городищ оставляет открытым, хотя отмечает, что гончарная керамика из серой глины, типа обнаруженной на Дружбинских городищах, появляется на Кубани в IV—начале III вв. до н. э.²

Приведем аналогии добытому нами материалу.

На глубине от 4 до 5 метров в Береговом раскопе найдены миски с загнутыми внутрь краями. Подобные же миски обнаружены в третьей группе погребения Усть-Лабинского второго могильника, III—I вв. до н. э.³ В этом же слое встречены поперечные ручки, сходные с ручками третьей группы погребений Усть-Лабинского второго могильника⁴. Глиняные рыболовные грузила пирамидальной формы, типа дружбинских (табл. 15, рис. 11, 15) найдены в прикубанских городищах и могильниках меото-сарматского времени⁵.

Материал Берегового раскопа, добытый в слое от 3 до 4 метров глубины, находит аналогии среди вещей третьей и четвертой групп Усть-Лабинского второго могильника. Так, грушевидные сосуды, подобные дружбинскому, происходят из третьей группы Усть-Лабинского второго могильника⁶. Кольцевые ножки найдены в третьей группе Усть-Лабинского второго могильника⁷. Миски с профилированным бортиком встречены в Усть-Лабинском втором могильнике в погребениях четвертой группы — вто-

¹ П. Н. Шишкин. Материалы..., л. 39 об.

² Т. М. Минаева. Археологические памятники..., стр. 273—274.

³ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 9, 1.

⁴ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., табл. 9, 10, 13.

⁵ М. В. Покровский. Городища..., стр. 8, рис. 5.

⁶ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 5, 8.

⁷ Там же, рис. 6—8.

рая половина I в. до н. э.— II в. н. э.¹ Подобные же миски найдены в Тахтамукаевском могильнике I—II вв. н. э.² Зооморфные ручки, типа дружинских (табл. 12, рис. 2), характерны для памятников начала нашей эры³.

Сосуды, украшенные валиком с овальными вдавлениями (табл. 16, рис. 1, 4), очень характерны для меотских поселений. Так, подобные же сосуды и фрагменты их найдены в Тахтамукаевском и Гатлукаевском городищах, в слое III—IV вв. н. э.⁴ На одном из черепков данного слоя Берегового раскопа имеется подковообразный налеп (табл. 16, рис. 5). Подобный же налеп обнаружен на фрагменте из Ново-Джерелиевского третьего меотского городища⁵.

В третьем слое Берегового раскопа (глубина от 2 до 3 метров) встречены зооморфные ручки. Ручка, представленная на нашей табл. 12, рис. 4 (3), имеет сходство с ручкой из могильника у Тбилисской, I—II вв. н. э.⁶ Гончарная ручка в виде петли с отростком и изображением морды на срезе (табл. 13, рис. 1) характерна для памятников III—IV вв. Такая ручка, например, происходит из погребения III в. н. э. у ст. Воронежской⁷.

Обломок лепной вазочки — ножка — находит примерную аналогию среди вазочек на ножках Тахтамукаевского могильника, I—II вв.⁸

Грибовидная крышка миски (табл. 14, рис. 5) сходна с крышками из Усть-Лабинского второго могильника, третьей группы⁹.

Остальные предметы — сосуды, в частности, миски с профилированными бортиками, глиняные грузила и пряслица — также характерны для городищ и могильников Прикубанья меотосарматского времени.

¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 16, 6.

² Н. В. Анфимов. Тахтамукаевский могильник, табл. 1, 5, 8.

³ М. П. Абрамова. О керамике..., рис. 2, 20, 32—34 — Дон, Прикубанье, Ставрополье.

⁴ Н. В. Анфимов. Городища Закубанья—Адыгеи. Тезисы доклада на сессии ИА и ИЭ АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1957 г. М., 1958, тезисы 11—15. Материалы, просмотренные автором данной работы, находятся в Адыгейском музее краеведения г. Майкопа.

⁵ Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, 34. М.—Л., 1950, стр. 92, рис. 26, 4-а.

⁶ М. П. Абрамова. О керамике..., рис. 2, 18.

⁷ Там же, рис. 2, 30.

⁸ Н. В. Анфимов. Тахтамукаевский могильник..., табл. 1, 10, 11.

⁹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 9, 16.

То же самое можно сказать о мисках, зооморфных ручках, витых ручках и других предметах, найденных в верхнем слое (от 1,3 до 2 метров) Берегового раскопа (табл. 13, рис. 4, 6; табл. 15, рис. 10, 12) — ср. таблицы, рисунки в указанных работах Н. В. Анфимова, М. В. Покровского, М. П. Абрамовой и др.

Много аналогий находим мы в памятниках Карачаево-Черкесии, как сарматского времени, так и более ранних. В склепе Кобу-Баши I — III вв. найдены кувшин с луковичным туловом и кольцевидной ручкой на тулове (как дружинский кувшин, табл. 14, рис. 7)¹, зооморфные ручки (как дружинская, табл. 12, рис. 2) и другие²; сосуды с сосцевидными и коническими выступами на тулове³.

Кружка из Берегового раскопа подобна кружке из Кобу-Башинского склепа⁴. Кувшин с яйцевидным туловом и витой ручкой (табл. 13, рис. 6) сходен с кувшином из Кобу-Баши⁵.

Имеются аналогии в памятниках конца IV — V вв. Карачаево-Черкесии — в поселениях Тамгацикском (Средний холм) и Картджуртском. Так, дружинские ручки с несколькими продольными желобами тождественны ручкам Тамгацикского поселения (табл. 7, рис. 11) и поселения в Картджурте. Дружинские ручки со срединным продольным желобком аналогичны картджуртским ручкам. Сосуды с овальными и круглыми в плане шишечками и сосцевидными выступами подобны таким же сосудам из Тамгацикского поселения на Среднем холме (табл. 7, рис. 10, 12).

Интересны аналогии в памятниках более ранних (скифского и кобанского времени) Карачаево-Черкесии. В Инжиччукунском могильнике кобанского времени (VIII — VII вв. до н. э.) обнаружены горшки, на плечиках которых имеются сосцевидные выступы (табл. 7, рис. 1, 2). Подобные же выступы мы имеем и на дружинских сосудах. Можно привести аналогии и в памятниках VI в. до н. э. — среди материалов Хумаринского и Уччуланского поселений. Так, ручка типа дружинской (табл. 8, рис. 1) несколько сходна с ручкой Уччуланского поселения. В том же поселении найдены ручки со срединным продольным желобком, совершенно подобные дружинским. На

¹ Е. П. Алексеева. Памятники..., рис. 7, 1.

² Там же, рис. 6, 3, 4.

³ Там же, рис. 5, 2, 4.

⁴ Там же, рис. 7, 3.

⁵ Там же, рис. 4, 2.

Хумаринском поселении обнаружены ручки с продольным желобком, сосуды с овальными в плане выступами на тулове (табл. 7, рис. 4), ручки с несколькими продольными желобками (табл. 7, рис. 3), сосуды с поперечными валиками, на которых имеются овальные вдавлины (табл. 7, рис. 6) типа дружинских. На Хумаринском поселении найдено пряслице из сероватой глины в виде двух усеченных конусов, соединенных основаниями (табл. 7, рис. 7). Такие пряслица имеются и на Дружинском городище (табл. 7, рис. 4, 6). Костяные проколки типа дружинских найдены на Хумаринском городище (табл. 7, рис. 8) и на средневековом Кызыл-Калинском городище. Употреблялись они в эпоху средневековья. На тамгацикском поселении на Южном холме (VI—V вв. до н. э.) обнаружены обломки мисок и других сосудов, подобные дружинским, среди прочего материала — кружка с витой ручкой, в верхней части которой имеется сосцевидный выступ (табл. 7, рис. 9). Витые ручки и ручки с сосцевидными выступами очень характерны для Дружинского городища.

На Дружинском втором городище обнаружен очень интересный подъемный материал — скарабей из голубой и желтой пасты (табл. 11, рис. 14, 23), которые характерны для памятников I—II вв. Прикубанья. Так, голубой скарабей найден в Усть-Лабинском втором могильнике, в четвертой группе погребений¹. Там же, в этой группе, обнаружена ручка в виде зверька (табл. 13, рис. 5)².

Витые ручки найдены в погребениях четвертой группы Усть-Лабинского второго могильника³ и в склепе Кобу-Баши⁴. Витая зооморфная ручка происходит из Усть-Лабинской⁵. Правда, дружинская зооморфная ручка очень своеобразная (табл. 13, рис. 4).

Кувшины с яйцевидным туловом (табл. 13, рис. 6) обычны для прикубанских памятников меото-сарматского времени. Подобные кувшины, например, найдены у Усть-Лабинской⁶, в балке Мокрянке на Урупе и в склепе Кобу-Баши⁷.

¹ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 17, 18.

² Там же, рис. 16, 8.

³ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 16, 4.

⁴ Е. П. Алексеева. Памятники..., рис. 4, 2.

⁵ М. П. Абрамова. О керамике..., рис. 2, 19.

⁶ К. М. Скалон. Изображения животных..., рис. 1, 2.

⁷ Н. В. Анфимов. Памятники сарматского времени..., стр. 91, рис. 28, 2.

Обнаруженная в шурфе № 2 амфора сходна с амфорой из могильника у ст. Ладожской (II в. до н. э.)¹, Пашковского третьего могильника (IV—III вв. до н. э.)² из погребений третьей группы Усть-Лабинского второго могильника³.

Фибула (табл. 11, рис. 13) подобна фибуле из четвертой группы могильника у ст. Усть-Лабинской⁴.

Из других случайных находок упомянем миску (табл. 10, рис. 4), которая, по определению Е. И. Крупнова, относится к IV в. до н. э., бронзовый псалий с шишечками на концах, в форме S, найденный на Дружбинском втором городище школьниками, подобный же псалий из седьмого Семибратнего кургана (IV в. до н. э.)⁵.

Итак, самый нижний слой, судя по аналогии с материалом третьей группы Усть-Лабинского второго могильника, датируется III—I вв. до н. э. Этот слой находится на глубине от 4 до 5 метров и почти соответствует VIII слою на нашем чертеже (табл. 5, рис. 1). Материал, найденный в слое от 3 до 4 метров (слой VII на чертеже), аналогичен материалу из погребений третьей и четвертой группы Усть-Лабинского могильника, то есть он датируется III в. до н. э.—II в. н. э. Керамика, найденная в слое от 2 до 3 метров (слои IV, II-а и VI на наших чертежах), аналогична керамике из памятников I—II и III—IV вв. н. э. То же можно сказать и о материале, обнаруженном в верхнем слое от 1,3 до 2 метров (слой II на чертежах). Таким образом, наиболее ранние находки Берегового раскопа относятся к III в. до н. э.

Но на поселении обнаружен и более ранний материал. Так, миска, найденная экспедицией КЧНИИ в 1956 г., датируется IV в. до н. э. К IV в. до н. э. относится также бронзовый в форме S псалий, найденный школьниками — кружковцами Дворца пионеров. Некоторые обломки лепных сосудов, судя по анало-

¹ Е. П. Алексеева. Памятники..., рис. 4, 2.

² Н. В. Анфимов. Земляные склепы..., стр. 155, рис. 58.

³ К. Ф. Смирнов. Меотские могильники..., стр. 280, рис. 6, 4.

⁴ Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 11, 12.

⁵ А. К. Коровина. К вопросу об изучении Семибратних курганов. СА, 1957, № 2, стр. 185, рис. 10.

гиям с материалом Тамгацикского поселения на Южном холме, могут относиться и к V в. до н. э.

Как мы уже отмечали выше, могильник Дружбинского 2-го городища, доследованный экспедицией КЧНИИ в 1969 г., относится к II — III вв.

Суммируя все сказанное о датировке памятника, следует отметить, что жизнь на Дружбинском втором городище началась в V — IV вв. до н. э., однако наиболее интенсивной она стала в сарматское время — с III в. до н. э. по IV в. н. э.

На том участке, где был заложен Береговой раскоп, жизнь началась с III в. до н. э. Наиболее глубокий слой — от 5 до 3 метров (слои VIII и VII) — датируется III в. до н. э. — началом н. э. Это наиболее ранний период жизни городища на данном участке. Затем следует слой среднего периода — от 2 до 3 метров глубины, материал которого датируется I—IV вв. н. э. Слой VI глиняной обмазки представляет собой, по нашему мнению, полы жилищ этого среднего периода, который был наиболее интенсивным в жизни городища. К нему относятся и могильник за пределами городища, у юго-западной его части. Затем на этом участке недолгое время было место, куда сносили золу, битую посуду и отбросы (слой V на чертежах). Немного позднее в этом слое были положены булыжники и на булыжниковой основе сделаны глинобитные полы жилищ (слой IV на наших чертежах). Поздний период жизни городища также датируется первыми столетиями н. э. по IV в. включительно.

Такова датировка Дружбинского городища № 2.

Как мы отмечали выше, ближайшие аналогии дружбинские находки имеют в памятниках меото-сарматского времени Среднего Прикубанья, а также — в приазовских памятниках. Еще П. Н. Шишкин отмечал поразительное сходство дружбинской керамики с керамикой, обнаруженной Б. В. Луниным на Донских селищах¹. Действительно, на Донских поселениях находят кувшины, лепные вазочки, а также рыболовные грузила и пряслица, аналогичные дружбинским². Указывая на сходство дружбинской и донской керамики, П. Н. Шишкин писал, что подобное

¹ П. Н. Шишкин. Материалы..., л. 16 об.

² См., например: А. И. Пузикова. Поселения Среднего Дона. МИА, 151. М., 1969, рис. 7, 6; 8, 12, 16; 11, 10; 13, 1; 14, 22; 15, 2, 12; 19, 4, 7, 8, 20.

сходство «дает право утверждать, что мы имеем дело с культурными памятниками народности, занимавшей громадную территорию»¹. На территории Прикубанья и Приазовья, как сказано выше, в I главе, жили меоты, а также сарматы.

Материал Дружбинского городища, также, как и могильника, является, по нашему мнению, меотским. Характер поселения — без каменных построек и каменных укреплений, с турлучными постройками и земляными укреплениями (рвами) — также говорит о том, что перед нами меотское поселение. Это поселение с земляными укреплениями и выделенной цитаделью очень сходно с меотскими поселениями Прикубанья, обследованными Н. В. Анфимовым, как по материалу, так и по характеру и планировке поселения. Особенно близко Дружбинскому второму городищу Урупское второе городище². Это последнее также имеет трапециевидную форму, укреплено рвами, и в передней его части имеется цитадель, отделенная рвом от всей остальной площади городища.

Есть ли сарматские черты в исследованных нами памятниках у хут. Дружба? На Дружбинском городище найдены зооморфные ручки — одна из них (№ 2) в слое VII (III в. до н. э. — II в. н. э.), четыре (№№ 3—6) в слоях IV, II-а и VI (I—IV вв. н. э.) и две (№№ 7, 8) в слое II (I—IV вв. н. э.). Таким образом, зооморфные ручки Дружбинского второго городища датируются рубежом и первыми четырьмя столетиями н. э. К этому времени относятся зооморфные ручки из подъемного материала.

Многие исследователи полагают, что зооморфные ручки характерны для сарматской керамики³. Если это так, то можно было бы считать, что население, жившее на Дружбинском вто-

¹ П. Н. Шишкин. Материалы..., л. 16 об.

² Н. В. Анфимов. Археологические работы Краснодарского краевого музея в 1949—1950 гг. Машинопись. Архив ИА АН СССР, Р 1, № 484, л. 11, табл. XI.

³ К. М. Скалон. Изображение животных..., стр. 173 сл.; Е. Г. Кастанаян. Художественные элементы в лепной керамике Боспора. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М. — Л., 1955, стр. 392 сл.; В. Б. Винogradov. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. Археологический сборник МГУ. М., 1961, стр. 32 сл. История этого вопроса исследована М. П. Абрамовой. (См.: М. П. Абрамова. О керамике..., стр. 61—71 и примечания на этих страницах.)

ром городище, испытывало влияние сарматской культуры, а может быть, какая-то часть сарматов проживала вместе с меотами на этом городище, тем более, что сармато-аланское катакомбное погребение было обнаружено на правом берегу Кубани, почти напротив Дружбинского городища, у г. Усть-Джегуты. Это последнее обстоятельство может свидетельствовать о проживании сармато-алан в непосредственном соседстве с Дружбинскими городищами.

Однако в последнее время М. П. Абрамова выдвинула весьма аргументированное положение о том, что на Северном Кавказе (в частности, в Прикубанье), в Поволжье и в Средней Азии керамика с зооморфными ручками возникла на местной основе¹. Действительно, прикубанские зооморфные ручки весьма своеобразны и могли появиться самостоятельно, на местной основе. Например, ручка № 7, в верхней части которой имеется спиральный завиток, изображающий бараний рог (табл. 13, рис. 2). Этот спиральный завиток (стилизованный бараний рог) выполнен в традициях орнаментики кобанской культуры. Витые двуствольные и одноствольные ручки весьма характерны для меотской керамики². Возможно, они появились под влиянием античных форм, как полагают некоторые исследователи (напр., М. Н. Артамонов). Дружбинские зооморфные ручки №№ 6 и 7 являются витыми двуствольными. Весь их облик, несомненно, местный.

Более сходной с сарматскими является ручка № 5 — в виде петли с отростком (табл. 13, 31, рис. 1)³.

Выдвигая свое положение о местном происхождении зооморфных ручек, М. П. Абрамова не отрицает факта влияния сарматов на культуру северокавказских племен⁴. Зооморфные ручки, возникшие на местной основе, могли появиться под влиянием сарматской керамики с зооморфными ручками.

Отметим еще одно, весьма важное для нас обстоятельство. Кроме аналогий среднекубанских меотских, и элементов, может быть, показывающих влияние сарматской культуры (зооморфные ручки), мы отмечали аналогии в верхнекубанских памятни-

¹ М. П. Абрамова. О керамике..., стр. 83—84.

² См., напр.: Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., рис. 16, 4; Е. П. Алексеева. Памятники..., рис. 4, 2. Ручка двуствольная.

³ Ср. поволжские: М. П. Абрамова. О керамике..., рис. 1, 12, 24—26.

⁴ М. П. Абрамова. О керамике..., стр. 84.

ках Карачаево-Черкесии — как в памятниках сарматского времени, так и в комплексах более ранних (скифского и кобанского времени). Эти последние аналогии свидетельствуют о том, что меотская культура Карачаево-Черкесии имела глубокие корни.

Таким образом, культуру дружинских памятников следует рассматривать как меотскую¹, возможно, с некоторыми элементами влияния культуры сарматской. Культура дружинских памятников представляет собой верхнекубанский вариант меотской культуры, имеющей в данном районе глубокие местные корни.

* * *

Как видно из вышеизложенного, материалы поселений (главным образом, керамика), почти не имеют сарматских элементов. В керамике мы наблюдаем местные формы, местные традиции². Чисто меотскими являются сами поселения Нижнего и Среднего Прикубанья (с земляными укреплениями, турлучными жилищами). В верховьях Кубани также известны типично меотские поселения (Дружинские городища). Некоторые поселения (например, селище Учкуланское) могли принадлежать не меотам, а другим местным племенам, предкам карачаевцев.

Чем же объяснить, что сармато-аланы, оставившие столь явный след в погребениях, не выявляются на материале поселений?

Полагаем, что объясняется это двумя причинами. Во-первых, часть сарматов, проникших в Предкавказье, некоторое время продолжала кочевать, как пишет об этом Страбон³. При кочевом образе жизни они не могли оставить сколько-нибудь значительных поселений. Во-вторых, те сарматы и ранние аланы, ко-

¹ Н. В. Анфимов не считает верхнекубанскую культуру меотской. (Н. В. Анфимов. Основные проблемы в сложении меотской культуры. Тезисы докладов и сообщений IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, стр. 71.) Материалы Дружинского городища опровергают это мнение.

² Н. В. Анфимов. Из прошлого Кубани, стр. 36—37.

³ Страбон. География. XI, V, I — В. В. Латышев. Известия..., т. 1, стр. 130.

торые переходили на оседлость, скорее всего стали сливаться с местным населением, прежде всего — с меотами, и жить вместе с меотами на меотских поселениях, так же, как они, стали хоронить своих покойников на меотских кладбищах. Может быть, подобные процессы слияния сармато-алан происходили и с другими местными племенами, предками карачаевцев.

Материальная культура местного населения была очень высокая и она, естественно, одержала верх над культурой кочевников — сарматов и ранних алан.

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА И САРМАТО-АЛАН В МЕОТО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

МЕСТНЫЕ ПЛЕМЕНА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Одним из крупнейших племенных объединений, населявших Северо-Западный Кавказ в скифское и сарматское время, были меоты. К числу меотов античные авторы причисляли синдов, дандариев, торетов, тарпетов, псессов, фатеев, досхов, овидиакинов, аспургиан и другие племена. В настоящее время общепризнано, что меоты являются автохтонным этническим образованием Северо-Западного Кавказа, генетически связанным с местным населением эпохи бронзы. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы могильников у хуторов Кубанского, Николаевского и других¹. Некоторые племенные названия меотов — синды, псессы, тореты, м.б. досхи и др. — объясняются из адыгских языков. Однако некоторые названия, как, например, дандарии и аспургиане — имеют иранскую этимологию. Это заставляет некоторых исследователей полагать, что дандарии и аспургиане являлись ираноязычными племенами, а термин «меоты» считать собирательным, признавая, однако, что основным ядром меотского союза были древнеадыгские племена².

¹ Могильники у хутора Кубанского и Николаевский относятся к VIII — первой половине VII вв. до н. э. Они являются как бы связующим мостом между культурой эпохи поздней бронзы и меотской культурой. См.: Н. В. Анфиимов. Некоторые вопросы изучения меотской культуры... Тезисы. М., 1966; его же. Протомеотский могильник с. Николаевского. ТАНИИ. Сборник материалов по археологии Адыгеи, II. Майкоп, 1961, стр. 103—126; его же. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья. МИА, 177. М., 1971, стр. 170—177.

² Л. И. Лавров. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. Сборник статей по археологии Кабарды, вып. III. Нальчик, 1954, стр. 203; Н. В. Анфиимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 204; В. Ф. Гайдукевич. Некоторые вопросы экономической истории Боспора. ВДИ, 1966, № 1, стр. 52, примечание 15; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 265.

Не отрицая возможности включения в меотскую среду ираноязычных племен — скифов и сарматов¹ — еще в скифское время, следует все же заметить, что даже самоназвание племени, а тем более название, данное ему соседними племенами, не всегда определяет этническую сущность данного племени. Так, например, название «дандарии» (означающее, по В. Ф. Миллеру и В. И. Абаеву, «державшие реку», «живущие у реки») могло быть дано этой этнической меотской группе, обитавшей в низовье Кубани, в частности — на ее правобережье, скифами и савроматами, жившими в непосредственной близости от этих мест. Вопрос о том, было ли ираноязычным племя дандариев, пока остается открытым².

Из местных немеотских племен античные авторы называют керкетов, зихов, ахеев и другие племена, населявшие восточное побережье Черного моря к северо-западу от территории нынешней Абхазии.

Согласно данным письменных источников и археологии, меотские племена населяли восточное побережье Черного моря (примерно, к северо-западу от нынешнего Новороссийска), бассейн Нижней и Средней Кубани и Восточное Приазовье (судя по расположению меотских городищ и могильников — центральную часть приазовской низменности) и территорию по нижнему течению р. Кирпили (от Ново-Джерелиевской к северо-западу по побережью Азовского моря до Приморско-Ахтарска)³.

В связи с вопросом о расселении меотов в Приазовье несколько слов следует сказать и о меотах, живших в устье Дона. К. Ф. Смирнов полагает, что меоты дельты Дона и меоты Нижнего Прикубанья и Закубанья — разные племена. Их археологические культуры различны и сложились на разных основах. Общее имя, очевидно, было дано им греками не по этнической общности, а по территориальному признаку. Какая-то часть приазовских меотов, возможно, приняла участие в сложении западно-савроматских племен. Возможно, это была оседлая часть искибатов-яксаматов античных авторов⁴.

И. С. Каменецкий придерживается другой точки зрения.

¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 263.

² Там же, стр. 265.

³ Н. В. Анфимов. Меотские поселения Восточного Приазовья. стр. 85—96; его же. Глава I в «Очерках истории Адыгеи», т. I. Майкоп. 1957, стр. 35.

На основании анализа сероглиняной керамики и другого вещевого материала из нижнедонских поселений и погребений, а также анализа погребального обряда нижнедонских могильников, он считает, что на Нижнем Дону обитало меотское население, родственное кубанским меотам. Меоты переселились на Нижний Дон с Кубани двумя волнами: первая волна — конец VI или начало V вв. до н. э. — образовала население Танаиса — Елизаветинского городища; вторая волна — около рубежа н. э. или конца I в. до н. э.¹

Судя по известным нам археологическим материалам, было бы правильным считать, что местное население Нижнего Дона было близкородственным прикубанским и приазовским меотам.

Вопрос о локализации меотских и немеотских племен, населявших Северо-Западный Кавказ в древности, до сих пор является спорным. Сведения, сохранившиеся у античных авторов (у Гекатея Милетского, Гелланика Митиленского, псевдо-Скилака, псевдо-Скимна, Дионисия, Диодора, Полиена и других, более подробные у Страбона), и названия меотских племен, имеющиеся в боспорских надписях на каменных плитах, не дают нам возможности точно представить, где находилось каждое из упомянутых племен. Археологические материалы тоже не могут нам помочь в решении этого вопроса — эти материалы еще недостаточно дифференцированы, локальные варианты меотской культуры — в широком понимании этого термина — пока еще только намечаются².

¹ И. С. Каменецкий. Население..., стр. 3, 9, 12, 13, 15, 17, 18. См. также: И. С. Каменецкий. О язаматах. МИА, 177. М., 1971, стр. 165—169; его же. Работы на Подазовском городище. Сб. «Археологические открытия 1970 г.» М., 1971, стр. 124—125; его же. Итоги исследования Подазовского городища. СА, 1974, № 4, стр. 212—221.

² Н. В. А н и ф и м о в. Меотские поселения Восточного Приазовья, стр. 85; его же. Некоторые вопросы изучения меотской культуры. Тезисы. М., 1966. Локальные варианты в Прикубанье выделяет И. С. Каменецкий. Он пишет следующее: «В Прикубанье в III—II вв. до н. э. повсеместно преобладает восточная и смежные с ней ориентировки. В I в. до н. э. — I в. н. э. выделяются два локальных варианта: западный и восточный. В первом преобладают западные ориентировки, во втором — восточные. Граница проходит в районе ст. Усть-Лабинской. При этом могильники этого района дают обе группы ориентировок, но с преобладанием западных. Во II—III вв. н. э. эти локальные варианты продолжают существовать, но граница между ними, насколько можно судить, теперь проходит западнее, где-то между ст. Воронежской

Попытка определения местонахождения отдельных меотских племен была сделана В. П. Шиловым. По предложенной В. П. Шиловым схеме, тореты-керкеты владели побережьем Черного моря от г. Анапы до Новороссийска; псессы располагались на левом берегу низовий Кубани; на западе они граничили с синдами; на юге пределы их распространения, по-видимому, достигали Кавказского хребта, а на востоке, вероятно,— реки Афипса; на севере псессы граничили с фатейми. Дандарии населяли северную часть Таманского полуострова и распространялись далее по побережью Азовского моря, примерно до реки Протоки; на востоке их соседями были фатеи. Фатеи обитали по правому берегу р. Кубани (от области дандариев — на восток, примерно до ст. Усть-Лабинской, возможно, их владения простирались и на левый берег Кубани); на западе они граничили с синдами, на юге их владения ограничивались территорией дандариев. Район их обитания находился между дельтами рек Протоки и Кирпили¹.

Более определенно можно сказать о местоположении синдов, хотя этот вопрос тоже спорен и не решен окончательно. По В. П. Шилову, синды занимали побережье Черного моря и Керченского пролива от г. Анапы до ст. Сенной. На восток территория синдов простиралась до хутора Батарейного (Варениковский район)². Локализация синдов в районе Таманского по-

и ст. Пашковской. При этом, если судить по могильнику «Ясеновая поляна», течение Лабы по-прежнему остается в границах западного варианта. (И. С. Каменецкий. Население..., стр. 11—12.)

¹ В. П. Шилов. Население Прикубанья..., стр. 11; его же. О расселении меотских племен. СА, XIV. М.—Л., 1950, стр. 102—103. Схема расселения меотских племен, предложенная В. П. Шиловым, принимается не всеми исследователями, да и сам В. П. Шилов в настоящее время полностью ее не придерживается. И. Б. Брашинский полагает, что керкеты и тореты, жившие в 150 км, расселялись от Новороссийска до Джубги и Ново-Михайловского. Северный предел керкетов — Патус-Бата — Новороссийск или Кабардинка. Торик, находившийся в земле торетов — это Пагра (Геленджик). На берегу Геленджикской бухты в 1965 г. И. Б. Брашинским открыто поселение, которое он предположительно отождествляет с Ториком. (И. Б. Брашинский. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 64—65, 70.)

² В. П. Шилов. Население Прикубанья..., стр. 11; его же. О расселении, стр. 112—116.

луострова и нынешнего Анапского района, в общем, исследователями принимается. Расхождения имеются в вопросе о границах Синдики в пределах Таманского полуострова. Нет также единства в определении восточной границы Синдики. Так, например, высказываются сомнения в принадлежности к Синдике Краснобатареиного и даже Семибратнего городища. Н. В. Анфимов, специально занимавшийся вопросом о Синдике и ее границах, считает, что синды населяли весь Таманский полуостров. К востоку, согласно Н. В. Анфимову, территория Синдики простиралась по левобережью Кубани, являвшейся северной границей Синдики. Городище у хутора Краснобатареиного было форпостом Синдики, находившимся на ее восточной окраине. Отсюда граница Синдики шла по предгорьям к юго-востоку и выходила к Анапской долине. Здесь, в юго-восточном ее конце, городище у ст. Раевской прикрывало выход из долины. На юго-востоке территория Синдики доходила до начала главного Кавказского хребта, а с юга ограничивалась Черным морем¹.

Несколько слов о расселении ахеев, зихов и генихов. Сведения античных авторов о местонахождении этих племен путанны и противоречивы. Это объясняется не только недостаточной осведомленностью древних авторов, но и непрочностью этнических образований, существовавших на восточночерноморском побережье в античное время. Происходили перегруппировки племен, одни группы племен поглощались другими, возникавшие на базе старых племенных образований новые племенные союзы носили уже новое название. Иногда за ними сохранялось одно из ранее существовавших этнических наименований, но содержание этого наименования было несколько иное, чем в более ранний период.

Г. А. Меликишвили следующим образом локализует племена Восточного Причерноморья во второй половине I тыс. до н. э.² Керкеты, по его мнению, жили не до Новороссийска, как полагает В. П. Шилов, а до Туапсе. От Туапсе до Сочи обитали ахеи. Такой локализации ахеев придерживаются также Л. И. Лав-

¹ Н. В. Анфимов. Синдика в VI—IV вв. до н. э. Труды Краснодарского гос. педагогического института, вып. 33. Краснодар, 1963, стр. 132—134; его же. Глава I в I томе «Очерков истории Адыгеи». Майкоп, 1957, стр. 35—36; его же. Из прошлого Кубани, стр. 49—56.

² Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 87—93. Вторая карта в конце книги.

ров и Ш. Д. Инал-Ипа¹. От Сочи до Кодора проживали гениохи. За Главным Кавказским хребтом в Закубанье, на карте Г. А. Меликишвили, располагались джики (зихи)².

На рубеже нашей эры положение изменилось. Среди восточнопричерноморских племен стали упоминаться зихи (впервые зихов называет Страбон). На карте Г. А. Меликишвили, относящейся к первым векам н. э., джики-зихи занимают восточное побережье Черного моря. Северный предел их расселения находился севернее Туапсе, южный — южнее Сочи, около Гагр³.

Исчезновение керкетов и появление джиков представляется Г. А. Меликишвили следствием натиска горских племен на рубеже н. э. Джиков Г. А. Меликишвили считает адыгейскими (то есть адыгскими — Е. А.) племенами.

Откуда могли проникнуть джики на территорию Восточного Причерноморья?

Г. А. Меликишвили приводит гипотезу Кисслинга, согласно которой в 100—75 гг. до н. э. произошло вторжение джиков с верховьев Кубани в область керкетов, что привело к движению последних. В прямую связь с этим ставится появление керкетских и гениохских племен в Северной и Южной Колхиде. Как отмечает Г. А. Меликишвили, предположения Кисслинга лишены должной убедительности. Однако Г. А. Меликишвили не отрицает возможности проникновения в Восточное Причерноморье некоторых адыгских племен, в том числе джиков, из Закубанья⁴.

До более детального изучения письменных, а главное — археологических источников, пока трудно сказать что-либо определенное о возможности вторжения джихов-зихов с верховьев Кубани на территорию керкетов и вообще на восточночерноморское побережье. В верховьях Кубани на рубеже н. э., судя по таким памятникам, как Дружбинское городище № 2 и склеп Кобу-Баши, существовала меотская, древнеадыгская, культура. Но культура рубежа и первых веков н. э., существовавшая в области расселения керкетов (например, поселение на Малой Земле, см. гл. II), гораздо более тесно связана с среднекубан-

¹ Л. И. Лавров. О происхождении..., стр. 203; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965, стр. 88, 351.

² Г. А. Меликишвили. К истории..., указанная вторая карта.

³ Там же, третья карта.

⁴ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, стр. 88—90.

ской меотской культурой, нежели с верхнекубанской. Таким образом, переход какой-то группы адыгского населения на рубеже н. э. в область керкетов с Верхней Кубани пока на археологических памятниках не прослеживается.

Исследований, в которых определенные группы археологических памятников Северо-Западного Кавказа были бы связаны с определенными местными племенами, до сих пор не имеется. Такие попытки были сделаны лишь в отношении синдов¹.

Однако ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что археологические памятники (могильники) заведомо местного типа различаются по своему облику.

На восточночерноморском побережье и на Тамани встречались бескурганные грунтовые погребения, иногда перекрытые деревом. Для восточного побережья Черного моря характерны также подкурганные захоронения в плитовых гробницах. Бескурганные и подкурганные захоронения в плитовых гробницах встречены и на Тамани, для которой весьма обычны погребения в сырцовых гробницах — под курганами и без курганов.

Для Восточного Приазовья характерны захоронения в грунтовых могилах (без курганных насыпей, иногда — под курганами).

Бескурганные погребения в грунтовых могилах обычны для местных захоронений Закубанья. Пашковский, Елизаветинский и Зеленский могильники составляют одну группу. Для этой группы могильников характерен обычай ставить миску под голову или накрывать ею лицо покойника (в IV—I вв. до н. э., особенно — в III—II вв. до н. э.). С рубежа н. э., особенно во II—III вв., этот обычай заменяется обычаем ставить сосуд в миску. Названные выше могильники связываются с западной группой меотов.

Древнее население района Усть-Лабинской, вероятно, входило в другую группу, родственную Елизаветинско-Пашковской².

¹ А. Лаппо-Данилевский. Древности кургана Карагодеуаш как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до н. э. Материалы по археологии России, вып. 13. СПб, 1894, стр. 107, 108, 111. См. также указанные работы о Синдике Н. В. Анфимова, Ю. С. Крушкоч, Н. П. Сорокиной и др.

² К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у ст. Пашковской, стр. 310; И. С. Каменецкий. Население..., стр. 16—17.

Для предгорных районов Закубанья характерны подкурган-ные погребения в могилах, стенки которых обложены каменными плитами—типа курганов у Бесленевской. Встречались подкурганные захоронения в грунтовых ямах (Габукойский курган у ст. Рязанской).

Если ранее считалось, что границей распространения памятников меотской культуры является Лаба, то теперь эта граница отодвигается значительно далее к востоку. На правобережье Кубани, восточнее Лабы, Н. В. Анфимовым зафиксированы городища, расположенные восточнее устья Лабы,— Ладжские № 5 и № 7, существовавшие до середины IV в. н. э., и Кавказские городища, жизнь на которых продолжалась до II в. н. э. (см. главу II).

Между Лабой и Урупом открыты грунтовые могильники меотского типа. На Урупе также открыты грунтовые могильники, но, как считает Н. В. Анфимов, возможно, часть их принадлежит не к меотской, а к другой, синхронной меотской, культуре¹. Мы полагаем, что памятники Урупа меото-сарматского времени (грунтовые могильники, поселения) относятся к меотской культуре, однако, как и другие памятники верховьев Кубани, представляют собой локальный вариант меотской культуры. В верховьях Кубани, кроме грунтовых могильников, встречены захоронения в каменной гробнице (Кургаковская), в дольменообразном склепе (Кобу-Баши), в ямах, обложенных камнем под курганами (Терезе) и другие.

Такое разнообразие типов погребальных сооружений говорит о том, что перечисленные выше памятники принадлежат различным группам местных племен.

Памятники Тамани и района Анапы принадлежат синдам².

Особую группу составляют подкурганные погребения в каменных гробницах (у Анапы, Сенной, Зеленской, Северной, Бесленевской и др.). Как отмечалось, эта группа погребений ге-

¹ Н. В. Анфимов. Некоторые вопросы изучения меотской культуры. (Тезисы.) М., 1966.

² Так, синдскими считает погребения у хутора Рассвет (у Анапы) Ю. С. Крушк. (Ю. С. Крушк. К вопросу об этногенезе синдов. Сб. «Античное общество». М., 1967, стр. 156—161.) С синдами связываются Тузлинский некрополь и могильник у хутора Кротенко. (Н. П. Сорокин. Тузлинский некрополь, стр. 12—14; 26—29; 43—44.) Синдскими считаются и другие памятники. (Н. В. Анфимов. Синдика, стр. 185—186.)

нетически связана с более древними местными захоронениями. Это позволило К.Ф. Смирнову сделать вывод, что гробница Северского кургана принадлежала представителю знати, вероятно, вождю какого-то меотского племени, жившего по соседству с Синдикой¹. В другой работе К. Ф. Смирнов отмечает, что группа племен, оставившая памятники типа северского погребения, бесленеевских курганов и других, им подобных, возможно, «по своему происхождению ближе стояла к зихам, керкетам, торетам и отчасти — синдам»².

Н.П. Сорокина, так же, как и К.Ф. Смирнов, сближает курганы Бесленеевской группы с подкурганскими захоронениями в плитовых могилах, открытых около Анапы, Сенной, горы Зеленой и с некоторыми бескурганскими плитовыми могилами Гастагаевской и Тузлинского некрополя. По ее мнению, эта форма погребального сооружения и обряд могли быть привнесены на территорию Синдики другими племенами меотов, обитавших в верхнем течении Кубани и по ее притокам, в частности, по Лабее³.

Из вышеизложенного видно, что местное, древнеадыгское население делилось на ряд племен. Некоторые из них названы древними авторами. Археологические памятники говорят о том, что существовали локальные варианты древнеадыгской, меотской культуры. Правда, выделение этих локальных вариантов еще только намечается, и полная характеристика каждого из них пока в археологической литературе отсутствует. Трудно пока что-либо сказать о связях отдельных племен с определенными группами археологических памятников. Более или менее обоснованные точки зрения по этому вопросу высказываются только в отношении синдов.

Любопытно, что некоторыми авторами (Г. А. Мелнкишвили, Н. П. Сорокина) высказаны предположения в отношении переселения отдельных древнеадыгских групп с Верхней Кубани на побережье Черного моря и на Тамань. Эти предположения допустимы, но археологическим материалом они пока не подтверждаются.

Таким образом, вопросы о расселении древнеадыгских племен, о локальных вариантах древнеадыгской, меотской культуры, о связях этих вариантов с определенными древнеадыг-

¹ К. Ф. Смирнов. Северский курган, стр. 7, 9, 40—42.

² К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 12.

³ Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь, стр. 27—28.

скими племенами, а также о миграциях этих племен пока еще не изучены и ждут своих исследователей.

В верховьях Кубани, на территории Карачаево-Черкесии, кроме меотов, жили и другие местные племена, предки карачаевцев. В более ранних наших работах¹ мы пытались обосновать положение о том, что древнейшими предками карачаевцев являются потомки племен, носителей кобанской культуры. Этим поздним «кобанцам» принадлежали, очевидно, такие памятники, как Учкуланское селище, где в сарматский период явственно прослеживаются традиции кобанской культуры. Возможно, предкам карачаевцев принадлежали также такие могильники, как Терезинский (подкурганные погребения в прямоугольных ямах, обложенных камнями).

САРМАТЫ — СИРАКИ И АОРСЫ. ИХ ПРОНИКНОВЕНИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

Как известно, родиной сарматских племен являются поволжско-приуральские степи. Сарматские племенные союзы сформировались на основе племенных объединений — савроматов. Савроматы были близкородственны скифам и также, как и эти последние, принадлежали к числу ираноязычных племен. К. Ф. Смирнов следующим образом намечает границы расселения савроматов в VII—IV вв. до н. э. На юго-западе территория, занятая савроматами, ограничивалась бассейном р. Маныч, калмыцкими степями и междуречьем Кумы и Терека; на западе — побережьем Нижнего Дона. Вверх по Дону савроматы могли доходить, очевидно, до нижнего течения р. Битюг, левого притока Дона, до районов, расположенных южнее Воронежа. На правобережье Волги савроматские погребения прослежены сплошной полосой до Саратова. За Волгой северная граница савроматов очень условно намечается по реке Кинель, к верховьям реки Дема. Далее, захватывая южные районы Башкирии, граница идет на Магнитогорск и Троицк, южнее Челябинска. Вопрос о восточной и юго-восточной границе савроматов, где они соприкасались с родственными дахо-массагетскими племенами, остается открытым. Пока наиболее восточные погребения савроматского типа известны восточнее Орска, по реке Урал

¹ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы...; ее же. Памятники...; ее же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, стр. 164—167.

(Ново-Кумакский могильник) и по бассейнам рек Илек и Ору¹. Как полагает К. Ф. Смирнов, не исключена возможность, что савроматские погребения приуральского типа будут обнаружены по р. Эмба и в степях Северного Приуралья. Косвенным подтверждением этого предположения являются открытые Хорезмской экспедицией памятники саков Сыр-Дарьи (Уйгарак и Тагискен), близкие по некоторым деталям обряда и инвентаря савроматским погребениям Южного Приуралья².

Савроматы разделялись на ряд племен разного происхождения, с различными особенностями в материальной культуре, и, вероятно, со своими племенными диалектами³. Так, выше приводилось мнение К. Ф. Смирнова о том, что в сложении западно-савроматской группы племен могла принять участие какая-то группа приазовских меотов.

Восточные савроматы объединяются К. Ф. Смирновым в самаро-уральскую, или южноуральскую группу. Эта группа савроматов и по материальной культуре, и по некоторым особенностям погребального обряда связана с Зауральем, Казахстаном и Приаральем (особенно с дельтой Сыр-Дарьи). К. Ф. Смирнов считает возможным допустить, что часть сако-массагетских племен могла принять участие в этногенезе южноуральской савроматской группы⁴.

Именно в среде восточных, южноуральских савроматов, по мнению К. Ф. Смирнова, в числе других племен «вызрели» аорсы. К некоторым родам южноуральских савроматов в VI—IV вв. до н. э. он считает возможным применить термин «протоаорсы»⁵. Если связывать диагональные погребения с роксоланами, то истоки этого племени надо искать где-то на Урале и даже восточнее, так как наиболее ранние диагональные погребения известны в настоящее время в бассейнах рек Урал и Илек и в низовьях реки Сыр-Дарьи⁶.

¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 191—192. Погребения савроматов и сарматов — подкурганные. В дальнейшем это оговариваться не будет.

² К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 192.

³ Там же.

⁴ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 197.

⁵ Там же, стр. 374; рис. 84 — карта.

⁶ Там же, стр. 197. Выше мы отмечали, что К. Ф. Смирнов пересмотрел свою точку зрения о роксоланской принадлежности диагональных погребений. Родиной роксоланов К. Ф. Смирнов считает Саратовское Заволжье. (К. Ф. Смирнов. Сарматы Нижнего Поволжья..., стр. 43.)

В IV в. до н. э. начинается новый этап в истории сарматских племен. Происходят перегруппировки поволжских и приуральских племенных союзов, и в эти союзы, очевидно, вливаются племена, пришедшие с востока.

В начале IV в. до н. э. в Южном Приуралье сложилась прохоровская культура. В IV же веке носители этой культуры проникли в Поволжье.

По мнению К. Ф. Смирнова, в формировании прохоровской культуры приняли участие элементы, развившиеся в недрах старой сармато-уральской группы савроматов, и элементы, привнесенные пришельцами с востока — из Зауралья, Казахстана и, вероятно, степных районов Приаралья¹.

Одной из наиболее существенных черт прохоровской культуры являются, по определению К. Ф. Смирнова, подбойно-катакомбные могилы и могилы с заплечиками. В наиболее ранних погребениях Оренбуржья наблюдается сочетание элементов савроматской и прохоровской культуры. Это дало возможность К. Ф. Смирнову сделать заключение, что старые родоплеменные группы в IV в. до н. э. послужили основой новых племенных объединений. Ведущую роль сыграли наиболее богатые и могущественные роды бассейна реки Илек, особенно те, которые уже в V в. до н. э. хоронили своих умерших в подбойно-катакомбных могилах, головой на юг. Эти роды савроматского времени К. Ф. Смирнов называет протоаорскими, а прохоровского времени — верхними аорсами. Но верхние аорсы не были единственными создателями и носителями прохоровской культуры, а составляли лишь ее цементирующее ядро. В IV в. до н. э. прохоровская культура стала уже общесарматской². Существовала она по II в. до н. э.

Южноуральские сарматы разделялись на ряд племен. Руководящую роль среди них, по мнению К. Ф. Смирнова, уже с IV в. до н. э. играли, очевидно, аорсы. С аорсами связываются могильники Мечет-Сайский и, возможно, Ново-Кумакский, близ Орска³. В конце I тыс. до н. э. аорсы жили и западнее Южного Приуралья, занимая степные районы Южного Поволжья. Центр аорсов во II в. до н. э. находился в Северном Прикаспии. Это и были, по мнению К. Ф. Смирнова, верхние аор-

¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 286.

² Там же, стр. 286—287.

³ Там же, стр. 288.

сы Страбона, часть которых занимала и предкавказские равнины¹.

Несколько слов о подбойно-катакомбном типе могил, характерных для прохоровской культуры. Прежде всего, позволим себе высказать мнение, что правильнее было бы различать эти два вида погребений — подбой и катакомбы, а не объединять их в одну группу.

Далее, как отмечает М. Г. Мошкова, подбойные погребения составляют примерно четверть всех известных погребений прохоровской культуры. Не будем здесь касаться вопроса, где искать «родину» подбоев — в Южном Приуралье или восточнее, в Казахстане. Во всяком случае, подбойные могилы можно считать характерными для прохоровской культуры (особенно, для III—II вв. н. э.), конечно, наряду с другими формами погребальных сооружений².

Что касается катакомб, то, по материалам М. Г. Мошковой, из 500 погребений прохоровской культуры известны только 15 катакомбных могил, причем одна—IV в. до н. э., две—IV—III вв. до н. э., остальные — III—II вв. до н. э.³ На Илеке известны катакомбы рубежа VI—V вв. до н. э., как отмечалось выше. Катакомба V в. до н. э. есть в одном из курганов Ново-Кумакского могильника⁴.

Такой небольшой процент катакомбных захоронений в Южном Приуралье и Поволжье в период существования прохоровской культуры говорит о том, что катакомбные захоронения

¹ К. Ф. Смирнов, Савроматы, стр. 197; в другой работе К. Ф. Смирнов пишет следующее: «Сарматские погребения прохоровской и суловской культур между Нижним Доном, Каспийским морем и дельтой Волги определенно принадлежали различным племенам аорского союза... В приуральских степях жили, вероятно, верхние аорсы, с которыми я связываю, прежде всего, сарматские курганы по Илеку». (К. Ф. Смирнов, Сарматы Нижнего Поволжья..., стр. 39.)

² М. Г. Мошкова, Памятники прохоровской культуры. М., 1963. (Свод археологических источников, Д 1—10, стр. 20.)

³ Там же, стр. 21. Как любезно сообщил мне К. Ф. Смирнов, в настоящее время известны еще 18 катакомб III—II вв. до н. э. Таким образом, для прохоровского этапа мы знаем 33 катакомбы. (См. также: К. Ф. Смирнов, Сарматские катакомбные погребения..., стр. 73.)

⁴ К. Ф. Смирнов, С. А. Попов, Работы Оренбургской экспедиции. Сб. «Археологические открытия 1973 года». М., 1974, стр. 174—175.

нельзя считать характерными для этой культуры. В таком случае встает вопрос: где искать место возникновения этих катакомб — в Южном ли Приуралье, а может быть, несколько восточнее? К сожалению, этот вопрос пока остается открытым. Заметим здесь кстати, что кроме илекских катакомб рубежа VI—V вв. до н. э. и ново-кумакских V в. до н. э., известен курган с катакомбами этого же времени в Южном Прибалхашье, на среднем течении реки Или, в группе Бешшатырских курганов¹.

На среднесарматском этапе (I в. до н. э.—II в. н. э.) в поволжско-уральских степях продолжают существовать в основном те же виды погребений, которые появились на предшествующем этапе. Среди других типов погребальных сооружений чрезвычайно широко были распространены подбойные могилы, а также диагональные погребения². Катакомбных погребений для среднесарматского периода известны только три — из Калмыкова (Западный Казахстан)³. В погребениях, особенно в узких грунтовых ямах с заплечиками, часто присутствует меловая посыпка и куски мела⁴.

Руководящей группой сарматских племен на этом этапе, по мнению К. Ф. Смирнова, были, очевидно, носители диагонального обряда погребения. Предположительно эту группу можно считать роксолано-аланской. Территория расселения этой группы племен, судя по распространению диагональных погребений, простиралась от Магнитогорска — на востоке до левого берега Днепра — на западе и Элисты — на юге. Именно в этих пределах кочевали в то время аланы и роксоланы, судя по свидетельству письменных источников⁵.

¹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 61, 120.

² К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен..., стр. 203; М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э., стр. 54—55.

³ М. П. Абрамова. Культура сарматских племен поволжско-днепровских степей (II в. до н. э.—I в. н. э.). Автореферат кандидатской диссертации. МГУ, М., 1962, стр. 4; МИА, 60, стр. 149, рис. 50. Упомянутая в автореферате катакомба Краснополя, по мнению самого автора — М. П. Абрамовой, скорее всего, относится к концу прохоровского — началу сусловского этапа, к II в. до н. э.

⁴ М. П. Абрамова. Сарматская культура..., стр. 55.

⁵ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения..., стр. 203.

На позднесарматском этапе (II—IV вв.) сарматские погребения Северного Прикаспия приобретают некоторые черты, отличающие их от более ранних захоронений, в частности, широкое распространение искусственной деформации черепа. 83% всех позднесарматских погребений содержали деформированные черепа.

Обычай деформации черепа появляется в Поволжье, еще на среднесарматской стадии, не позднее I в. н. э., но особенно массовым становится он во II—IV вв. н. э.

Этот обычай существовал еще в эпоху бронзы — в Нижнем Поволжье и в долине Маныча.

В одной из своих ранних работ К. Ф. Смирнов высказал предположение, что возобновление обычая деформации головы в первые века н. э. в Северном Прикаспии было результатом среднеазиатских связей.

Он приводит сведения об исследованиях в Таласской долине и в Хорезме, дающие основания говорить о массовом распространении обычая искусственной деформации головы накануне н. э. у среднеазиатских гуннов и среди массагетских племен, в частности — у кушанов. Распространение этого обычая в Северном Прикаспии со II в. н. э. К. Ф. Смирнов связывает с движением гуннов, хотя замечает, что известные сарматские деформированные черепа европеидны¹.

В. П. Шилов обычай деформации черепа гуннским не считает. Он отмечает, что в гуннских могильниках Ноин-Ула, Ильмовая падь, Дерестуйском, Кутлуке и др. не обнаружено ни одного деформированного черепа. Китайские хроники также ничего не сообщают об этом обычае².

Сведения о причерноморских макрокефалах мы находим в античной литературе. Псевдо-Гиппократ, например, говорит об искусственной деформации головы у народов, живущих направо от летнего восхода солнца до озера «Меотиды», которые «считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы»³.

В. П. Шилов и Ю. С. Гаглоев полагают, что обычай деформации черепа бытовал у сираков. В доказательство приводится сообщение автора II в. Зенобия о том, что сираки давали цар-

¹ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, 34. М., 1950, стр. 112—113.

² В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 492.

³ В. В. Латышев. Известия..., т. I, стр. 58.

ский венец самому рослому или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову¹.

Из приведенного материала, как нам кажется, можно сделать вывод, что обычай искусственной деформации головы мог быть привнесен из Средней Азии, хотя вряд ли его можно считать гуннским, поскольку в коренных гуннских землях, в Прибайкалье и Монголии, он не зафиксирован. Что касается его распространения именно у сираков, то здесь можно возразить, основываясь на материалах Нижнего Поволжья. Наиболее ранняя компактная группа сарматских погребений с деформированными черепами зафиксирована в юго-западных районах Поволжья (~~курган у г. Элисты с Абганеры~~). Большинство этих могил относится ко II в. н. э.²

Во II в. н. э., судя по данным археологии и письменных источников, Нижнее Поволжье было занято не сиракскими, а аорскими, возможно, аланорскими племенами³.

Таким образом, обычай искусственной деформации головы следует считать скорее аорским, аланорским, хотя не исключено, что он в какой-то степени практиковался у сираков и у других сарматских племен. В средние века этот обычай характерен для алан.

Кроме деформации черепа, на позднесарматском этапе могильники приобретают и другие характерные черты — диаметрально противоположную ориентировку (северную), густую меловую посыпку дна могил, узкие и довольно глубокие могилы в виде простых ям или подбоев⁴. У сарматов встречается обычай хоронить умерших с перекрещенными голенями. На Волге он занимает заметное место во II—III вв. н. э. (7,8%)⁵.

Как отмечает К. Ф. Смирнов, стандартизация погребений и всей культуры поволжско-уральского населения в целом на позднесарматском этапе — результат сложения единого этнического массива аланских и аорских племен (аланорсы Птолемея)⁶.

¹ Ю. С. Гаглоев. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья. Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института, вып. XI, 1962, стр. 157.

² К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 112.

³ Там же, стр. 114.

⁴ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения..., стр. 204.

⁵ И. С. Каменецкий. Население..., стр. 14.

⁶ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения..., стр. 204.

К. Ф. Смирнов локализует аланорсов в Северном Прикаспии и западнее. Что касается восточной границы сарматских племен, то она, как пишет этот исследователь, еще неясная и для определения ее необходимо развернуть большие археологические исследования в пределах Западного Казахстана между рекой Уралом и Аральским морем¹.

За последние десять лет в Западном Казахстане, а также и в других районах Казахстана (в частности, в верховьях реки Ишима) открыты новые памятники савроматского и сарматского времени². Дальнейшее их изучение, возможно, позволит отодвинуть границы расселения савроматов и сарматов к востоку от Северного Прикаспия. Может быть, действительно, аорсы, верхние аорсы, аланорсы жили не только в Северном Прикаспии, но и к северо-востоку и к востоку от Каспийского моря³, имея непосредственными соседями дахо-масгето-сакские племена.

Согласно Страбону, основная масса аорсов обитала западнее — юго-западнее верхних аорсов, между Доном и Кавказом. Возможно, западная граница аорсов находилась в районе Маныча⁴. Из сообщения Тацита можно заключить, что кочевья аорсов располагались недалеко от границы Боспорского царства⁵.

Каковы же были судьбы западной, сиракской группы племен в савромато-сарматский период? Как отмечает В. Б. Ви-

¹ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения..., стр. 205.

² См., например: М. Г. Мошкова. Новые сарматские памятники завожско-оренбургских степей. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. СССР (Тезисы докладов.) Отделение истории АН СССР. Отделение общественных наук АН Азербайджанской ССР. Баку, 1965, стр. 98; М. Г. Мошкова, Г. А. Кушаев, Б. Ф. Железчиков. Археологические исследования в Западном Казахстане. Сб. «Археологические открытия 1969 г.» М., 1970, стр. 394—395.

³ С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. ВДИ, 1963, № 2, карта на стр. 29, 30, 31; рис. 2, 3, 4 — распространение погребений VII в. до н. э. — IV в. н. э., в том числе катакомбных и подбойных — в Средней Азии и Казахстане. К сожалению, более поздней сводной работы на эту тему, подобной данной статье С. П. Толстова, в настоящее время не имеется.

⁴ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 407; Ю. С. Гаглюев. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья, стр. 149.

⁵ И. С. Каменецкий. Население..., стр. 5.

⁵ Там же.

ноградов, западная группа савроматов, они же «геродотовские савроматы», обитали в VII—IV вв. до н. э. в Поволжье и дальше на запад, до Дона. Северные районы предкавказских степей уже в VI—IV вв. до н. э. также были населены «геродотовскими савроматами». В окрестностях р. Маныч и в междуречье Кумы и Терека открыты захоронения савроматского типа.

Западные савроматы по материальной культуре имели связи со Скифией, дельтой Дона и Северным Кавказом.

В IV в. до н. э., как отмечалось выше, носители прохоровской культуры, ядро которых составляли верхние аорсы, двинулись из оребургских и западноказахстанских степей на запад — на Волгу и Дон¹. Нижневолжское савроматское объединение распалось, геродотовские савроматы были включены в новые объединения и быстро восприняли прохоровскую культуру. Но приманычская группа, очевидно, сохранила свою независимость и черты своей древней культуры. Этот осколок геродотовских савроматов, не подчинившихся аорсам, и является, по мнению К. Ф. Смирнова и В. Б. Виноградова, основой сиракского союза племен².

Долгое время считалось, что группа погребений сарматского времени, открытая М. И. Артамоновым и Б. В. Луниным на Маныче, является сиракской³. В настоящее время это поло-

¹ В работе, вышедшей в 1971 г., К. Ф. Смирнов намечает две волны сарматской миграции в Скифию. В V—IV вв. до н. э. в Скифию проникла первая волна савроматов-сарматов. Это было мирное заселение. В III—II вв. до н. э. произошло насильственное вторжение в Скифию сарматов — прохоровцев и раннесусловцев Поволжья и Приуралья. (К. Ф. Смирнов. О начале проникновения сарматов в Скифию. МИА, 177. М., 1971, стр. 191—196.)

² К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 290; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 144—148; его же. Сиракский союз племен на Северном Кавказе. СА, 1965, № 1, стр. 111.

³ М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. Отчет о работах. ИГАИМК, 109, М.—Л., 1935, стр. 209; его же. Раскопки курганов в долине р. Маныч в 1934—1935 гг. СА, IV. М., 1937, стр. 93—132; его же. Раскопки курганов на реке Маныч в 1937 г., стр. 93—132; его же. Раскопки курганов на реке Маныч в 1937 г. СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 305—336; Б. В. Луни. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938—1939 гг. Сб. «Памятники древности на Дону» Ростов-на-Дону, 1940, стр. 19—21; В. Б. Виноградов. Сиракский союз..., стр. 108.

жение оспаривается И. С. Каменецким¹ и М. П. Абрамовой². В частности. М. П. Абрамова отмечает, что группа манычских погребений последних веков до н. э. и рубежа н. э. содержит лишь одно погребение с западной ориентировкой, и поэтому нельзя утверждать, что западная ориентировка может являться характерным признаком сиракских погребений³. Во всяком случае, можно предположительно сказать, что сираки в последние века до н. э. и на рубеже н. э. жили западнее и юго-западнее аорсов, скорее всего в Предкавказье, очевидно, в западной его части. И. С. Каменецкий, основываясь на данных Страбона и других древних авторов, следующим образом локализует сираков. Сираки на рубеже и в первые века н.э. занимали западную часть степей между Доном и Кавказом. На юге граница проходила по Кубани (Ахардей, по И. С. Каменецкому). Возможно, часть Закубанья, восточнее Лабы, также входила в территорию, занятую сираками. Северная граница проходила недалеко от Дона, западная — у Меотиды, восточная. может быть, — в районе Маныча⁴.

Ираноязычные степные племена проникали на Северо-Западный Кавказ еще задолго до сираков и аорсов. Есть основания полагать, что в некоторые районы Северо-Западного Кавказа во II — начале I тыс. до н. э. заходили киммерийцы⁵. Еще более достоверно пребывание скифов и носителей скифской культуры на Средней Кубани и в восточных районах Закубанья в VII — VI вв. до н. э.⁶

Как полагает Н. В. Анфимов, значительную часть населения Прикубанья и скифскую эпоху составляли савроматы⁷.

К. Ф. Смирнов отмечает, что савроматы не составляли основного населения побережья Кубани. Однако это не исключает возможности проникновения в среду местного населения отдельных савроматских групп, учитывая, что кочевья доно-

¹ И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки, стр. 99.

² М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии. СА, 1968, № 3, стр. 125—130.

³ Там же, стр. 126.

⁴ И. С. Каменецкий. Население..., стр. 6.

⁵ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, стр. 42—43, 56, 74.

⁶ Там же, стр. 57—58.

⁷ Н. В. Анфимов. О населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА, XI, М. — Л., 1949, стр. 260.

волжских савроматов находились в непосредственном соседстве со степным правобережьем Кубани и могли доходить до самой Кубани¹. Может быть, спорадическим проникновением савроматских элементов в меотскую среду объясняется наличие в некоторых раннемеотских грунтовых могильниках (Пашковском № 3, Усть-Лабинском № 2) еще до III — II вв. до н. э. отдельных случаев западной ориентировки погребенных. В местном зверином стиле, в общем похожем на скифский причерноморский, с IV в. до н. э., а может быть и раньше, наблюдаются некоторые савроматские черты (изображения на конской упряжи ушастых и зубастых зверей)².

Если признать положение о том, что предкавказские, в частности манычские савроматы и их потомки, сираки пытались проникнуть в закубанские районы Северо-Западного Кавказа еще в IV в. до н. э., то тогда появление оборонительных сооружений вокруг меотских поселений именно в этот период можно объяснить причинами не только внутреннего порядка, но и стремлением обезопасить себя от нападений внешнего врага (см. главу II).

Возможно, что с этой ранней волной савроматов-сираков связываются подкурганые погребения у ст. Воронежской IV — III вв. до н. э., как полагает К. Ф. Смирнов (см. главу I).

Однако, как показывают археологические памятники, основная масса сираков проникла в Прикубанье позднее (в I в. до н. э.) — вспомним, что курганы зубовско-воздвиженской группы, связываемые с сираками, датируются I в. до н. э. — I в. н. э.³ Расселение сираков в Прикубанье, начиная с I в. до н. э., подтверждается сообщением Страбона, жившего на рубеже н. э., о том, что в его время сираки доходили до Кавказских гор⁴.

Возможно, что территорией проникновения и обитания сираков было Прикубанье к востоку от Лабы, как считает И. С. Каменецкий⁵, хотя последними исследованиями Н. В. Афин-

¹ К. Ф. Смирнов. Основные пути..., стр. 8.

² К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 268.

³ О заселении Прикубанья сираками см.: Н. В. Афинимов. К вопросу о сарматизации Прикубанья. Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1975, стр. 49—51.

⁴ Страбон. География, XI, 5, 1 — В. В. Латышев. Известия..., т. I, стр. 130.

⁵ И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки, стр. 99.

мова доказано, что памятники меотской культуры сарматского времени располагаются и восточнее Лабы (например, правобережные городища Кавказские и Ладожские, существовавшие в скифское и сарматское время до II — IV вв. н. э.).

Как далеко на Восток простиралась территория, заселенная сираками? В. А. Кузнецов полагает, что сираки жили в верховьях Кубани и Зеленчуков. Потомки их сохранились на этой территории вплоть до эпохи средневековья¹.

Может быть, сираки в сарматское время и жили в верховьях Кубани и Зеленчуков, хотя пока назвать какие-либо памятники сарматского времени сиракскими на данной территории не представляется возможным.

Следует учитывать, что задача выделения сиракских и вообще сарматских памятников из среды местных осложняется еще и тем, что местная, в частности, меотская культура с самого начала установления контактов сарматов и местных племен стала оказывать очень сильное воздействие на сарматскую культуру, о чем мы уже говорили выше. Памятники сарматов стали утрачивать свой сарматский облик. Поэтому выявление сарматских, в частности, сиракских памятников на территории Верхней Кубани является делом будущих исследований.

Когда же начали проникать на Северо-Западный Кавказ аорсы? Ю. С. Гаглойти считает, что это произошло во II в. до н. э.² К этой точке зрения присоединяется и М. П. Абрамова³.

Если прав В. Б. Виноградов, аорской формой погребального сооружения является подбой. Подбой, как было сказано выше, появились в IV в. до н.э. у носителей прохоровской культуры в Приуралье и в Поволжье. На Илеке они были открыты в V в. до н. э.

На Тамани, в Фанагории известна подбойная могила IV в. до н. э.⁴ Но более широко распространяются подбойные захороне-

¹ В. А. Кузнецов. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии. Сб. «Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин». Орджоникидзе, 1967, стр. 63.

² Ю. С. Гаглойти. Этногенез осетин по данным письменных источников. Сб. «Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин». Орджоникидзе, 1967, стр. 80.

³ М. П. Абрамова. Новые погребения..., стр. 129—130.

⁴ М. М. Кобылина. Фанагория, МИА, 57. М., 1965, стр. 41.

ния в тех местах с III—II вв. до н. э. и особенно — в I в. до н. э. и позднее. Так, в некрополе Кеп обнаружены подбойные захоронения III—II вв. до н. э. и I в. н. э.¹ В Пантикапее подбой появляются примерно с III в. до н. э.², в Тузлинском могильнике — во II в. до н. э.—I в. н. э. (см. выше). В Фанагории, кроме указанного подбоя IV в. до н. э., известны подбойные погребения I в. до н. э.—II в. н. э. и III—IV вв. н. э.³ Как уже отмечалось, подбой имелся в Воронежском кургане № 17 (IV—III вв. до н. э.); несколько подбоев — во второй группе Усть-Лабинского могильника (IV—нач. III вв. до н. э.). Число их увеличивается в третьей и четвертой группах Усть-Лабинского могильника (III в. до н. э.—II в. н. э.). У Владимирской на Куксе обнаружен подбой I в. до н. э.—I в. н. э. Остальные подбойные могилы, известные в Прикубанье, относятся к первым векам н. э.

Если считать подбойные захоронения аорской формой погребального обряда, то нужно признать, что аорсы стали проникать на Северо-Западный Кавказ несколько ранее II в. до н. э., возможно, с III в. до н. э.

С проникновением сарматов — сираков и аорсов в Прикубанье в III—II вв. до н. э. в обряде погребения появляются новые черты. Уже в третьей группе Усть-Лабинского могильника встречены погребенные с руками, положенными на таз, и с перекрещенными голенищами. Позднее, с I в. до н. э., в могилах появляются куски мела. В конце сарматского периода в некоторых погребениях встречаются деформированные черепа. Так, деформированный череп обнаружен в могиле III—V вв. Пашковского третьего могильника (см. главу I). Как отмечает Н. В. Анфимов, три погребения с деформированными черепами обнаружены на городище № 2 у ст. Ново-Лабинской в Закубанье, на правом берегу Лабы. Точная датировка погребений не определена⁴. Обычай деформации черепов зафиксирован по материа-

¹ Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г., стр. 61—62.

² Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея. МИА, 19. М., 1951, стр. 73.

³ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 87; И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя, стр. 104, 117, 118.

⁴ Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья..., стр. 70.

лам Пашковского 1-го могильника IV—V вв.¹ В верховьях Кубани погребения с деформированными черепами также датируются рубежом IV—V вв. (Тамгацикский и Узун-Колский могильники).

Кроме сираков и аорсов, на Тамань, на Кубань и в закубанскую часть Северо-Западного Кавказа проникали и другие сарматские племена. Здесь прежде всего следует упомянуть о роксоланах, аспургианах и епагерритах.

О проникновении роксолан может говорить диагональное погребение I в. до н. э. у Армавира.

Аспургиане, по Страбону, занимали пространство в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией. На этой территории они поселились во II—I вв. до н. э. Высказывается мнение, что аспургиане были сарматскими племенами². А. П. Смирнов полагает, что под именем аспургиан выступает та часть алан, которая проникла на Кубань и частично вытеснила синддов, частично смешалась с ними³. Вряд ли аспургиан можно считать аланами — аланы появились в этих местах позднее (см. ниже). Но очень может быть, что часть археологических памятников сарматского типа, известных в Фанагории и в соседних пунктах, принадлежит аспургианам.

О епагерритах мы имеем сообщение у Плиния: «В тылу его (города Питиунта) в Кавказских горах живет сарматский народ епагерриты, а за ним — савроматы»⁴. Ю. С. Гаглойти и И. С. Каменецкий предполагают, что епагерриты жили на тер

¹ К. Ф. Смирнов. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. КСИИМК, 32. М., 1950, стр. 124—125; его же. О некоторых итогах исследований могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, 37. М., 1951, стр. 155—159.

² Н. И. Сокольский. Новые памятники синдской скульптуры. КСИА, 100. М., 1965, стр. 89; В. Ф. Гайдукевич. Некоторые вопросы экономической истории Боспора. ВДИ, 1966, № 1, стр. 52, примечание 16.

³ А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, вып. IV. Нальчик, 1948, стр. 79.

⁴ Плиний Секунд. Естественная история. VI, 15 — В. В. Латышев. Известия..., т. II, стр. 179.

ритории современной Карачаево-Черкесии¹, которая через Клухорский и другие перевалы соединяется с Сухуми и с Пицундой — древними Диоскурией и Питиунтом. Таким образом, верховья Кубани и Зеленчуков — современная Карачаево-Черкесия — оказываются действительно «сзади» (то есть северо-восточнее) Пицунды — в Кавказских горах. Как мы показали выше, памятники сарматского времени первых веков н. э. в Карачаево-Черкесии имеются. Часть их является местными, часть относится к аланским (подкурганные катакомбные погребения). Племенная принадлежность других памятников Карачаево-Черкесии первых веков н. э. не определена. Может быть, эти памятники оставлены сарматами-эпагерритами.

Итак, возможно, что сираки стали пропикать на Северо-Западный Кавказ, в частности, в Прикубанье, на рубеже IV—III вв. до н. э. Основная масса сираков поселилась в этих местах с I в. до н. э. Аорсы заселяли Прикубанье, очевидно, в III—II вв. до н. э. Кроме аорсов и сираков, на Северо-Западном Кавказе обитали, надо думать, и другие сарматские племена (роксоланы, аспургиане, эпагерриты).

Сарматские элементы в памятниках Прикубанья (кроме Верхней Кубани) прослеживаются до III в. включительно. В более поздних памятниках сарматских черт мы уже не наблюдаем. Очевидно, это объясняется тем, что сарматы после III в. до н. э. слились с местным меотским населением. Думается, что процесс этот был постепенным. Показателем этого постепенного процесса* слияния местного и сарматского населения является Усть-Лабинский второй могильник, где наряду с меотскими обнаружены и сарматские захоронения. Известно, что в древности, а также в более поздние эпохи на одном и том же могильнике могли хоронить своих умерших близкородственные или породнившиеся этнические группы, чаще всего даже представители одного рода².

¹ Письмо Ю. С. Гаглойти к автору данной работы от 8 ноября 1966 г. Ю. С. Гаглойти высказывается в пользу сарматской принадлежности эпагерритов; И. С. Каменецкий. Отзыв на I главу I тома «Очерков истории Карачаево-Черкесии». Март, 1966 г. И. С. Каменецкий не определяет этнической принадлежности эпагерритов — сарматы они или меоты, или какие-нибудь другие племена.

² Н. Иваненков. Карачаевцы. Известия общества любителей изучения Кубанской области, вып. V. Екатеринбург, 1912, стр. 29.

На Верхней Кубани сарматские элементы прослеживаются в памятниках и после III в. Здесь эти элементы, очевидно, следует связывать с аланами (см. ниже).

РАННИЕ АЛАНЫ

В настоящее время в советской и зарубежной науке принято положение о том, что аланы принадлежат к числу ираноязычных племен¹. Этой точки зрения придерживаемся и мы.

По вопросу о происхождении алан существует несколько теорий. Но прежде чем перейти к ним, считаем необходимым сказать несколько слов о соотношении терминов «арсы» и «яньцай-аланья», так как представители всех точек зрения в какой-то степени связывают алан с аорсами и с яньцаями.

Еще в 80-х годах XIX в. Ф. Хиртом и, независимо от него, А. Гутшмидом было указано, что наименование китайских источников «Яньцай (Аньцай)» является китайской транскрипцией названия «аорсы». Яньцай же, как сообщает история младшего дома Хань, Хоу-Хань-Шу, составленная в начале н. э., переименовались в Аланья. Это дало возможность Хирту идентифицировать аорсов — аньцай-аланья. Положения, высказанные Ф. Хиртом и А. Гутшмидом, были поддержаны Марквартом, Шаванном и другими зарубежными исследователями². Принято это отождествление и в русской советской исторической науке³.

В вопросе о локализации области Яньцай нет полного единства. Одни авторы помещают эту область в Приаралье⁴, дру-

¹ В последние годы некоторые историки и филологи Карачаево-Черкесии выдвинули точку зрения о том, что аланы являются изначально тюркоязычными племенами, явившимися ядром в этногенезе карачаево-балкарцев. Возражения против этой точки зрения я сформулировала в более ранних своих работах. (Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 240—247; ее же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, стр. 162—163.)

² Ю. С. Гаглоев. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья, стр. 150—153; В. А. Кузнецов. Аланские племена..., 1962, стр. 123; F. Hirth. Mr. Kingsmill and the Hiung — nu. Journal of the American Oriental Society, t. xxx, p. 1, New Haven, 1909, стр. 35; A. V. Gutschmid. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang des Arsaciden. Tübingen, 1888, стр. 69; J. Marquart. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Zweiter Heft. Leipzig, 1905, стр. 83; E. Chavannes. Les pays d'occident d'après le Wei liu. Tounq rao. Serie II, vol VI, Leiden, 1905, стр. 558—559.

³ В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 123.

⁴ Там же, примечание 22.

гне — на обширной территории от Северного Прикаспия до Кангюя — Хорезма¹. Некоторые авторы, разделяющие вторую точку зрения, полагают, что центр Яньцай находился не в Приарале, а в Северном Прикаспии².

Значительная часть исследователей считает, что аорсы — яньцай-аланья — это и есть аланорсы Птолемея³.

Приведем различные точки зрения о происхождении алан⁴. Странники кавказской теории И. А. Джавахишвили и Л. А. Мацулевич считали Кавказ прародиной сарматов и алан⁵.

Со скифами и сарматами, обитавшими в Северном Причерноморье и в Предкавказье, связывали алан некоторые дореволюционные ученые — В. Ф. Миллер, Ю. А. Кулаковский (ски-

¹ В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 123, примечание 23.

² К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 104—109; С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации, М. — Л., 1948, стр. 142 — карта, стр. 146. Владения Яньцай, согласно китайским источникам, располагались около Северного моря. Н. Я. Бичурин Северным морем считает Каспийское море, хотя область Яньцай, по его мнению, простиралась и далее на восток и на юго-восток. (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. — Л., 1950, стр. 150, примечание 6.)

³ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 43; К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 109; его же. Вопросы изучения сарматских племен..., стр. 204; Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. СЭ VI—VII. М. — Л., 1947, стр. 134, 137, 141; Ю. С. Гаглюев. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья, стр. 151 и в исследованиях других авторов.

⁴ Более подробно мы скажем здесь о массагето-сарматской теории, которой мы придерживаемся. Об остальных версиях упомянем кратко. Теории происхождения алан освещаются в работах других исследователей. См.: К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен, стр. 206—209; Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала, стр. 13—14; В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 123—125; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 106, 177—178 и другие. Подробнее всего эти теории излагаются в работах Ю. С. Гаглюева: Ю. С. Гаглюев. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья, стр. 105—184; его же. К проблеме появления алан на Северном Кавказе. Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института, вып. XIII, 1946, стр. 22—23 и в других исследованиях этого автора.

⁵ И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 30, сл.; Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии, стр. 125, сл.

фо-сарматская теория)¹. В. И. Абаев полагает, что прародиной иранских племен является не Средняя Азия, а восточная Европа. Не скифы пришли из Азии, отколовшись от остальных иранцев, а наоборот, остальные иранские племена продвинулись из Южной России в Индию, Персию и Среднюю Азию. Аланы, исходя из положений В. И. Абаева, порождены этой скифо-массагетской средой, но, очевидно, восточной ее ветвью, так как относительно алан В. И. Абаев пишет следующее: «Прямыми предками осетин являются, как известно, аланы, которым, по заслуживающему доверия свидетельству Диона Кассия и Аммиана Марцеллина, приписывается массагетское, то есть среднеазиатское происхождение, и которые с уверенностью локализируются в Южной России и на Северном Кавказе только с конца I тыс. до н. э.»².

Ю. С. Гаглойти (Гаглов) считает, что аланы непосредственно связаны со скифами, а также с сарматами. На Северном Кавказе аланы (в лице скифов) появляются с VII в. до н. э. Ю. С. Гаглойти не отрицает связи алан с сако-массагетским миром Приаралья. Так, в Средней Азии, как полагает Ю. С. Гаглойти, обитала восточная ветвь аорских племен. Эти приаральские аорские племена стали называться аланами тогда же, когда аорсы и другие сарматы, жившие в Северном Причерноморье и в Предкавказье, — смена названия произошла одновременно в начале н. э.

Никаких данных о том, что северопричерноморские и предкавказские аланы пришли из Средней Азии, по мнению Ю. С. Гаглойти, нет. Северопричерноморские и предкавказские аланы генетически связаны со скифами и сарматами, издавна населявшими эти места. Основываясь на показаниях Страбона и других авторов, Ю. С. Гаглов связывает аорсов и сираков со скифами³. Аорсы же, по Ю. С. Гаглову, это «те же аланы, то есть в лице аорсов аланы были на Кавказе уже по II в. до

¹ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III. М., 1887, стр. 75—97, 101, 111; Ю. А. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 3—4, 13, 33.

² В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М., 1965, стр. 120. См. также стр. 121, 125, 129, 136, 140.

³ Ю. С. Гаглов. К проблеме появления алан..., стр. 30. См. также другие работы этого автора, в частности, его монографию: Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

п. э.»¹. Роксоланы, по Ю. С. Гаглову, тоже этнически — те же аланы. Сираки также «были одним из тех алано-сарматских племен, которые вошли в аланское племенное объединение. Этнической основой алан Северного Кавказа явились, прежде всего — аорсы и сираки»².

Существует и сарматская («аорская») теория. С аорсами связывают алан многие исследователи. М. И. Артамонов считает, что аланорсы Птолемея — это аорсы—яньцай-аланы³. Выше приводилось мнение К. Ф. Смирнова о том, что аланы — выходцы из степей Северного Прикаспия, «вызревавшие» в аорской среде. Аланы, указывает К. Ф. Смирнов, связаны не только с аорсами, но и массагетами⁴. В. Ф. Минорский идентифицирует алан с аорсами⁵. По Мак-Говерну, аланы и аорсы — два племени внутри одной и той же этнической группы⁶.

Сторонниками среднеазиатского происхождения алан были В. Сэн-Мартен, В. Б. Пфафф, Э. Шарпентье, Р. Бляйхштейнер⁷.

Г. Вернадский одним из древних аланских центров, древней родиной алан считал район Хорезма. Предками алан, по его мнению, были саки, которых он отождествляет с сарматами. В IV—III вв. до н. э. саки занимали степи Закаспия у Аральского моря. В IV в. до н. э., в связи с вторжением Александра

¹ Ю. С. Гаглов. К проблеме появления алан..., стр. 46.

² М. И. Артамонов. История хазар, стр. 43, 359, 407.

³ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен..., стр. 204.

⁴ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963, стр. 193—194, примечание 23. Впрочем, В. Ф. Минорского следует считать сторонником не сарматского, а среднеазиатского происхождения алан (см. ниже).

⁵ Ю. С. Гаглов. Аланы и скифо-сарматские племена..., стр. 154.

⁶ W. M. Govern. The early Empires of Central Asia. New-York, 1939, стр. 463.

⁷ Ю. С. Гаглов. Аланы и скифо-сарматские племена..., стр. 154—155; его же. К проблеме появления алан..., стр. 22—23; В. Б. Пфафф. Материалы для древней истории Осетии. Сборник сведений о кавказских горцах, т. IV. Тифлис, 1870, стр. 23; V. de Saint-Martin. Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples Nomades qui de sont succede au Nord du Caucase. Dans les six premiers siecles de notre ère. Les Alains. Nouvelles Annales des Voyages, t. 3(119). Paris, 1848, стр. 189; J. Charpentier. Die ethnographische Stellung der Tocharer. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. B. 71, Leipzig, 1917, стр. 163, 359, 364; R. Bleichsteiner. Das Volk der Alanen. Berichte des Forschungs-institutes für Osten und Orient. Zweiter Band. Wien, 1918, стр. 4—16, в частности — 9.

Македонского в Среднюю Азию, некоторые племена (далеко не все) двинулись на запад. К II в. до н. э. одно из ответвлений саков-сарматов — асы-аланы, они же антцай-анты, жили в Южном Казахстане, или в Северной Джунгарии. Во II в. до н. э. под напором юэчжей возобновилось движение саков-сарматов на запад. Это движение вынесло на своем гребне и алан-асов-антцай, которые поселились в Северном Причерноморье. Якобы в связи с этими событиями, как упорно пытается доказать Г. Вернадский во многих своих работах, часть славян получила наименование «анты». Произошло это, согласно Г. Вернадскому, следующим образом. В Северном Причерноморье асы-аланы-антцай-анты подчинили себе ряд местных племен, в том числе и некоторые славянские. Эти славяне присвоили себе название антов — наименование их новых правителей, так как «анты», как указывал ранее Г. Вернадский, было название одного из аланских племен в Туркестане¹. Подобное толкование происхождения славянского этнонима «анты» научно не обосновано и вообще весьма далеко от науки.

В. Ф. Минорский отождествляет алан с аорсами, а этих последних (через промежуточное «арс») связывает с асами. По предположению В. Ф. Минорского, аланы жили сначала за Каспийским морем, на юг от Аральского моря².

Л. Г. Нечаева, анализируя катакомбные могильники и сопоставляя полученные выводы с данными письменных источников, склонна придерживаться точки зрения о массагетском происхождении алан³.

Массагето-сарматская теория происхождения алан возникла еще в прошлом столетии⁴.

Е. Тойблер в работе, изданной в 1909 г., выдвинул положе-

¹ G. Vernadsky. Sur l'origine des Alains «Bysantion», volume XVI, fasc. I. Boston, 1944, стр. 81, 84—86; G. Vernadsky, M. Karpovich. A History of Russia. Volume I. Ancient Russia. New Haven. Yale University press. London, 1944, стр. 76, 82—84, 89—90.

² В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 193—194, примечание 23; см. также стр. 145, примечание 98.

³ Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала..., стр. 14, 21.

⁴ Tomaschek. Alani. Paulus Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. I, Stuttgart, 1894, стр. 1282.

См.: В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 124; Ю. С. Гаг-люев. К проблеме появления алан..., стр. 24, 25; его же. Аланы и скифо-сарматские племена, стр. 209.

ние о том, что аланы переселились с берегов Яксарта и Аральского моря. Предками алан является племя яньцай (аньцай), которое, по его мнению, появилось на исторической арене в 120 г. до н. э. Е. Тойблер признает тождество терминов «яньцай — аорсы» и «яньцай — аланы», однако полного знака равенства между названиями «аорсы» и «аланы», по мнению Тойблера, ставить нельзя. Аорсы и аланы — две части одного и того же народа. Аланы отнесены Е. Тойблером к «сармато-иранской» группе народов, к которой относятся также языги, роксоланы, аорсы и сираки¹.

Сходную точку зрения выдвигает и М. И. Ростовцев².

Из советских исследователей массагето-сарматской теории придерживаются В. А. Кузнецов, В. Б. Виноградов и другие исследователи³.

Автор настоящей работы также считает массагето-сарматскую теорию происхождения алан наиболее аргументированной: она основана на данных письменных источников и обширных лингвистических и археологических материалов⁴.

Не будем приводить все доводы и материалы, подтверждающие правильность этой теории, остановимся лишь на некоторых моментах.

О том, что одним из основных компонентов, принявших участие в формировании алан, были сарматы, в частности, аорсы, уже говорилось ранее. Добавим здесь еще, что генетическая связь сарматов с аланами, как ранними, так и средневековыми, прослеживается не только по письменным источникам (например, наличие у древних авторов таких наименований сарматских племен, как «роксоланы», «аланорсы»), но и по антропологическим материалам.

Как указывает В. В. Гинзбург, основной антропологический тип сарматов Заволжья — долихократно-мезокранный, связанный, с салтовской культурой и аланами Северного Кавказа⁵.

Для средневековых алан, также как и для сарматов, харак-

¹ E. Täubler. Zur Geschichte der Alanen. «Klio», t. IX, Leipzig, 1909, стр. 20, 22.

² М. И. Ростовцев. Эллинизация и иранство на юге России, Пг., 1918, стр. 128.

³ В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 125; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 106.

⁴ В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 124, примечания 30, 31.

⁵ В. В. Гинзбург. Этнографические связи..., стр. 575.

терен обычай искусственной деформации черепа. Одинаковы некоторые черты погребального обряда, например, обычай перекрещивать голени, класть в могилу мел.

Выше говорилось о том, что, судя по данным письменных источников, есть основания помещать предков алан — аорсов не только в Северном Прикаспии, но и на восточном берегу Каспийского моря (данные Плиния и Страбона)¹.

Л. А. Мацулевич, основываясь на сообщении Птолемея, заключает, что аланорсы жили в Приаралье и в низовьях Сыр-Дарьи². Аммиан Марцеллин знает алан не только в Причерноморье и в Предкавказье, но и в Средней Азии, где владения их простирались до р. Ганга³.

Таким образом, в настоящее время есть довольно определенные основания полагать, что предками алан были аорсы, жившие как в Северном Прикаспии, так и восточнее Каспийского моря, вплоть до Приаралья.

Но как же примирить с этим выводом данные о массагетском происхождении алан? Общеизвестно, что Дион Кассий (II в. н. э.) и Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) предками алан называли массагетов⁴. Армянские авторы также связывают алан с массагетами-маскутами, называя одну из ветвей Аршакидов «алано-маскутской»⁵.

Нет ли здесь противоречия с только что высказанной версией об аорском происхождении алан?

Для того, чтобы объяснить это кажущееся противоречие, необходимо, хотя бы кратко, рассмотреть вопрос об асиях-асианах-асах.

Известно что с термином «алан» часто сопоставляется термин «асы». Приведем здесь свидетельства древних авторов об асиях-асианах-апасиаках-аттасиях-аугасиях. Эти названия не-

¹ Ю. С. Гаглюев. Аланы и скифо-сарматские племена..., стр. 149, 154.

² Л. А. Мацулевич. Аланская проблема..., стр. 134, 138, 141.

³ Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 2, 15 — В. В. Латышев. Известия..., том II, стр. 340.

⁴ В. В. Латышев. Известия..., т. II, стр. 622 и 339.

⁵ Ю. С. Гаглюев. Аланы и скифо-сарматские племена..., стр. 116 — 117. Точки зрения тождественности массагетов—маскутов—алан придерживались Маркварт и В. Ф. Минорский. (В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента, стр. 110, примечание 10.)

которые исследователи не без основания отождествляют с термином «асы»¹.

Перечисленные наименования появляются в письменных источниках в первые века н. э. (одновременно с термином «аланы»).

По словам Страбона (XI, 8, 2), асии вместе с другими племенами пришли «с того берега Яксарта» и отняли у эллинов Бактриану. Страбон упоминает также аттасиев, апасиаков, пасианов. Помпей Трог (рубеж н. э.) сообщает, что сарауки и асианы захватили Бактриану и Согдиану (пролог к 41 книге). Тот же автор называет асианов царями тохаров. Апасиаки упоминаются у Полибия (X, 48)².

Птолемей у устья реки Танаис (Дон) помещает сарматское племя, которое носит название «асаи»³.

Однако, как видно из приведенных выше данных, большая часть древних авторов первых веков н. э. локализует асиев на территории Средней Азии.

Современные исследователи обычно связывают асиев с массагетами. По мнению Тарна, в состав массагетской конфедерации, в числе прочих племен, входили аугасии, аттасии, апасиаки⁴.

С. П. Толстов также считает, что эти племена входили в массагетскую конфедерацию (наряду с другими племенами), и локализует их следующим образом: апасиаки — водные саяки — вдоль северных границ Хорезма, от Узбоя до Жаны-Дарьи, соответствуют «массагетам болот» Страбона; асии, асианы — Средняя Сыр-Дарья — от современного города Туркестана до Ташкента и далее к востоку; локализация аттасиев (аугасиев, аугалов) — неясна. Страбон упоминает хорезмийцев и аттасиев рядом. А С. П. Толстов помещает хорезмийцев, как и

¹ W. W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1951, стр. 181

² По вопросу об асиях, асианах и других племенах, в названии которых имеется корень «ас» — по данным письменных источников см.: С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации, стр. 104, 137; В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 123; Ю. С. Гаглов. К этимологии племенного названия сакараваков. Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института, вып. XI, 1962, стр. 174.

³ В. В. Латышев. Известия..., т. I, стр. 239.

⁴ W. W. Tarn. *The Greeks...*, стр. 181.

апасиаков, вдоль северных границ Хорезма, от Узбоя до Жаны-Дарьи. Таким образом, асии и прочие названные племена массагетской конфедерации локализируются С. П. Толстовым в Южном Приаралье и несколько восточнее¹.

В другой, более поздней работе, С. П. Толстов помещает асиев-асианов к востоку и северо-востоку от нижнего и частично среднего течения Сыр-Дарьи, в бассейне рек Или и Чу, вплоть до Тянь-Шанских гор².

Итак, асии-асиане — то подразделение массагетов. Добавим еще, что народное имя эчжи — ветвь массагетов — было «арси»³.

К сказанному следует еще добавить, что в массагетскую конфедерацию племен, кроме перечисленных этнических групп, входили и различные сакские племена — сакараваки (саки хау-маварга), саки амюргии, жившие от юго-восточных границ Хорезма до гор Нура-Тау, соответствуют «массагетам гор и равнин». Хорезмиев и апасиаков, как отмечалось выше, С. П. Толстов тоже считал саками, «водными саками»⁴. Следует сказать, что вообще этническую и территориальную границу между сакскими и массагетскими племенами провести трудно. Эти, очень близкие и по происхождению, и по языку, и по культуре, и по территории размещения, племена по существу представляли один этнический массив. Персы, например, даже не знали названия «массагеты» и называли и саков и массагетов одинаково — «саками». Персидские и античные источники середины I тыс. до н. э. застают массагетов Приаралья уже на стадии далеко зашедшей сакизации⁵.

Поэтому, когда мы будем говорить о возможном участии массагетов в формировании аланских племен, то будут иметься в виду не только собственно массагетские, но и сакские племена. В частности, различные подразделения асов, входящих, согласно С. П. Толстову, в состав массагетской конфедерации на рубеже н. э.⁶, могли быть частью массагетского, частью — сакского происхождения.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 244; его же. По следам древне-хорезмийской цивилизации, стр. 104, 125, 137, 138, 140, 141, 142 — карта.

² С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы..., стр. 28.

³ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 407.

⁴ С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации, стр. 104.

⁵ Там же, стр. 86.

⁶ Там же, стр. 104.

В литературе уже высказывалось мнение, что среднеазиатские асии были предками алан¹.

Автор этой работы склонна считать, что среднеазиатские асии сако-массагетского происхождения, входившие на рубеже н. э. в состав массагетской конфедерации, действительно, приняли участие в формировании алан, наряду с сарматскими аорскими (аланорскими) племенами. Кочевья восточной ветви аорского союза племен в Северо-Восточном Прикаспии и Восточном Закаспии соприкасались с районами, где жили сако-массагетские племена. Никаких труднопреодолимых природных барьеров между местами обитания аорской и массагетской конфедерации племен не было. Поэтому и неудивительно, что отдельные этнические группы этих конфедераций могли взаимно проникать «друг в друга». Если принять такую точку зрения, то тогда станет понятным наличие второго имени у алан — «асы».

Процесс формирования аланского союза племен — на аорской основе с включением сако-массагетских асиев — происходил на рубеже нашей эры. В I в. н. э. значительная часть племен алано-асской конфедерации двинулась на запад. И уже в середине I в. н. э. мы застаем алан на Северном Кавказе и у Танаиса. Там же, у устья Танаиса, автор II в. н. э. Птолемей знает и асов — асаев.

Часть алан и асов осталась в Восточном Закаспии, в частности, в Средней Азии. Эти племена в какой-то степени приняли участие в этногенезе туркмен, у которых есть племенное название «алан». В стране устьюртских алан в районе Мангышлака сохранились развалины, именуемые «Алан-Кала»². По-видимому, аланы и асы совместно обитали в Средней Азии в I тыс. н. э. Хорезмийский автор ал-Бируни (973—1048 гг.) пишет: «Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из Хорезмийского и печенежского»³. Речь идет об асах и аланах, живших вместе с печенегами по нижнему течению Аму-Дарьи до тех пор, пока эта река не переменяла свое русло, и пересе-

¹ J. Charpentier. Die ethnographische Stellung..., стр. 359, 387, 388; Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала..., стр. 14.

² С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации, стр. 49.

³ С. Волин. К истории древнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 192—196; М. И. Артамонов. История хазар, стр. 22, 407; С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации, стр. 49; В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 125.

лившихся затем на берега Хазарского (Каспийского) моря. М. И. Артамонов считает, что здесь говорится о переселении в Хазарию ал-арсиев¹.

Привлекая археологический материал, хочется обратить внимание читателя на следующее обстоятельство.

Для Средней Азии в сарматское время (особенно — в первые века н. э.) весьма характерны погребения в катакомбах². Так, С. С. Сорокин отметил, что в Средней Азии, в частности в ее предгорных районах, количество подбоев и катакомб в сарматское время приблизительно равное, а в некоторых могильниках число катакомб даже преобладает над подбоями. Для сарматских районов Северного Прикаспия, в частности для Нижнего Поволжья, столь широкое распространение катакомб-

¹ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 407.

² См., например: И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963; его же. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. Известия АН Киргизской ССР, серия общественных наук, II, 3; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960; Ю. Д. Баруздин. Памятники кочевников рубежа и первых веков н. э. В кн.: Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Байкена-Ляйлака. Фрунзе, 1962, его же. Кара-Булакский могильник. Труды института истории АН Киргизской ССР, III, 1967; его же. Кара-Булакский могильник. Известия АН Киргизской ССР, серия общественных наук, III, 3; С. П. Толстов, М. А. Итина, А. В. Виноградов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. Сб. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 306; П. П. Гаврюшенко, Е. З. Заурова, П. Н. Кожемяко, И. К. Кожомбердиев. Археологические исследования Института истории АН Киргизской ССР. Там же, стр. 340; А. К. Абетеков, П. П. Гаврюшенко, Е. З. Заурова, П. П. Кожемяко. И. К. Кожомбердиев, М. Б. Юнусалиев. Археологические работы в Киргизии. Сб. «Археологические открытия 1967 г.» М., 1968, стр. 358—359; И. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина. Работы в долине Кетмень-Тюбе. Сб. «Археологические открытия 1968 г.» М., 1969, стр. 450; С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции. Сб. «Археологические открытия 1969 г.» М., 1960, стр. 400; И. Кожомбердиев. Работы в зоне водохранилища Токтогульской ГЭС. Там же, стр. 432—433; Д. Ф. Винник. Работы в Узгенском оазисе. Там же, стр. 434; Ю. А. Заднепровский. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. — V в. н. э. Страны и народы Востока, вып. X. М., 1971, стр. 31—34; Б. И. Вайнберг. Могильник Тумек-Кичиджик в северной Туркмении. Сб. «Археологические открытия 1972 г.» М., 1973, стр. 475 — 477.

ных погребений не характерно. Там преобладают погребения в ямах различной формы, а также в подбоях¹.

С. С. Сорокин убедительно доказывает, что катакомбы и подбои принадлежат отнюдь не пришлым племенам (не гуннам — хунну, например, как полагает А. Н. Берштам), а местному населению. Как полагает М. Э. Воронец, это местное население было родственно сарматским, сако-мессагетским, усуньским и юзжийским (восточно-массагетским) племенам². Н. Г. Горбунова отмечает, что «подбойно-катакомбные погребения известны в различных районах Средней Азии, и всюду керамика их соответствует тем оазисам, в которых они находятся»³. Это обстоятельство говорит о том, что катакомбы и подбои принадлежат местному населению. В вопросе происхождения этого местного населения нет единства, но многие исследователи связывают его с племенами, участвовавшими в разгроме Греко-Бактрии, отмечая близость этих племен как с сакоусуньскими, так и с сарматскими племенами⁴.

На картах, имеющих в статье С. П. Толстова, наибольшие скопления катакомбных погребений сарматского времени отмечены в верховьях Сыр-Дарьи и в Южном Прибалхашье. Именно в этом районе помещены на указанных картах С. П. Толстова асианы-асии⁵.

Если согласиться с такой локализацией асиев-асиан в районе наибольшего для Средней Азии скопления катакомб, то сам собой напрашивается вопрос — а не является ли катакомба наиболее характерной формой погребального сооружения именно для асиев (асиан), не отрицая, конечно, того, что эта форма существовала в данный период и у других среднеазиатских племен.

Далее. В Северном Прикаспии в сарматское время обряд погребения в катакомбах отнюдь нельзя считать широко распространенным. Для прохоровского времени мы имеем, как

¹ С. С. Сорокин. Среднеазиатские катакомбные и подбойные захоронения как памятник местной культуры. СА, XXVI. М., 1956, стр. 100, 101, 110, 116.

² Там же, стр. 99, 117.

³ Н. Г. Горбунова. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы. СА, 1970, № 1, стр. 85.

⁴ Там же.

⁵ С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы..., стр. 30, 31, карты на рис. 3 и 4.

выше отмечалось, 33 катакомбы, для среднесарматской стадии — только три — Калмыково (Западный Казахстан), а для позднесарматского времени, как пишет М. П. Абрамова, катакомбы неизвестны ни в Поволжье, ни в Приуралье¹. Но если для североприкаспийских сарматов, входящих в аорскую конфедерацию племен, катакомбная форма погребения была не характерна, а в Средней Азии она была широко распространена, особенно с рубежа н. э. (т. е. с периода формирования аланского союза племен), то не являются ли среднеазиатские сако-массагетские асии-асиане, вошедшие в состав алано-асской конфедерации племен, основными носителями и распространителями катакомбного обряда погребения, столь характерного для позднейших алан? Еще Л. Г. Нечаева отметила сходство устройства предкавказских Сунженских катакомб с катакомбами некоторых районов Средней Азии, в частности, на Сыр-Дарье². Учкеевские катакомбы КЧАО имеют сходство по своему устройству не только с катакомбами Золотого кладбища, но и с катакомбами Западного Казахстана, у сел. Калмыково — именно с теми катакомбами, которые И. В. Синицын относит к среднеазиатскому типу³.

Конечно, приведенный материал еще очень невелик. Однако, сколь бы малым он ни был, он говорит скорее в пользу массагето-сарматской теории происхождения алан, нежели против нее. В частности, уже намечаются пути для установления, какие именно племена массагетской конфедерации приняли участие, наряду с аланорсами, в формировании алан. На наш взгляд, в качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что этими массагетскими (точнее — сако-массагетскими) были подразделения южноприаральских асов, в частности, асиев-асиан, которые, возможно, были основными носителями и распространителями катакомбного обряда погребения на рубеже и в первые века н. э.

¹ М. П. Абрамова. Раннесредневековые погребения Нижне-Джурлатского могильника. УЗКБНИИ, XXV. Нальчик, 1967, стр. 153.

² Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала..., стр. 6, 21.

³ Ср. с чертежами: И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60. М., 1959, стр. 153, рис. 52, 2 — курган № 4. погребение № 4, уже упомянутые нами выше. В этой работе (стр. 201—202) автор сравнивает калмыковские погребения среднеазиатского типа (то есть катакомбы) с катакомбными захоронениями Кую-Мазарского, Лявандовского, Карабулакского и других среднеазиатских могильников.

Переходим к рассмотрению вопроса о времени появления алан на Северном Кавказе. Большинство исследователей полагают, что аланы появились на Северном Кавказе в I в. н. э.

Однако есть и другие точки зрения. Так, сторонники скифо-сарматского происхождения алан считают, что аланы, в лице своих предков, жили на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье уже с VII в. до н. э.¹

В. Сен-Мартен полагает, что аланы переселились на Северный Кавказ период с I в. н. э.²

Сторонники теории появления алан в I в. н. э., уточняя время этого события, приводят разные даты. Так, В. Б. Пфаф считает, что это событие произошло на рубеже н. э. Шарпентье называет дату — I в. н. э. Согласно Тойблеру, аланы появились на Северном Кавказе в 35 г. н. э. М. И. Ростовцев полагает, что аланы были арьергардом общесарматского движения на запад. В эпоху Римской империи племя аланов уже подчинило остальных сарматов³.

В. Ф. Гайдукевич пишет, что аланы появились на Северном Кавказе в 50—60 годы I в. н. э.⁴ Н. В. Анфимов считает, что аланы стали проникать в Прикубанье со второй половины I в. н. э. и особенно — во II в. н. э.⁵

Л. Г. Нечаева, Т. М. Минаева, вслед за А. А. Спицыным признавшие аланскую принадлежность подкурганых катакомбных погребений Золотого кладбища⁶, допускают, таким образом, возможность первого появления алан на Северном Кавказе, начиная с I в. н. э., так как именно этим временем в основном датируются погребения Золотого кладбища (см. выше).

¹ Ю. С. Гаглоев. К проблеме появления алан..., стр. 22, 25—26.

² V. de Saint-Martin. Etudes..., стр. 189.

³ Ю. С. Гаглоев. К проблеме появления алан..., стр. 22—27; Б. В. Пфаф. Материалы..., стр. 23; J. Charpentier. Die Ethnographische Stellung, стр. 362—364; E. Täubler. Zur Geschichte..., стр. 20; М. И. Ростовцев. Эллинизма и иранство..., стр. 128.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М. — Л., 1949, стр. 543.

⁵ Н. В. Анфимов. Основные этапы..., стр. 15 и другие работы этого автора.

⁶ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 108; его же. Основные пути..., стр. 16—17; Л. Г. Нечаева. Могилиник Алхан-Кала, стр. 15—18; Т. М. Минаева. К истории алан..., стр. 178—181.

В. Б. Виноградов отмечает, что аланы появились на Северном Кавказе после разгрома сираков аорсами в 49 г. Разгром сираков, по мнению В. Б. Виноградова, упрочил положение алан, которые были родичами и союзниками победителей-аорсов¹. В. Н. Граков, поправляя В. Б. Виноградова, замечает, что влияние сираков и аорсов прекратилось не ранее 70-х годов I в. н. э. и что на рубеже 60—70-х годов Иосиф Флавий, описывая вторжение алан через Дарьял, исходное положение их еще дает на Дону, а не на Кавказе².

В. Н. Гамрекели пишет, что данные, содержащиеся у античных писателей I в. н. э., локализуют алан в Приазовье и в Прикаспии. В центральной же части Кавказа аланы, по мнению В. Н. Гамрекели, в I в. и. э. отсутствовали³.

В. А. Кузнецов не отрицает наличия отдельных аланских племен в I в. н. э. в Предкавказье. Однако, по его словам, только в 70-х годах IV в. н. э. «после гуннского нашествия... огромная масса алан продвинулась из Прикаспия и Поволжья в Предкавказье»⁴.

Когда же появляются аланы на Северном Кавказе, судя по археологическим материалам? Археологи появление алан в том или ином районе обычно связывают с появлением катакомбных захоронений.

Катакомбные могильники появляются в Предкавказье тогда же, когда появляются первые сведения об аланах — в основном, в I в. н. э. Сосредоточены они именно в тех районах, где античные авторы локализуют алан — в Приазовье и в Прикубанье — с одной стороны (вспомним сообщение Иосифа Флавия об аланах, обитавших вокруг Меотиды) и в предгорьях Центрального и Северо-Восточного Кавказа — около Дарьяльского прохода, через который уже во второй половине I в. н. э. и позднее аланы совершали походы в Закавказье, с другой. Дарьяльское ущелье названо Аланскими воротами, а Донец-

¹ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 162.

² В. Н. Граков. Рецензия на книгу В. Б. Виноградова. СА, 1964, № 4, стр. 237, 240.

³ В. Н. Гамрекели. Двалы и Двалетия в I—XV вв. Тбилиси, 1961, стр. 61, 70. Эта точка зрения подверглась справедливой критике в работах: В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 163 и Ю. С. Гаглов. К проблеме происхождения алан..., стр. 29, сл.

⁴ В. А. Кузнецов. Аланские племена, стр. 117.

кий кряж — Аланскими горами (Птолемей)¹. На Донце и на Нижнем Дону, как известно, тоже встречаются катакомбы первых веков н. э.²

Катакомбные могильники средневековой эпохи также располагаются в тех местах, где письменные источники помещают алан. Так, зоной распространения средневековых катакомб является Северный Кавказ — от Лабы, Урупа и Зеленчуков — на западе до Дагестана — на востоке. Письменные источники в этих границах помещают средневековую Аланию, простиравшуюся, согласно Масуди (X в.) от народа Кешак (касоги-адыги, обитавшие к западу от Урупа и Лабы) до народа Серир (Авария. Дагестан). Средневековые катакомбы обнаружены и в районе Дона и Донца (Салтовская культура), то есть на той территории, которая, по сведениям русских летописей, была заселена ясами-асами.

Таким образом, локализация катакомб в тех пределах, в которых письменные источники помещают алан, говорит о том, что катакомба является аланской формой погребального сооружения. Следует, однако, отметить, что, возможно, некоторые группы алан, очутившиеся в окружении других племен, с другим обрядом погребения, могли утратить свою форму погребального сооружения и хоронить своих умерших, например, в грунтовых прямоугольных ямах или в каменных гробницах, сохраняя другие черты, свойственные именно аланам (например, обычай деформации головы). В качестве примера, можно, очевидно, привести Тамгацкинский могильник IV—V вв.

Но такая утрата катакомбной формы некоторыми (далеко не всеми!) группами алан произошла в предгорных и горных районах Северного Кавказа в основном после гуннского нашествия.

Что же касается степных предкавказских районов, то здесь появление катакомбных погребений (I—III вв.), безусловно, мо-

¹ Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 20.

² М. Рудинский. Кантамирівські могили римської доби. Записки Всеукраїнського Археологічного Комітету, т. 1. Киев, 1931, стр. 142—143. Из более поздних публикаций см., например: С. И. Капошина. Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИИ, 103. М., 1965, стр. 49 — на территории Новочеркасской ГЭС курганы с катакомбами III—IV вв.

жет служить доказательством появления алан в данный период в этих местах. В степном Предкавказье в первых веках н. э., надо думать, именно аланы хоронили своих умерших в катакомбах, а погребения в других формах могильных сооружений нужно считать не аланскими, а принадлежащими другим племенам.

Описывая археологические памятники Прикубанья сарматского периода, мы касались вопроса о времени появления здесь катакомбных погребений. Сопоставим приведенные выше захоронения сарматского периода на Боспоре, а также в центральных и восточных районах Северного Кавказа.

В работах, посвященных античным археологическим памятникам Северного Причерноморья, катакомбы обычно именуется «земляными склепами». Датируются эти земляные склепы, или катакомбы, эллинистическим и римским временем.

Катакомбные захоронения встречены в Ольвии, в Николаевке на Днепре и в других местах Северного Причерноморья¹.

Появление катакомб в Северном Причерноморье в скифское время, очевидно, связано со скифским обрядом катакомбных захоронений. Известно, что у скифов Северного Причерноморья, в частности, Приднепровья, катакомбы появляются с VI—V вв. до н. э., хотя наибольшее распространение этого обряда падает на IV—II вв. до н. э.²

Катакомбы нижнеднепровского типа известны в Крыму (Кара-Тобе, Джанкой). Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова полагают, что эти катакомбы могли принадлежать переселившейся сюда

¹ Н. В. Анфимов. Земляные склепы..., стр. 156—157.

² Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 73 и другие; Б. Н. Граков. Скифское погребение на Николаевском курганном поле. МИА, 115. М., 1962, стр. 56—113; А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. Н. Степковских). МИА, 115. М., 1962, стр. 114—156; М. П. Абрамова. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днепра. МИА, 115. М., 1962, стр. 274—283. О катакомбах Скифии см.: М. И. Артамонов. Этногеография Скифии. Ученые записки Ленинградского гос. университета, т. 85, серия историческая, вып. 13. Л., 1949, стр. 133—138; 142—150.

с Нижнего Днепра в IV в. до н. э. группе земледельцев. Эта территория Крыма вошла в скифское степное царство¹.

На Боспоре земляные склепы появляются с IV—III вв. до н. э. Так, IV—III вв. до н. э. датируются ранние земляные склепы Пантикапея, хотя наибольшее распространение их в пантикапейских некрополях падает на первые века н. э.² В Келах земляные склепы зафиксированы с III в. до н. э. К I в. число их увеличивается³. Земляные склепы, обнаруженные в Фанагории, датируются I в. до н. э. — IV в. н. э.⁴ В 1938 и 1939 гг. при раскопках некрополя Фанагории открыты земляные склепы II—IV вв. н. э. с деформированными черепами⁵. В Тузлинском некрополе, как отмечалось, земляные склепы появляются с IV—III вв. до н. э. Число их увеличивается в I—IV вв. н. э. Катакомба, очевидно, II в. до э., встречена в Ахтанизовской.

Появление земляных склепов-катакомб на Боспоре, в частности, на Тамани в сарматское время, исследователи обычно объясняют причинами социального порядка. Такие склепы, по мнению некоторых авторов, служили семейными усыпальницами для представителей знати как боспорской, так и местной, синдо-меотской. Не отрицается возможность принадлежности некоторых земляных склепов и богатым сарматским семьям⁶. Есть и другие точки зрения, связывающие факт появления земляных склепов не с социальными причинами, а с изменениями в этническом составе населения Боспора, с притоком новых этнических элементов. Так, А. К. Коровина считает, что на Тамань обряд погребения в земляных склепах был принесен на рубеже н. э. из Прикубанья — в связи с митридатов-

¹ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях..., стр. 75.

² Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, стр. 69, 78; Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь, стр. 30, 51.

³ Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя в Келах в 1959—1960 гг. КСИА, 91. М., 1962, стр. 100—102; ее же. Раскопки некрополя Кел в 1961 г., стр. 61—62; ее же. Раскопки города Келы и его некрополя в 1957—1963 гг. «Ежегодник гос. Исторического музея 1963—1964 гг.» М., 1966, стр. 48—49; Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина. Работы Таманской экспедиции (в 1967 г.). Сб. «Археологические открытия 1967 г.» М., 1968, стр. 87; Н. И. Сокольский. Работы Таманской экспедиции (в 1968 г.). Сб. «Археологические открытия 1968 г.» М., 1969, стр. 89.

⁴ М. М. Кобылина. Фанагория, стр. 79, 87, 94—95.

⁵ В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг., стр. 206.

⁶ Н. П. Сорокина. Тузлинский некрополь, стр. 53.

скими войнами и с усилением так называемого процесса сарматизации¹.

Привнесен ли этот обряд на Тамань из Прикубанья или из других мест, пока — до детального изучения форм катакомбных захоронений — сказать трудно. Надо учитывать, что наиболее ранняя катакомба, известная в Прикубанье, относится к II в. до н. э. (Ладожская). Но попытка связать возникновение катакомбного обряда на Боспоре, в частности, на Тамани, с появлением сармато-алан, на наш взгляд, была бы правильной. С IV—III вв. в этих местах появляются подбои, которые приписываются именно сарматам, возможно — аорсам. С этого же времени здесь появляются и катакомбы, правда, в меньшем числе, чем в более позднее время. Возможно, носителем катакомбного обряда была определенная группа сарматов, родственная аорсам.

Этих сарматов-катакомбников условно можно назвать «протоаланами»². В первые века н. э. количество катакомбных захоронений на Боспоре увеличивается. По-видимому, это уже можно связывать с проникновением на Боспор алан как таковых. Аланскими, на наш взгляд, являются поздние катакомбы Фанагории (II—V вв.) с деформированными черепами. Об усилении роли сарматских, в том числе — аланских, элементов в составе населения Боспора в позднеантичное время имеются вполне определенные данные³.

¹ А. К. Коровина. Рецензия на книгу Н. П. Сорокиной «Тузлинский некрополь». СА, 1959, № 1, стр. 318.

² Напомним, что на родине протоалан или аланорсов в Северном Прикаспии катакомбы появляются с V—IV вв. до н. э. и существуют до II в. до н. э. включительно. Возможно, именно эти протоаланы или аланорсы привнесли катакомбный обряд на Боспор в IV—III вв. до н. э. Впоследствии с I в. н. э., как отмечалось, носителями катакомбного обряда, очевидно, были сако-массагетские, асские племена, принявшие на рубеже н. э. участие в формировании ранних алан.

³ См., например: И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории, стр. 122—123 и другие исследования археологов-античников (В. Ф. Гайдукевича, В. Д. Блаватского, Д. Б. Шелова и др.). Из более поздних работ см.: И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.

В связи с вопросом об усилении роли алан в истории Боспора в позднеантичное время уместно вспомнить, что в начале III в. н. э. на Боспоре существовала специальная коллегия аланских переводчиков во главе с «главным аланским переводчиком». (В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, 40, СПб., 1911, стр. 92—114 — надпись на каменной плите, найденной у ст. Таманской.)

Катакомбные погребения, известные на Боспоре, были бескурганые. В Прикубанье катакомбы как бескурганые, так и под курганной насыпью, как неоднократно отмечалось, появляются с рубежа н. э. (исключением является только Ладожская катакомба II в. до н. э.).

Бескурганые катакомбы I—II вв. открыты на Северном Кавказе и восточнее Прикубанья. Такие катакомбы имеются в окрестностях Пятигорска, на левом берегу г. Юцы,¹ у Кисловодска — ст. Подкумок² и Клин-Яр³.

Катакомбы без курганных насыпей, датирующиеся рубежом и первыми веками н. э., исследованы на могильнике у городища Нижний Джулат (около г. Майского КБ АССР)⁴.

Подкурганная катакомба I в. н. э. открыта в степной части Ставропольского края у г. Зеленокумска⁵.

¹ А. П. Рунич. Сарматские катакомбы на берегу Юцы. СА, 1961, № 1, стр. 266—270.

² М. П. Абрамова. Могильник у ст. Подкумок близ Кисловодска. Сб. «Археологические открытия 1972 года». М., 1973, стр. 106—107; ее же. Раскопки Подкумского могильника. Сб. «Археологические открытия 1973 года». М., 1974, стр. 91—92.

³ В. А. Кузнецов. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. СА, 1973, № 2, стр. 62.

⁴ М. П. Абрамова. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии, стр. 114—130; ее же. Раскопки Нижне-Джулатского могильника. Сб. «Археологические открытия 1967 г.» М., 1968, стр. 94—95; ее же. Нижне-Джулатский могильник. Сб. «Археологические открытия 1968 г.» М., 1969, стр. 119—120. М. П. Абрамова связывает эти катакомбы с появлением алан на Северном Кавказе. Однако многие детали в обряде и в инвентаре (скорченные костяки, украшения кобанского типа, набор бус, колчаны с втульчатыми наконечниками стрел), по мнению М. П. Абрамовой, могут говорить о тесном контакте алан еще на этом раннем этапе их проникновения на Северный Кавказ с местными северокавказскими племенами. (М. П. Абрамова. Раскопки..., стр. 95.)

Специально вопрос о появлении катакомб на Северном Кавказе рассматривается в другой работе этого автора: М. П. Абрамова. Ранне-средневековые погребения Нижне-Джулатского могильника, стр. 147—157, в частности, стр. 153—156. М. П. Абрамова распространение катакомб на Северном Кавказе связывает с появлением алан и высказывает солидарность с нашей точкой зрения о том, что генетически эти катакомбы можно связать с территорией Средней Азии (там же, стр. 154). См. также: М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, стр. 39.

⁵ О Нижне-Джулатском и Подкумском могильниках см. также: М. П. Абрамова. Катакомбные погребения первых веков н. э. Центрального Предкавказья. Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1975, стр. 53—54.

⁵ Т. М. Минаева. К истории алан..., стр. 124—127.

В терско-сунженском междуречье известно довольно значительное количество погребений в катакомбах первых веков н. э., преимущественно, подкурганых¹.

У сел. Брут (Северо-Осетинская АССР) открыты подкурганые катакомбные захоронения IV—V вв. н. э.² В районе Малой Кабардинской оросительной системы (МКОС) случайно вскрыто катакомбное погребение конца I—начала II в. н. э., очевидно, бескурганное³. Подкурганые катакомбы встречаются у хутора Октябрьского Моздокского района⁴ и у сел. Пседах. Одно из Пседахских погребений раскопано В. И. Долбежеевым. Инвентарь этой катакомбы относится к II—III вв. н. э.⁵ Катакомба без курганной насыпи с инвентарем II—III вв. н. э. раскопана Е. И. Крупновым у сел. Алхасте⁶. II—VI вв. н. э. датируются подкурганые катакомбные погребения большого могильника у сел. Алхан-Кала⁷. У сел. Братского Наурского района Чечено-Ингушской АССР открыты несколько подкурганых катакомбных захоронений I—III вв.⁸

Перечисленные выше катакомбы различны по форме, и обряд погребения в них тоже не одинаков. Тщательное изучение специфических черт, присущих каждой из этих катакомб или группе катакомб, — дело будущего. Пока же заметим, что, кроме черт отличия, можно установить и черты сходства. Так, уже

¹ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 71—77, 94—96, 105—108.

² С. С. Куссаева. Археологические находки последних лет в Северной Осетии. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, вып. XIX. Орджоникидзе, 1957, стр. 1—6; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 74—75; М. П. Абрамова. Раскопки могильника у сел. Брут. Сб. «Археологические открытия 1969 г» М., 1970, стр. 119—120.

³ В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 75—76.

⁴ М. П. Абрамова. Археологические исследования в Кабардино-Балкарии и в Северной Осетии. Сб. «Археологические открытия 1971 года». М., 1972, стр. 153.

⁵ ОАК, 1898, стр. 160—161; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 71—72.

⁶ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья, стр. 183—185; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 72.

⁷ Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала..., стр. 6—8 и др.; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 72—74.

⁸ Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА, 1965, № 2, стр. 179—184.

неоднократно отмечалось, что катакомбы Золотого кладбища близки катакомбам Учкекена. Некоторые сходные черты наблюдаются при сравнении катакомб Золотого кладбища с сунженскими, в частности, алхан-калипскими катакомбами¹. Выше мы отмечаем, что и учкекенские и алхан-калипские катакомбы имеют черты, присущие катакомбам Средней Азии.

Обращаясь к хронологии катакомбных захоронений Северного Кавказа сарматского периода, мы должны обратить внимание на то, что подавляющее большинство известных нам захоронений такого рода датируются рубежом и первыми веками н. э.

Территориально катакомбные захоронения сарматского времени расположены в степных и предгорных районах Северного Кавказа; в горных районах катакомбы сарматского периода не обнаружены. На Северо-Западном Кавказе катакомбы, как подкурганные, так и бескурганные, находятся главным образом на Средней Кубани и в районе Усть-Джегуты — Терезе — Учкекен — Пятигорск. В Закубанье единичные бескурганные катакомбные захоронения открыты пока только в двух пунктах — у Владимирской на р. Куксе и у Ясеновой Поляны на р. Фарс.

Если мы будем делить северокавказские катакомбные захоронения сарматского времени по признаку наличия или отсутствия над ними курганных насыпей, то увидим, что подкурганные захоронения в значительной степени преобладают над бескурганными — последних пока насчитываются единицы, тогда как даже раскопанных катакомб под курганами — десятки, не говоря уже о десятках и сотнях нераскопанных курганов Золотого кладбища, района Учкекена, могильника Алхан-Кала и других, где мы с полным правом можем также ожидать наличие катакомбных погребений. Впрочем, здесь нужно иметь в виду и то, что археологу найти бескурганное катакомбное захо-

¹ Л. Г. Нечаева по этому вопросу замечает следующее: «Прикубанские подкурганные катакомбы имеют значительные отличия от алхан-калипских, что выражается прежде всего в обратной ориентировке входных ям и камер и в отклонении последних от перпендикуляра к входной яме. Однако наличие в отдельных случаях аналогичных отклонений и в алхан-калипском могильнике позволяет говорить о близости прикубанских и сунженских катакомб и дает право считать их двумя родственными группами катакомбных погребений, различающихся, в основном, ориентировкой могильного сооружения и, в связи с этим, ориентировкой покойников». (Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала..., стр. 10.)

ронение гораздо труднее, чем раскопать подкурганное. Однако и бескурганных погребений различного типа интересующей нас эпохи сейчас известно значительное количество. Очевидно, небольшой процент катакомб в бескурганных захоронениях не является случайностью. Таким образом, исходя из имеющегося у нас материала, мы должны говорить, главным образом, о подкурганных катакомбных погребениях.

Итак, судя по известным в настоящее время материалам, для катакомбных погребений Северного Кавказа сарматского времени характерно следующее:

1. Наличие курганной насыпи.
2. Расположение в равнинных и предгорных (но не в горных) районах Северного Кавказа.
3. Датировка — I в. н. э. и позднее.

Ладожская катакомба II в. до н. э. пока является исключением. Появление этой катакомбы в Прикубанье следует, на наш взгляд, объяснять теми же причинами, которыми мы объясняли возникновение катакомбного обряда на Боспоре в последние столетия до н. э., а именно — проникновением на Северо-Западный Кавказ, наряду с другими сарматами, отдельных сарматских группировок, родственных аорским, но не совсем тождественных им. Условно эти группировки носителей катакомбного обряда в последние века до н. э. мы называли «про-тоаланами».

Что касается характерных для Северного Кавказа предгорных и равнинных катакомбных захоронений, в основном, подкурганных, относящихся к I в. н. э. и к последующим столетиям, то эти захоронения, известные от Средней Кубани до Чечено-Ингушетии, следует считать аланскими, точнее — раннеаланскими.

Предкавказские катакомбы сарматского времени нельзя считать явлением местным. Попытки связать эти катакомбы с предкавказским вариантом катакомбной культуры II тыс. до н. э. вряд ли могли бы быть успешными. Между катакомбами эпохи бронзы и катакомбами сарматского времени существует хронологический разрыв почти в тысячу лет, и никаких промежуточных звеньев, показывающих преемственность катакомбного обряда погребения на Северном Кавказе от эпохи бронзы до сарматского времени, установить не удастся. Трудно связывать предкавказские катакомбы сарматской эпохи со скифскими катакомбами. Как отмечалось, в VI—II вв. до н. э. в Нижнем

Приднепровье и в Крыму катакомбный обряд погребения существовал у скифов. Но, судя по публикациям Б. Н. Гракова и других исследователей, форма скифских катакомб несколько иная, чем катакомб Золотого кладбища и им подобных. Далее, между датой катакомб Золотого кладбища и им подобных — I в. н. э. и крайней верхней датой скифских катакомб — II в. до н. э. — существует хронологический разрыв. Наконец, для Прикубанья в скифское время катакомбы не были характерны (известно только одно катакомбное захоронение скифского времени — в Костромском кургане, VI в. до н. э.)¹. Таким образом, как нам кажется, нет оснований «производить» предкавказские катакомбы первых веков н. э. от скифских катакомб.

Поэтому, на наш взгляд, глубоко правы те исследователи, которые утверждают, что предкавказские катакомбные погребения первых веков н. э. не имеют в Предкавказье «предшественников в предыдущие столетия ни в виде отдельных погребений, ни в виде отдельных элементов катакомбных могил, по которым можно было бы проследить автохтонное их происхождение»².

Эти катакомбные происхождения появляются «внезапно», одновременно на большой территории — от Средней Кубани до Сунжи, по линии степей и предгорий, не заходя глубоко в горы.

Таким образом, их нельзя приписать какой-то определенной группе местных северокавказских племен, например, меотам, так как катакомбы зафиксированы не только на Северо-Западном, но и на Северо-Восточном Кавказе, где меоты не жили. Нельзя считать подобные захоронения и вейнахскими (чечено-ингушскими), так как вейнахи не населяли район Среднего Прикубанья, где расположено Золотое кладбище.

Итак, появление предкавказских катакомбных захоронений первых веков н. э. можно объяснить только проникновением в Предкавказье новой этнической группы племен, носителей катакомбной культуры, проникновением в эти места алан.

Резюмируя все сказанное выше, хочется еще раз возразить исследователям, пытающимся утверждать, что «предполагаемый приход аланов в I в. н. э. на Северный Кавказ не подтверждается археологическими данными. Больше того, это опровер-

¹ ОАК, 1897, стр. 11, сл.

² Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала..., стр. 10; с Л. Г. Нечаевой в этом вопросе солидаризируется В. Б. Виноградов. См.: В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 95.

гаются материалами раскопок кубанских и донских городищ, могильников и курганов»¹.

Появление в I в. н. э. на огромной территории Предкавказья подкурганных катакомбных захоронений, которые по всем данным связываются именно с аланами, служит неопровержимым археологическим доказательством проникновения алан в I в. н. э. в степные и предгорные районы Северного Кавказа.

Аланы, проникнув на Северо-Западный Кавказ в I в. н. э., некоторое время — очевидно, до II—III вв. — сохраняли свою этническую обособленность. Занимали они, надо думать, правобережье Средней Кубани и более восточные районы в степной и предгорной полосе Прикубанья. Как полагает Н. В. Анфимов, в III в. н. э. под натиском алан местное население вынуждено было покинуть правобережье Кубани². Возможно, часть местного населения под давлением алан и отошла в Закубанье, но часть, несомненно, осталась — об этом рассказывают Ладожские городища № 5 и № 7, жизнь на которых продолжалась до середины IV в.

Очевидно, ко времени гуннского нашествия аланы растворились в местной среде. Процесс этого слияния показывает Усть-Лабинский второй могильник, где наряду с грунтовыми прямоугольными могилами есть катакомбы, и Терезинский могильник, на котором имеются и катакомбы и местные формы погребальных сооружений. На территории Прикубанья (за исключением Карачаево-Черкесии) аланы после III в. не прослеживаются. Надо думать, что те группы алан, которые заняли Среднее Прикубанье в I—III вв. также, как их предшественники сираки и аорсы, слились с меотами и явились, таким образом, одним из компонентов в адыгском этногенезе. И только на Верхней Кубани, на территории Карачаево-Черкесии, отчетливо заметна генетическая связь между раннеаланскими и средневековыми аланскими памятниками (см., например, могильники Адиухский, Тамгацикский, Узун-Колский).

После гуннского нашествия, на рубеже IV -- V вв., аланы заселили горные ущелья Верхней Кубани и лежащие далее на восток горы и предгорья Северного Кавказа вплоть до рек Ассы и Аргуна в Чечено-Ингушетии. «Именно в это время, —

¹ Ю. С. Гаглов. Аланы и скифо-сарматские племена..., стр. 164. До Ю. С. Гаглоева подобные же положения высказывал Л. А. Мацулевич. См.: Л. А. Мацулевич. Аланская проблема..., стр. 134.

² Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья..., стр. 71.

пишет В. А. Кузнецов, — катакомбные могильники во все возрастающем числе появляются в предгорьях и горах Северного Кавказа»¹.

Гуннское нашествие внесло и другие изменения в этногеографическую карту Северо-Западного Кавказа и, в частности, Прикубанья. Детальное обследование правой террасы р. Кубани, проведенное Н. В. Анфимовым, не привело к обнаружению памятников (селищ, грунтовых могильников) оседлого населения второй половины IV—V вв.² Оседлое земледельческое население правобережья Кубани переселилось в Закубанье, населенное родственными меотскими племенами.

В лесостепной полосе Закубанья возникают новые укрепленные поселения. По течению небольших речек — Марты, Нового Пчаса, Псекупса, Дыша — Н. В. Анфимовым обнаружены городища, часть которых возникла во II—III вв., часть — на грани III—IV вв. Эти городища существовали и в период раннего средневековья — V—IV вв. Керамика и другие находки, происходящие с этих поселений, типичны и для меотских городищ правобережной Кубани, что может говорить, по справедливому заключению Н. В. Анфимова, о переселении сюда правобережного населения. Анализ материала, обнаруженного на этих закубанских поселениях, дает возможность установить непрерывность и непосредственную преемственность в развитии культур позднесарматского периода и раннесредневекового времени³.

Таковы основные вехи этнической истории местных племен и сармато-алан, судьбы которых на Северо-Западном Кавказе в сарматское время были тесно переплетены.

¹ В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 14.

² Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья..., стр. 70—71. Единственными памятниками IV—V вв., известными на правобережной Кубани, являются Пашковский 1-ый могильник и два погребения Елизаветинского 2-го могильника. Пашковский 1-ый могильник по инвентарю и обряду захоронения — в грунтовых могилах, с западной ориентировкой погребенных, с кувшинами, помещенными в миску — связан с предшествующей позднемеотской культурой. Инвентарь двух погребений Елизаветинского 2-го могильника подобен инвентарю Пашковского 1-го могильника. Н. В. Анфимов объясняет появление этих могильников на правобережной Кубани переходом сюда из Закубанья группы оседлого населения после гуннского нашествия. (Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья..., стр. 71; его же. Исследование памятников раннежелезного века..., стр. 71.)

³ Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья..., стр. 71; его же. Археологические памятники..., стр. 84, 87.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В III в. до н. э.— IV в. н. э. Северо-Западный Кавказ, в частности, территорию Прикубанья населяли местные племена, носители меотской культуры. В верховьях Кубани, кроме меотов, жили и предки карачаевцев.

Сарматские племена находились в основном в Поволжье и в Приуралье. Западная ветвь сарматов — сираки — являются потомками доно-волжских сарматов. Восточная ветвь — аорсы — зародилась в среде восточных, южноуральских сарматов. В эту же восточную конфедерацию племен входили роксоланы. Центр аорсов находился в Северном Прикаспии. Здесь, в Северном Прикаспии, в первые века н. э. образовалось ядро аланского союза племен — аланорсы Птолемея. Кроме алан, потомков аорсов, в образовании аланской конфедерации, очевидно, приняли участие и сако-массагетские племена асиев. Возможно, именно асии являются носителями и распространителями катакомбного обряда погребения в первые века н. э., когда для Поволжья катакомбный обряд не был характерен, для Средней же Азии он в этот период был весьма обычен.

Сарматы стали проникать на территорию Прикубанья с III в. до н. э., может быть, даже с IV — III вв. до н. э. Местное население, стремясь обезопасить себя от нападений сарматов, укрепляло свои поселения оборонительными сооружениями.

Первыми стали заселять Прикубанье сираки. Возможно, с сираками связываются погребения с деревянными конструкциями в Воронежских курганах IV — III вв. до н. э. С III — II вв. до н. э., судя по распространению подбоев (предположительно аорской формы погребального сооружения), можно говорить о

проникновении в Прикубанье аорсов. Основная масса сираков заселила Прикубанье с I в. до н. э. С этими сираками связываются погребения с деревянными конструкциями зубовско-воздвиженской курганной группы I в. до н. э. — I в. н. э. С I в. до н. э., судя по увеличению подбоев, увеличивается и аорский элемент.

Кроме сираков и аорсов, на Северо-Западном Кавказе поселяются и другие сарматские племена. Так, в I в. до н. э., судя по армавирскому диагональному подкурганному погребению, сюда проникают роксоланы. Возможно, на рубеже н. э. на восточном побережье Черного моря, между Таманью и Анапой, размещалось сарматское племя аспургианов (о них упоминает Страбон). В верховьях Кубани в начале н. э., очевидно, жили сарматы-эпагерриты, о которых говорит Плиний.

Надо думать, что вначале взаимоотношения между сарматами и местным населением были враждебными. Но с течением времени сарматы стали переходить к оседлому образу жизни, и тогда между ними и местными жителями постепенно стали устанавливаться мирные контакты. Более того, судя по совместным захоронениям местных жителей и сарматов на одних и тех же кладбищах, начался процесс слияния местного и сарматского населения. Сарматские черты (наряду с местными) прослеживаются на могильниках — Краснодарском на западной окраине, Тахтамукаевском, Пашковском третьем, Елизаветинском и Шенджийском. Но особенно явственно выступают сарматские черты в погребениях III и IV групп Усть-Лабинского второго могильника. После III в. в Прикубанье (за исключением верховьев Кубани) сарматские элементы в памятниках не прослеживаются — очевидно, к этому времени сарматы полностью слились с местным меотским населением.

С IV — III вв. до н. э. на Тамани и со II в. до н. э. в Прикубанье (у ст. Ладожской) появляются бескурганные катакомбы. Они оставлены, по нашему мнению, протоаланами — прикаспийскими предками алан, родственными аорсам.

С I в. н. э. на Северный Кавказ проникают аланы. Археологически это прослеживается по распространению катакомбного обряда погребения, который большинство исследователей, в том числе и автор данной работы, считают аланским. С рубежа н. э. на Северном Кавказе от Среднего Прикубанья до Чечено-Ингушетии включительно фиксируется катакомбный обряд захоронения, главным образом в курганных могильниках.

Встречаются и бескурганные захоронения в катакомбах, хотя курганные захоронения с катакомбами для рубежа и первых веков н. э. более характерны, чем бескурганные. На Северо-Западном Кавказе бескурганные катакомбы, как правило, встречаются там же, где и подкурганные, у ст. Казанской, Тбилисской, Усть-Лабинской, Ладожской.

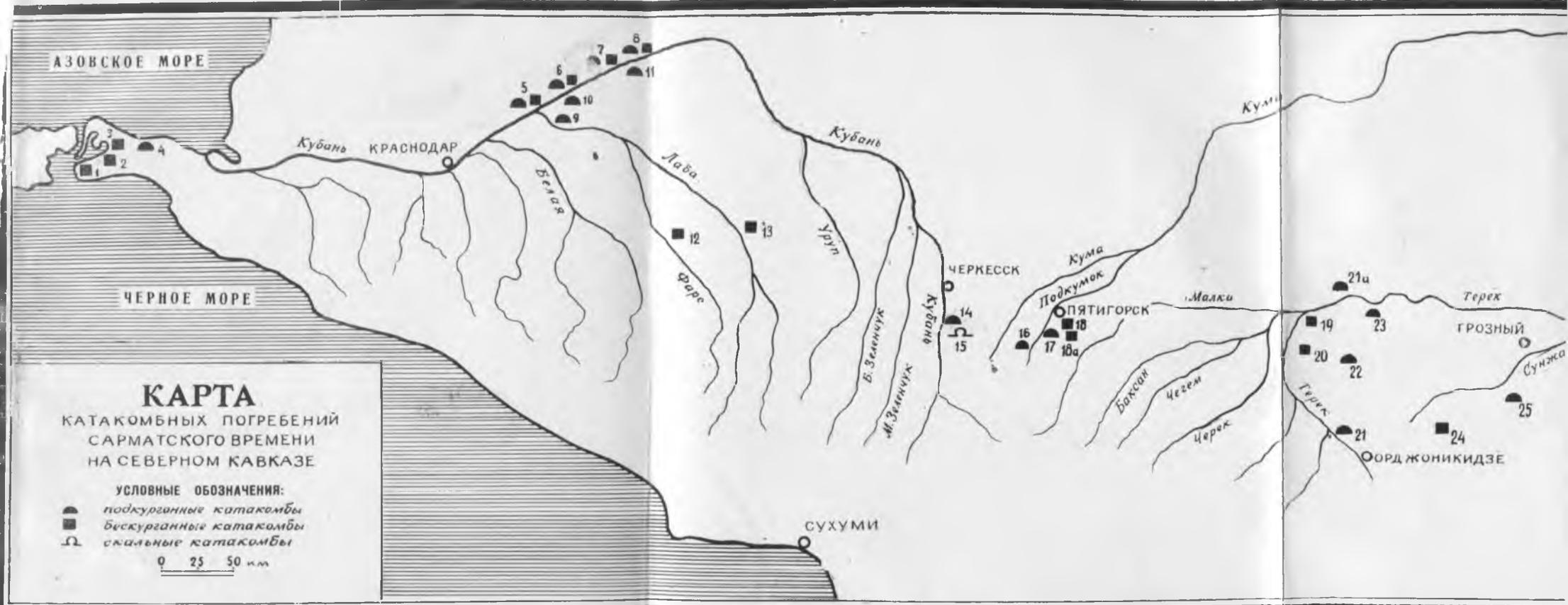
Судя по локализации катакомбных могильников, аланы в I — III вв. размещались по степным и предгорным районам — в горы в тот период они не заходили. Возможно, одна часть местного населения Северо-Западного Кавказа под натиском алан покинула свои места жительства и переселилась в Закубанье, в горы, а другая — оставалась в районах, занятых аланами (например, у ст. Усть-Лабинской, Ладожской, у аула Терезе, у хутора Дружба — в непосредственном соседстве с Усть-Джегутинским районом, заселенным аланами).

После III в. аланы на Северо-Западном Кавказе, в частности, в Прикубанье, за исключением Верхней Кубани, по археологическим памятникам не прослеживаются. Эти ранние аланы, также, как и другие сарматские племена, проникшие на Северо-Западный Кавказ, постепенно сливаются с местным населением. Показателями этого процесса слияния являются бескурганный Усть-Лабинский второй могильник и Терезинский курганный могильник.

Таким образом, ранние аланы, как и другие сарматские племена, слившиеся с меотским населением Северо-Западного Кавказа, приняли участие в процессе этногенеза адыгского народа.

В верховьях Кубани ранние аланы генетически связываются со средневековыми аланами. Это хорошо прослеживается на таких памятниках, как Тамгацикский, Адныхский и Узун-колский могильник. Здесь, на Верхней Кубани, очевидно, еще в сарматское время имели место процессы слияния ранних алан с древними предками карачаевцев, хотя наиболее интенсивными эти процессы стали в период раннего средневековья.

Таковы основные положения настоящей работы.

КАРТА
КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБИЙ
САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
 ◐ подкурганные катакомбы
 ■ бескурганые катакомбы
 △ скальные катакомбы

0 25 50 км

ПОЯСНЕНИЕ К КАРТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБИЙ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕ

- 1. Тузла;
- 2. Селная (Фанагория);
- 3. Кешы;
- 4. Ахтанизовская;
- 5. Усть-Лабинск (ранее -- ст. Усть-Лабинская);
- 6. Ладожская;
- 7. Тбилисская (ранее -- Тифлисская);
- 8. Казанская;
- 9. Некрасовская;

- 10. б. имение Зиссерманов;
- 11. Кубанская;
- 12. Ясеповая Поляна;
- 13. Владимировская;
- 14. Усть-Джегута;
- 15. Новая Джегута;
- 16. Терезе;
- 17. Учкеев;
- 18. Юца;

- 18-а. Подкумок;
- 19. МКОС (Мало-Кабардинская оросительн.);
- 20. Нижний Джулат;
- 21. Брут;
- 21-а. курор Октябрьский;
- 22. Предах;
- 23. Братское;
- 24. Анхасте;
- 25. Алхан-Кала.

ПРИЛОЖЕНИЕ
(16 таблиц)

Пояснения к таблицам

Таблица 1. Планы и разрезы катакомбных погребений Северо-Западного Кавказа. 1—3 — курганы №№ 16, 17 и 18 Золотого кладбища у ст. Казанской. По Н. И. Веселовскому. 4 — Усть-Лабинский второй могильник. Реконструкция катакомбы № 90, 1938 г. По Н. В. Анфимову. 5 — Тбилисская. Северная камера второго погребения. По Н. В. Анфимову. 6—8 — Учкеев, курганы №№ 1, 2, 3.

Таблица 2. Терезинский курганный могильник. Железные и бронзовые изделия.

Таблица 3. 1—4 — Терезинский курганный могильник. Стекло, железные и серебряные предметы; 5—7 — катакомба в Новой Джегуте. Глиняные сосуды и золотая подвеска-медальон с алмандином.

Таблица 4. 1 — Дружбинские городища №№ 1 и 2. 1 — Береговой раскоп КЧНИИ, 1968—1969 гг.; 2 — шурф № 2; 3 — шурф № 3; 4—5 — постройки фермы; 6 — въезд на городище; 7—8 — курганообразные возвышения; 9 — сторожевой пост; 10 — могильник; 2 — Дружбинское городище № 2 Береговой раскоп экспедиции КЧНИИ 1968—1969 гг. План.

Таблица 5. Дружбинское городище № 2. 1 — Береговой раскоп Продольный разрез. 2 — условные обозначения к чертежу № 1.

Таблица 6. 1—20 — могильник на Дружбинском городище, раскопанный П. Н. Шишкиным; 21—34 — могильник у юго-западной окраины Дружбинского городища, доследованный Е. П. Алексеевой. Бусы, железные и бронзовые вещи, глиняные сосуды.

Таблица 7. Аналогии материалу Дружбинского городища. Пряслица, обломки глиняных сосудов, костяная проколка. 1—2 — Инжиччукунский могильник VIII—VII вв. до н. э.; 3—6 — Хумаринское селище VIII—VI вв. до н. э.; 7—8 — Хумаринское поселение VIII—VI вв. до н. э.; 9 — Тамгацикское поселение VI—IV вв. до н. э.; 10—12 — Тамгацикское поселение IV—V вв. н. э.

Таблица 8. Дружбинское городище № 2. Подъемный материал. Ручки сосудов.

Таблица 9. Дружбинское городище № 2. Подъемный материал. Донышки глиняных сосудов.

Таблица 10. Дружбинское городище № 2. Подъемный материал. Глиняные сосуды.

Таблица 11. Дружбинское городище № 2. Подъемный материал. Бусы, скарабеи, железные и бронзовые изделия, кремневые орудия.

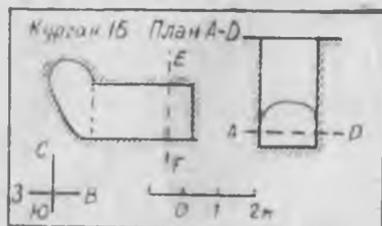
Таблица 12. Дружбинское городище № 2. 1 — могильник; 2—4 — Береговой раскоп. Зооморфные ручки глиняных сосудов.

Таблица 13. Дружбинское городище № 2. 1—3, 6 — Береговой раскоп; 4—5 — подъемный материал. Зооморфные ручки глиняных сосудов.

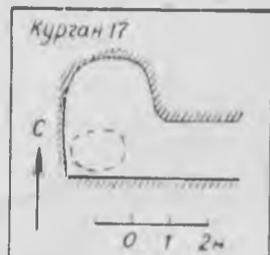
Таблица 14. Дружбинское городище № 2. Береговой раскоп. Глиняные сосуды, донышки, крышки сосудов.

Таблица 15. Дружбинское городище № 2. Береговой раскоп. Глиняные пряслица и грузила.

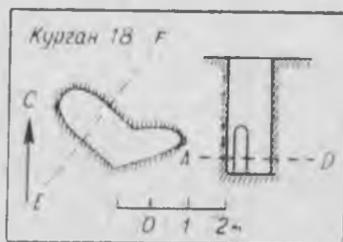
Таблица 16. Дружбинское городище № 2. Береговой раскоп. Стенка глиняных сосудов с рельефным орнаментом.

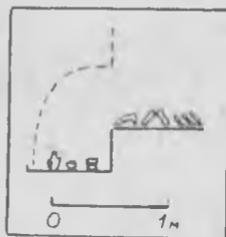
1

2

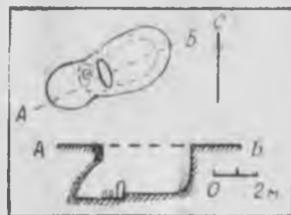
3

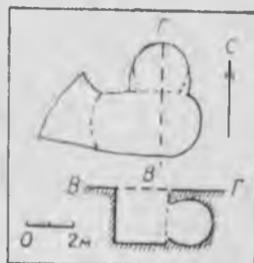
4

5

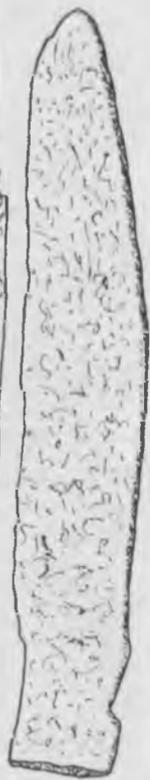
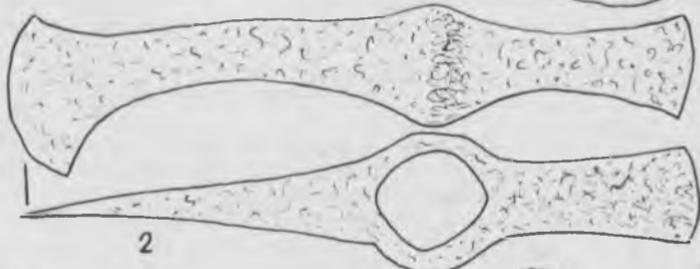
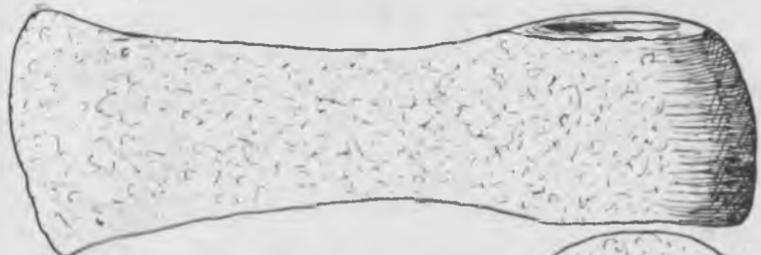
6

7

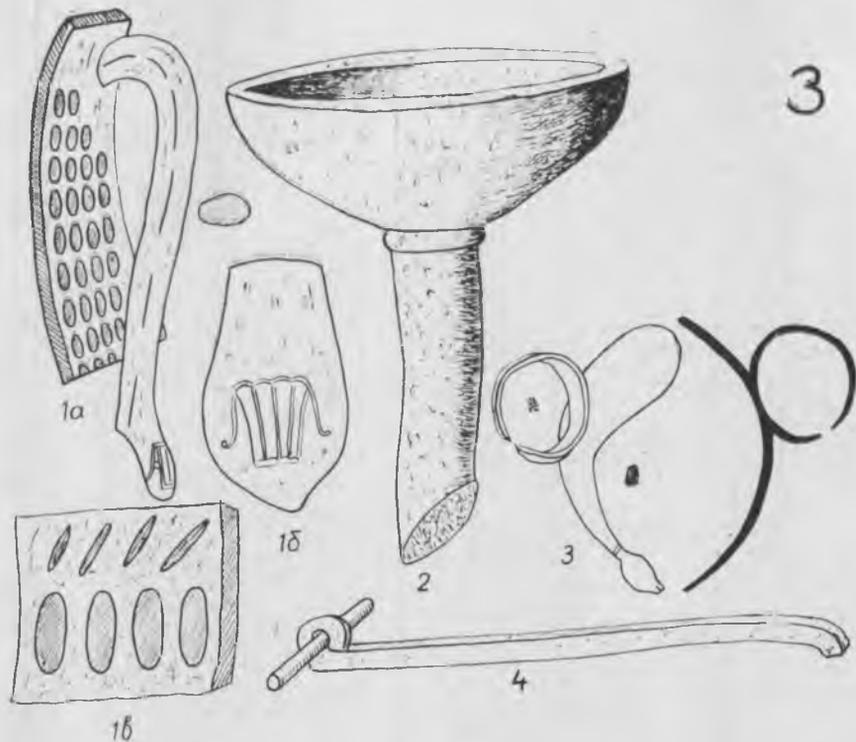
8

1, 2, 3, 4a, 5 0 1 2 3 4 5 cm

45

3

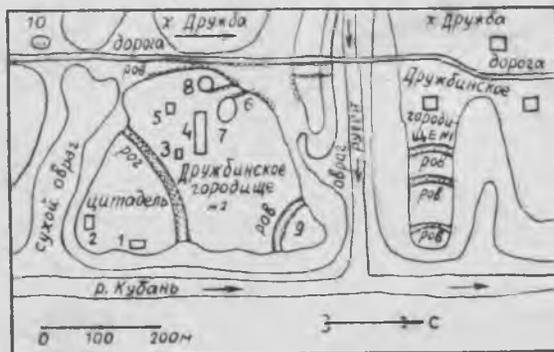

1a 0 1 2cm

1δ, 1b, 2-6, 7b 0 1 2cm

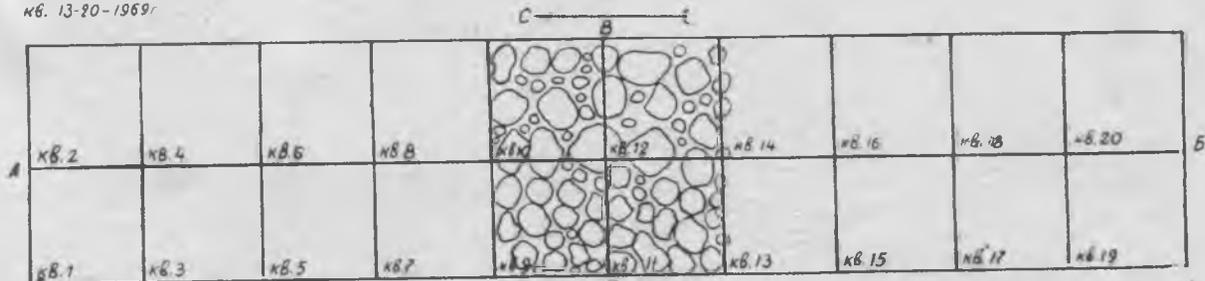
7a, 7δ 0 8cm

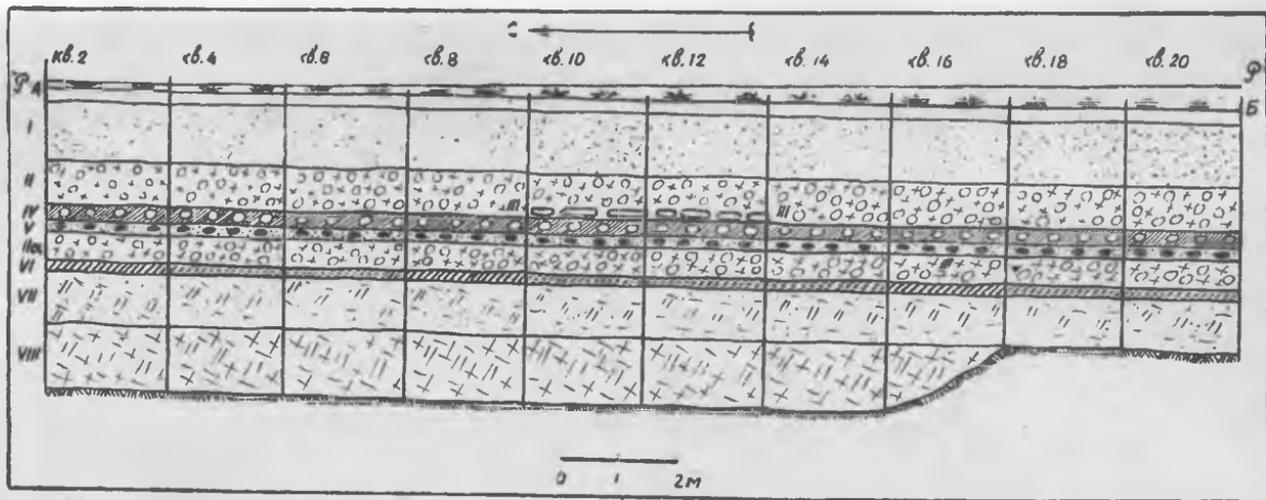
1

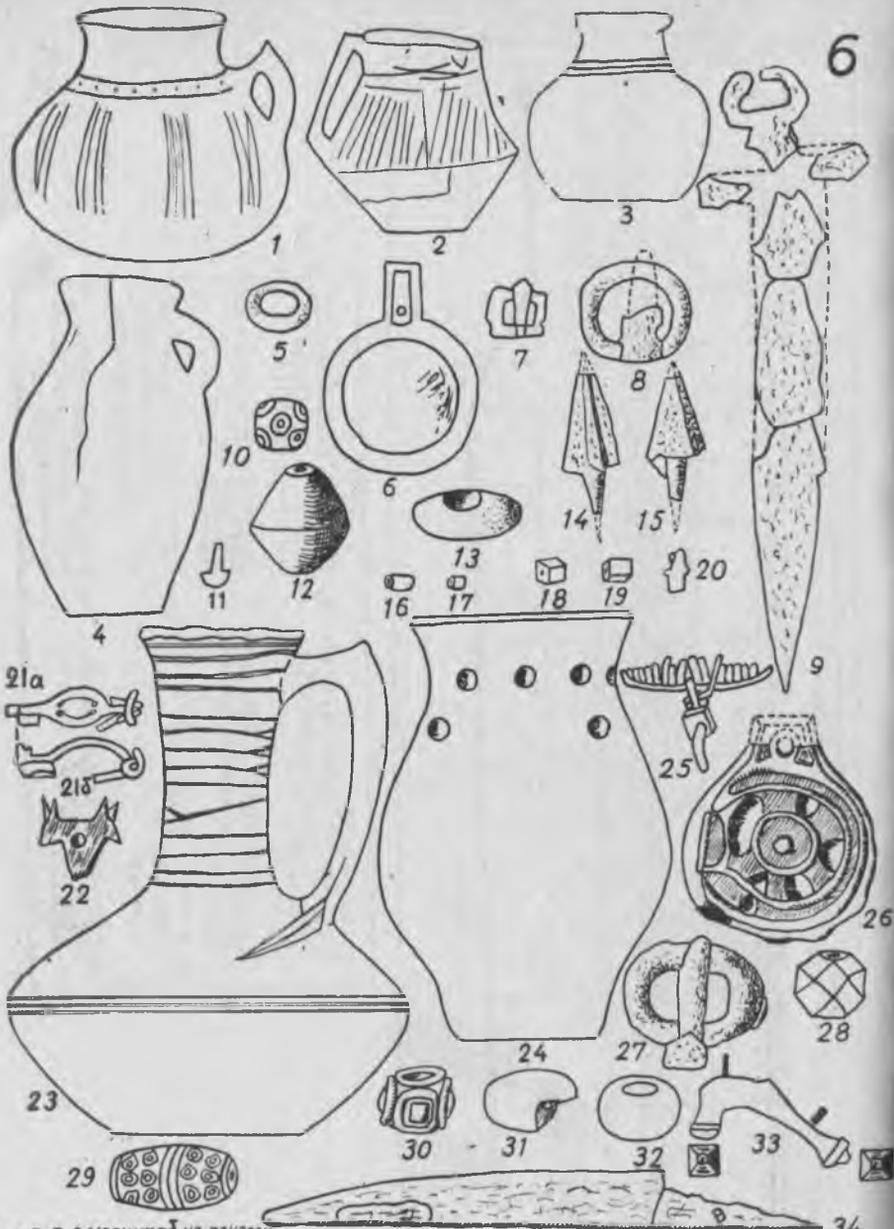
кв. 1-12 - 1968г.
кв. 13-20 - 1969г.

Вымостка на глубине
1,85-2 м

2

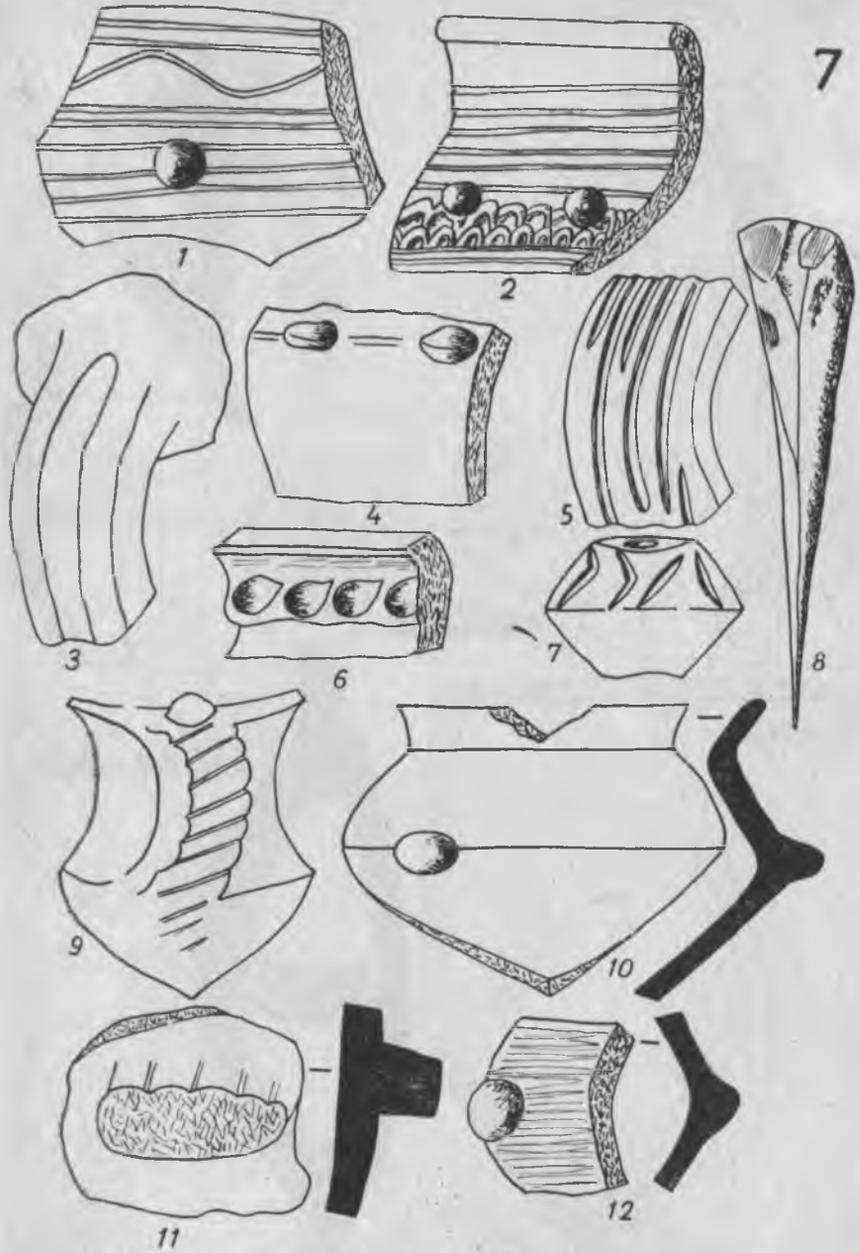
1-5, 7-9 масштаб не показан;

6, 23, 24, 34

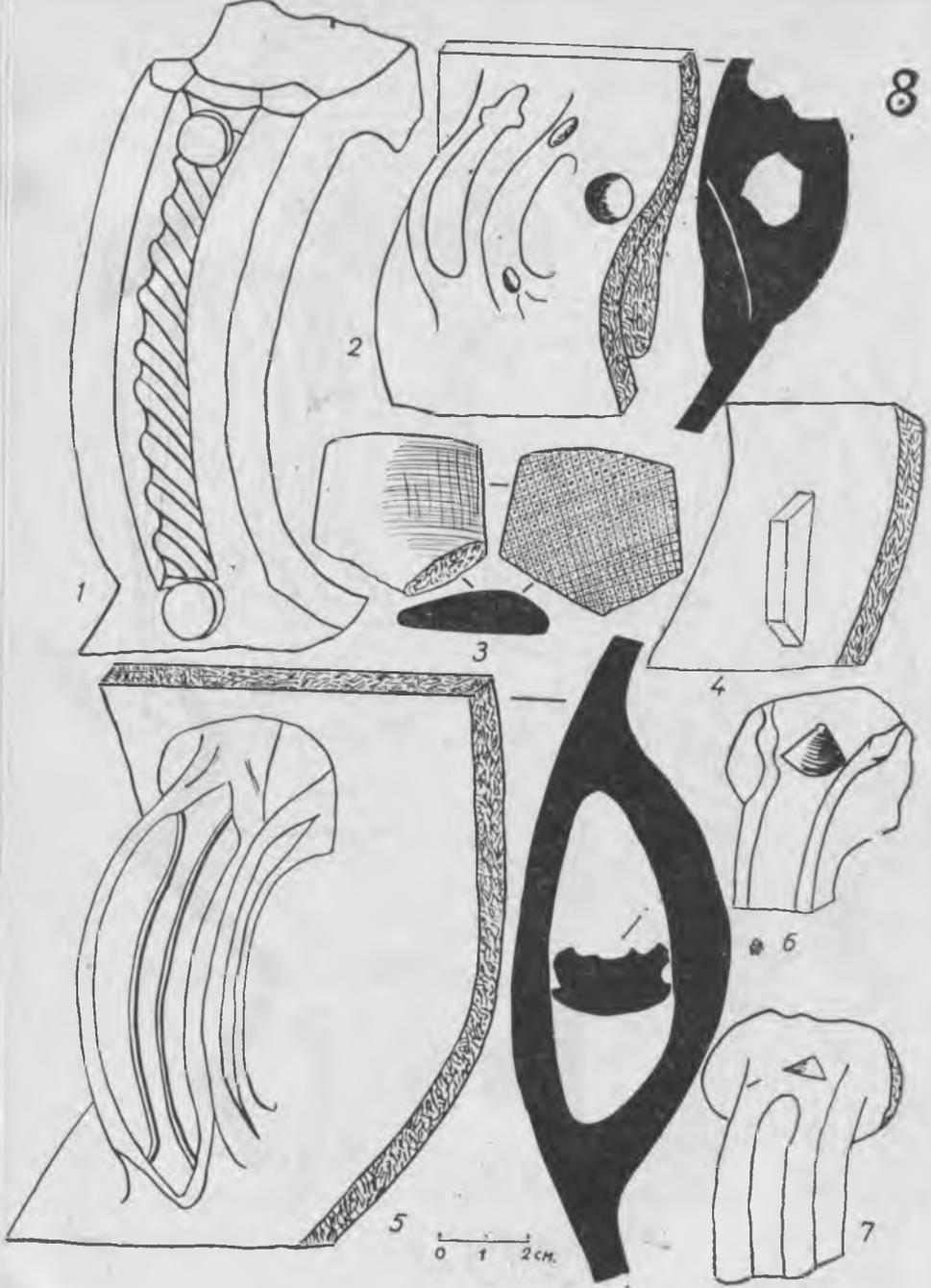
0 1 2 см

21, 22, 25-33

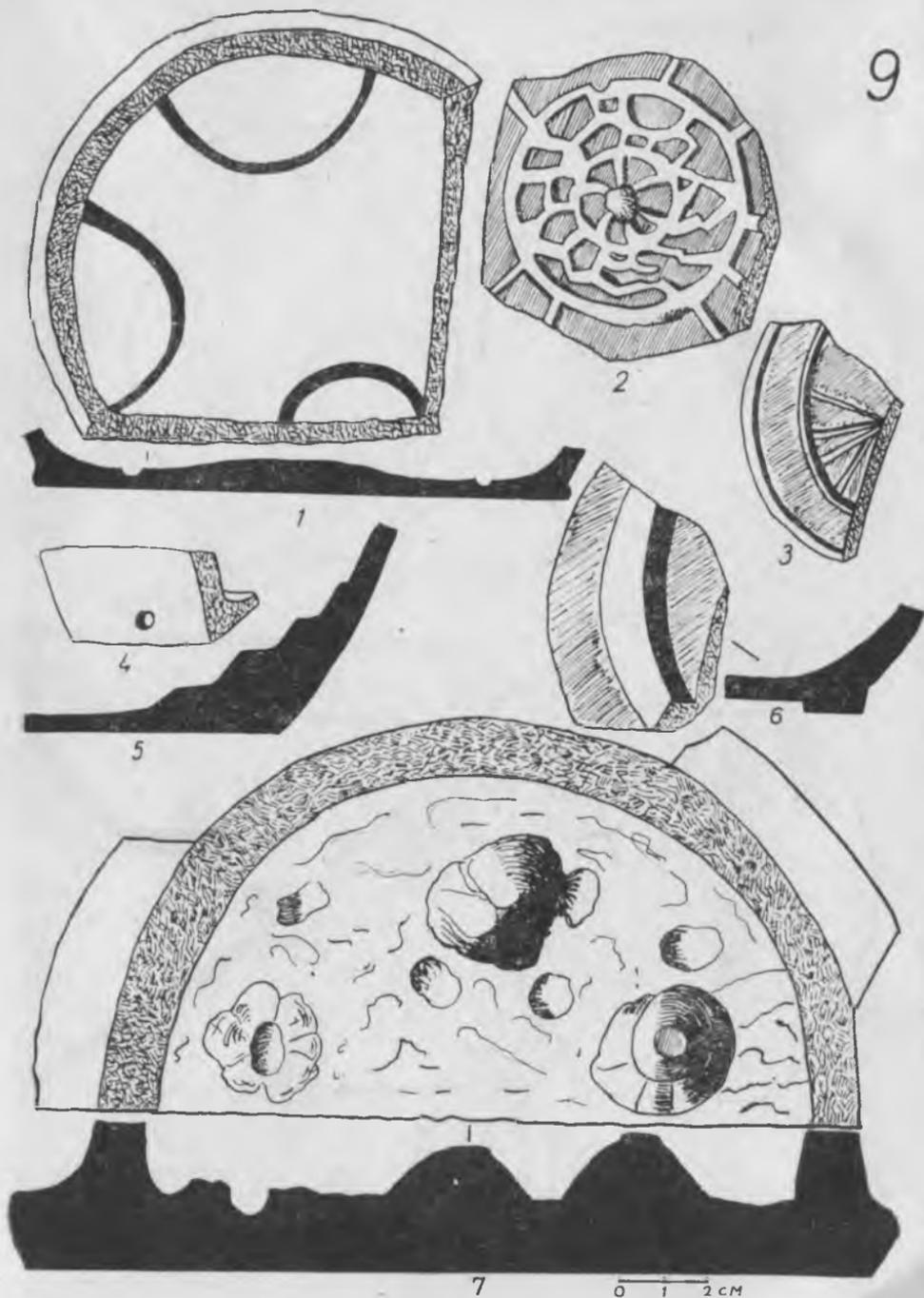
0 1 2 см

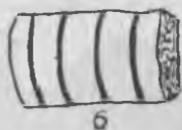
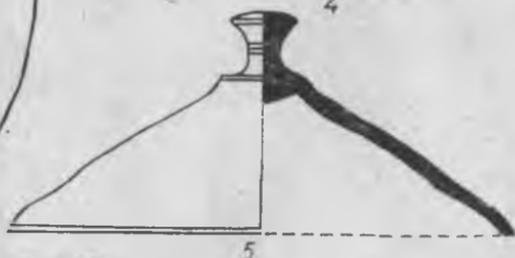
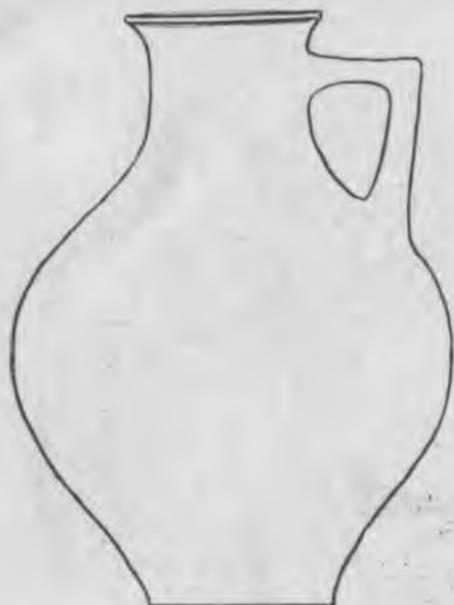

0 1 2 cm.

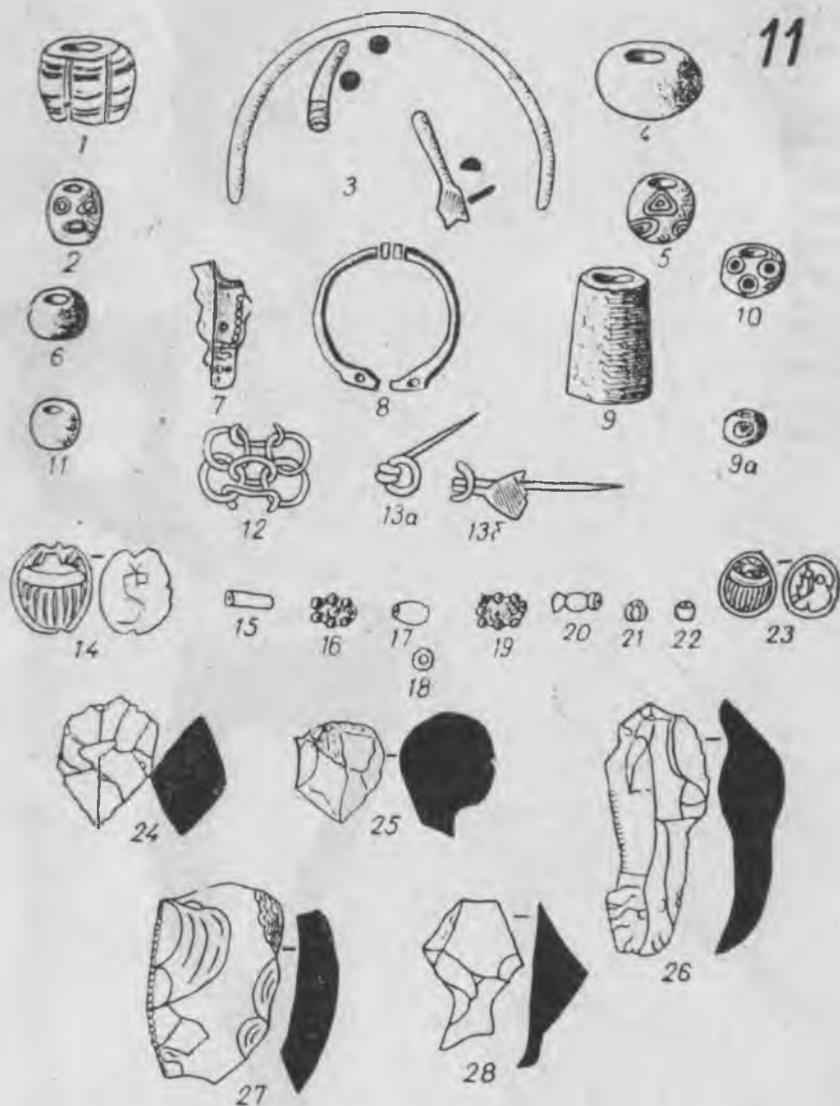

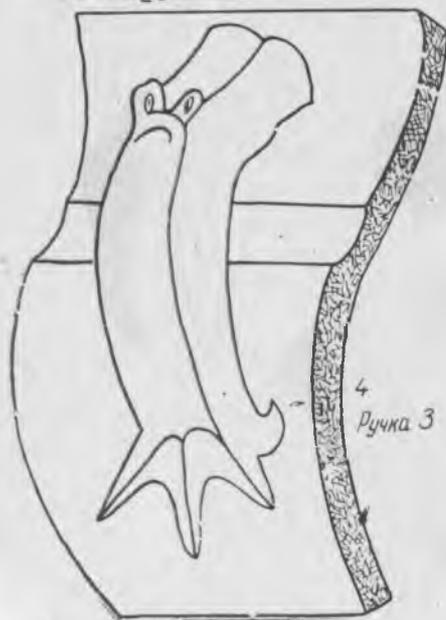
5 0 1 2cm.

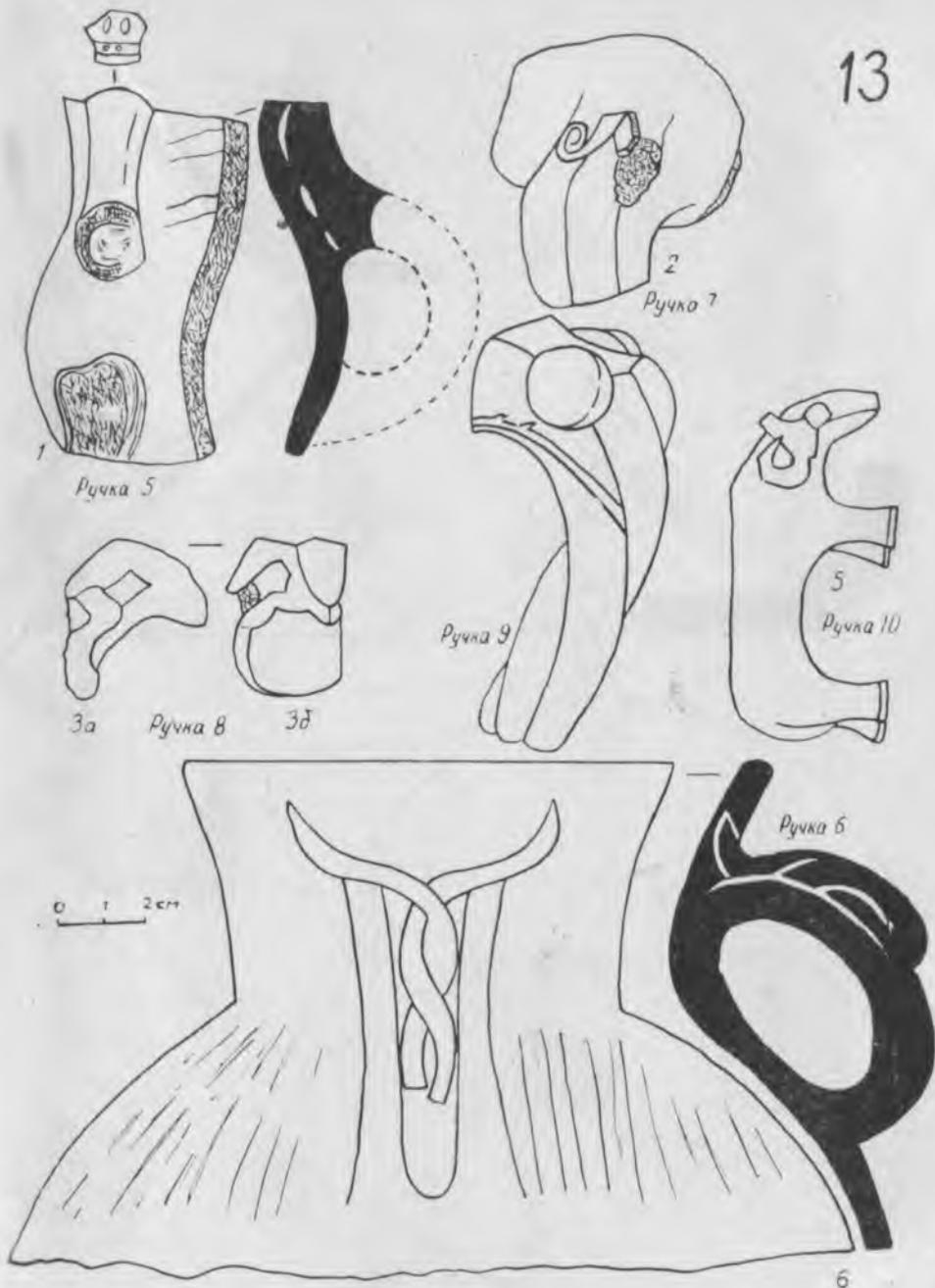

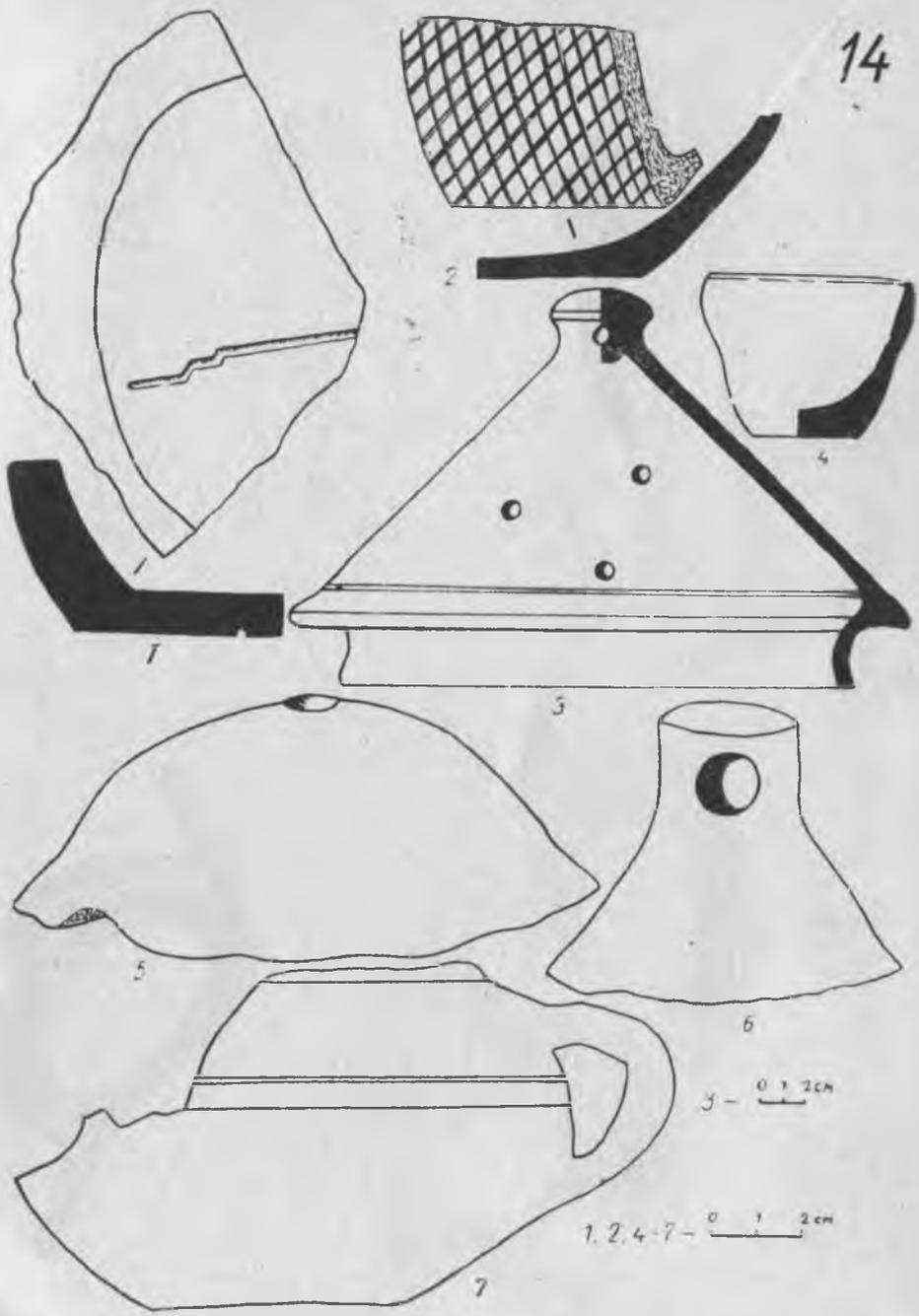

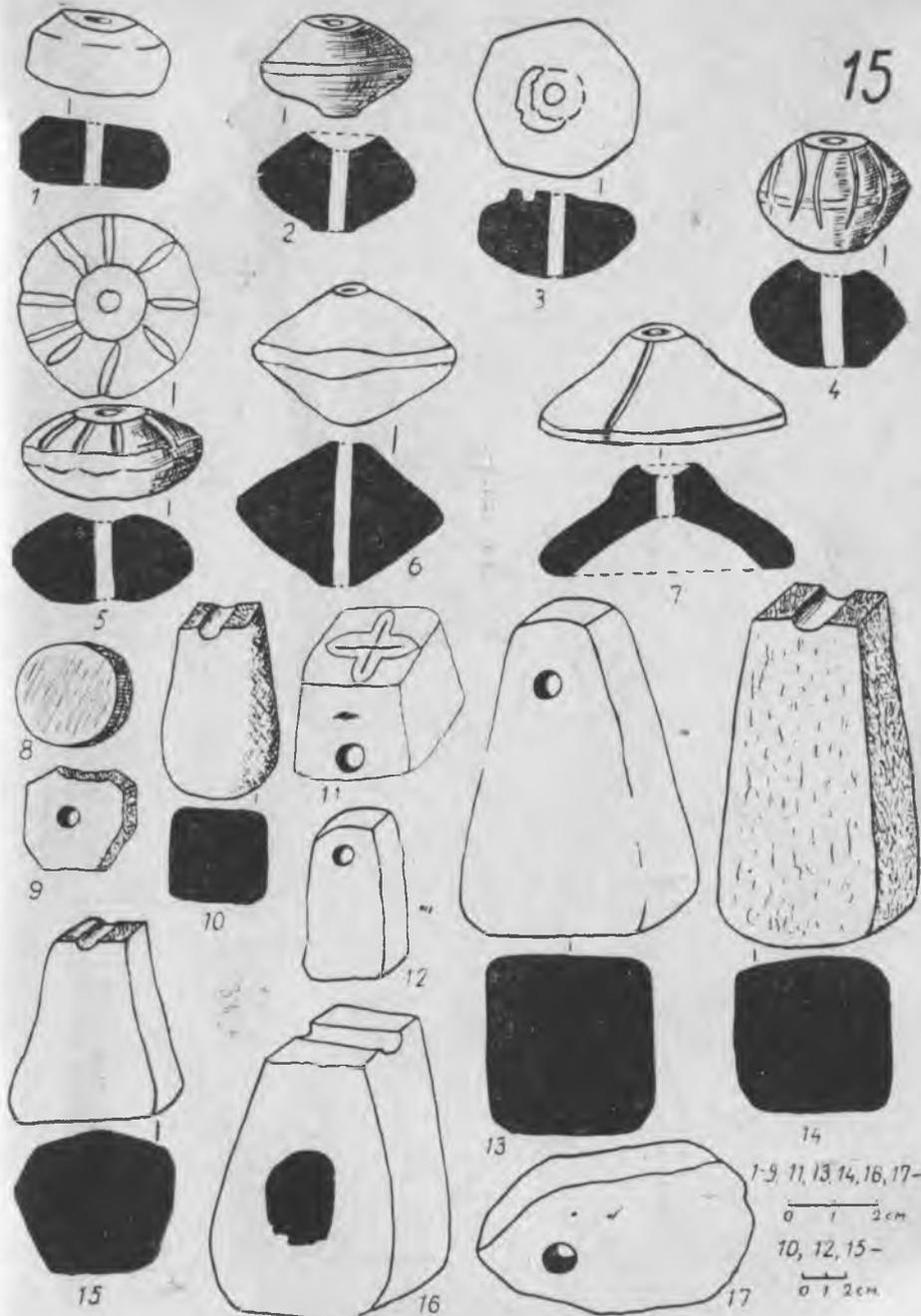
0 1 2 3 4 cm

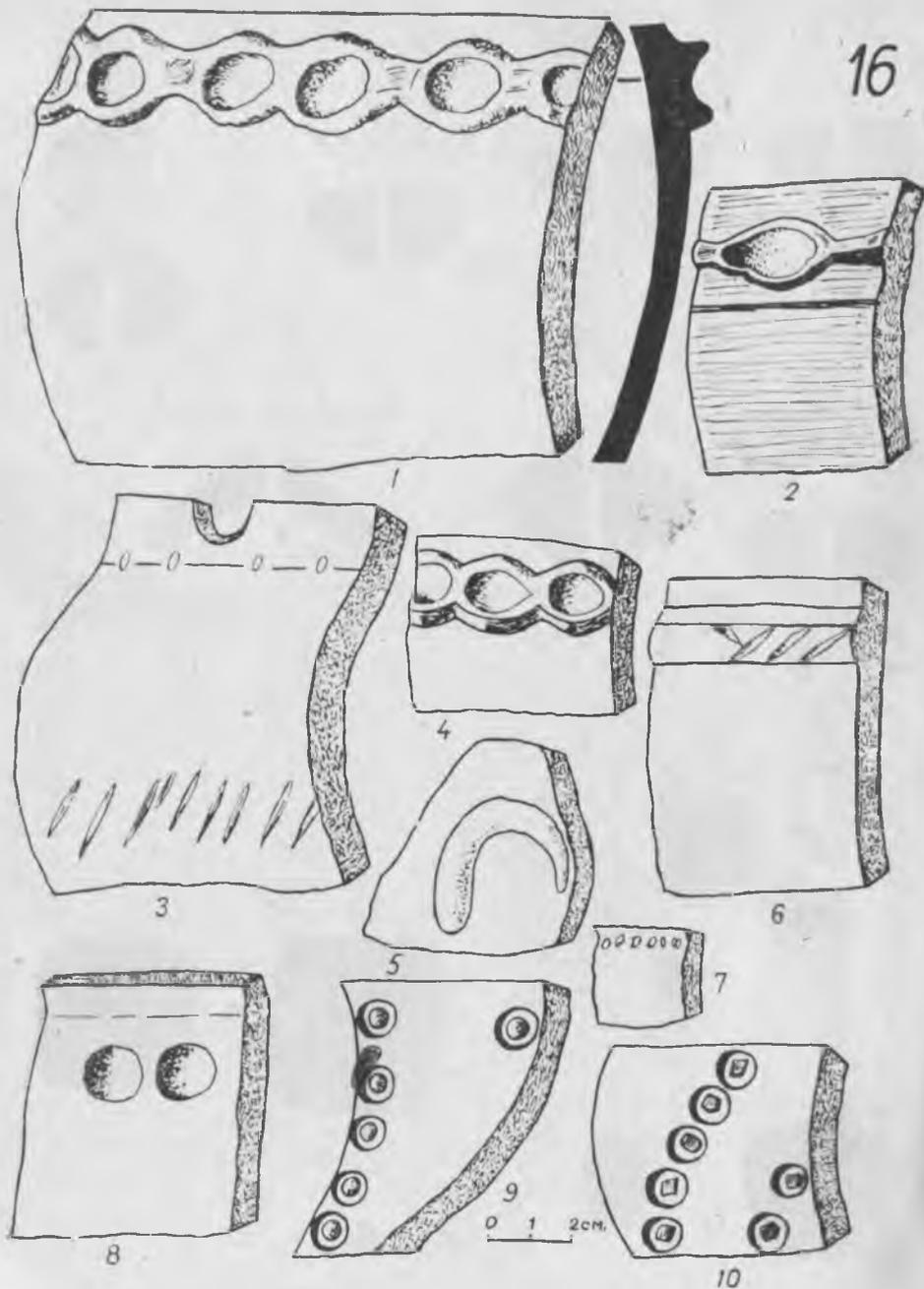

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК	— Археологическая комиссия
ВДИ	— Вестник древней истории
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР
КСНА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛОНА	— Ленинградское отделение ИА АН СССР
ЛОНИМК	— Ленинградское отделение ИИМК АН СССР
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
СА	— Советская археология
СГАИМК	— Сообщения государственной Академии истории материальной культуры
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ	— Советская этнография
ТАНИИ	— Труды Адыгейского научно-исследовательского института
ТГИМ	— Труды государственного Исторического музея
ТКЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
ТЧНИИИ	— Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
ТЧНИИ	— Труды Черкесского научно-исследовательского института
УЗКБНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	5
-------------------	---

ГЛАВА I

Меотские и сармато-аланские могильники Прикубанья.	12
Определяющие признаки меотских, сарматских и раннеаланских могильников Прикубанья.	12
Могильники Нижнего и Среднего Прикубанья.	18
А. Бескуранные погребения.	18
Б. Курганы.	36
Могильники Верхнего Прикубанья (Карачаево-Черкесия).	48
А. Бескуранные погребения.	48
Б. Курганы.	57
Общая характеристика могильников III в. до н. э. — IV в. н. э.	64
Нижнее и Среднее Прикубанье.	64
А. Бескуранные могильники.	64
Б. Курганы.	69
Верхнее Прикубанье (Карачаево-Черкесия).	80
А. Бескуранные могильники.	80
Б. Курганы.	81

ГЛАВА II

Прикубанские поселения меото-сарматского времени. Дружбинское городище № 2 как источник по изучению истории края.	83
Прикубанские поселения меото-сарматского времени.	83
Дружбинское городище № 2.	90

ГЛАВА III

Вопросы этнической истории местного населения Северо-Западного Кавказа и сармато-алан в меото-сарматское время.	110
Местные племена Северо-Западного Кавказа.	110
Сарматы — сираки и аорсы. Их проникновение на Северо-Западный Кавказ.	119
Ранние аланы.	134
Заключение.	160
Таблицы.	163
Список сокращений.	181

*Евзения Павловна
Алексеева*

**ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ САРМАТОВ
И РАННИХ АЛАН
С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
(III в. до н. э. — IV в. н. э.)**

Редактор В. И. Буяльская
Художник Ф. И. Марков
Худож. редактор М. П. Бертник
Технич. редактор Г. М. Хомякова
Корректор В. И. Аверина

Сдано в набор 12-1-1976 г.

Подписано в печать 25-V-1976 г.

Формат 60x84¹/₁₆. Физ. п. л. 11,5+0,12 карта.

Усл. п. л. 10,7+0,11 карта.

Уч.-изд. л. 10,42+0,18 карта. Заказ № 189. Тираж 500 экз.

ВУ 44144. Цена 77 коп.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства,
Черкесск, пл. Кирова, Дом печати.

Карачаево-Черкесская
областная типография,
Черкесск, Первомайская, 47.

А 47

Е. П. Алексеева. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.). - Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976.

184 стр. с илл.

В работе на археологическом материале и на основании письменных источников показаны процессы проникновения на Северо-Западный Кавказ сарматов и алан, процессы их ассимиляции с меотскими (древнеадыгскими) племенами.

902,7

А $\frac{1-6-2-48}{M 159 (03) - 76}$ 48-76

